

МЫ ИЗ ЧК

ВИКТОР КОЧЕТКОВ
МИХАИЛ ТОЛКАЧ

SHOUT
SHARE **IT**

- Мы из ЧК
 -
 - ПРОЩАЙТЕ, ГОЛУБИ!
 - ЗМЕЯ ЗА ПАЗУХОЙ
 - ЧИСТКА. ГОЛУБАЯ КРОВЬ
 - КОНЕЦ ЧЕРНОГО ВОРОНА
 - ГОСТЬ ИЗ-ЗА КОРДОНА
 - КОРОЛИ САХАРИНА
 - ПРОВОКАТОР
 - ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ
 - НЕДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ
- notes
 - 1

Мы из ЧК

Виктор Конёков
Михаил Толкач

**МЫ
ИЗ
ЧК**
повесть —
хроника

ПРОЩАЙТЕ, ГОЛУБИ!

Взахлеб свистели паровозы. Визгливо — длиннотрубные «овечки», бросая ввысь белый пар. Громоздкие «декаподы» резали басами мартовскую синь. Звонко, с веселинкой перекликались поджарые пассажирские «катюши» и товарные «щуки»...

Городок небольшой — тридцать тысяч населения. И эти негаданные гудки вызвали в нем переполох.

Со второго этажа красного железнодорожного дома, где наша семья занимала квартиру, было хорошо видно окрест. На перроне всполошились пассажиры. По путям спешили рабочие. На грязных улочках толпились бабы в теплых платках.

С крыш деревянных домов, открывших из-под снега свои грязные доски, сорвались стаи голубей, взметнулись над башнями древнего кремля, заматались, завертелись в чистом солнечном небе.

Во все глаза смотрел я на птиц: голуби — моя страсть с детства. Я следил за своей парой турманов и беспокоился: не прибились бы к чужой стае!

На скрипучей лестнице загрохотали быстрые шаги, и в комнату влетел Пашка Бочаров.

— Айда!

Шапка набекрень, голая грудь видна из-под расстегнутого гимназического мундирчика. Глаза сияют, как фонари в темноте.

Я оторвался от окна:

— Почему гудки?

— Бунтуют! Ну, скорее, Гром!

Пашка — сын железнодорожного кондуктора. Жил он в самой бедной части Рязани, на Платошкином дворе, у Троицкой слободы. Мы учились вместе в гимназии. И заманивали тайком чужих турманов. Если находился хозяин голубей — плечо в плечо защищались...

— Не возись! — торопил Пашка, прислушиваясь к тревожным гудкам.

С шумом сбежали по лестнице и, шлепая по талому снегу, побежали через шпалы и рельсы. Люди валили в депо. И мы с ними.

На высоком карусельном станке слесарь Нифонтов. Голос ясный, громкий. Слова, что булыжины:

— Царя — по шапке! Свобода, товарищи! Проклятым порядкам — конец! Образум Советы.

— Ура-а!

Многозвучно грохнула радость по цехам. Посветлели лица рабочих.

А через день мы с другом в ревкоме.

— Чего вам? — спросил Нифонтов.

— В Красную гвардию пиши! — выпалил Павел.

Председатель ревкома усмехнулся:

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать!

— А мне семнадцатый, — неуверенно вставил я.

— Вам учиться надобно! — отрезал Нифонтов и поднялся, считая разговор оконченным.

— Учиться? — Пашка ахнул по столу гимназической шапкой.

— К черту! Давай связным.

— Ну-ну, полегче! — Нифонтов поднял шапку и нахлобучил ее на Бочарова. — Связным — подойдет.

— А мне можно?

— Принято, Гром! — Председатель ревкома хлопнул меня по плечу и засмеялся: — Вместо трубы. Голосом будешь скликать людей.

Голос у меня был действительно громкий, басистый и популярному звали меня Громом.

Шли мы с Павлом и ног под собою не чувствовали: мы делаем революцию!

В небе все еще вертелись голуби. И я не утерпел:

— Погоняем?..

— Удобно ли? — засомневался мой приятель. А сам азартно следил за птицами. — Из ревкома могут турнуть, мол, молокососы...

— Последний раз.

— Ну, если последний...

До самого вечера торчали мы на крыше с шестами. Наши голуби метались в синей весенней выси... Дома меня встретили упрехом:

— Революционер, уроки учи! — Отец хмуро смотрел на меня. Ему приходилось нелегко: работал один, а в семье — семь ртов.

Ледолом на речке Трубеж — бурный. В половодье льдины выпучивало даже на улицы — несказанное удовольствие мальчишкам! Вода хмельная волнами катила во всю ширь. Пароходы вплывали чуть ли не в центр города.

И жизнь настала такая же — бурная, опасная, влекущая острой новизной.

В Рязани были заводы сельскохозяйственных машин и орудий, железолитейный, «Хромкож» братьев Голдобенковых, механическая мастерская Бальмера и Хайкелиса, завод Кунашева и Макаршина... И во всех предприятиях около полутора тысяч рабочих! А партий объявилось множество: все говорили красиво и туманно. Политические митинги и собрания, манифестации и революционные шествия — дни и ночи напролет! И речи — до хрипоты...

И всюду мы с Пашкой попевали, забросив и работу и ученье. Я к тому времени покинул гимназию и нанялся переписчиком вагонов.

По городу зашагали подростки в зеленой форме. Рукава рубаш засучены. Короткие штанишки. На голове — пирожок, схожий с теперешними солдатскими пилотками. Назывались «зеленые» бойскаутами. Рабочие не любили эти отряды — в них одни сынки богатых чиновников, торговцев и военных чинов.

— Парады вам ни к чему, — говорил нам Денис Петрович Нифонтов. — Революцию делать надо. Вот на что Ленин указывает!

Нифонтов — нестарый, молодежь принимала его, как ровесника. Но годы подполья научили Дениса Петровича сдержанности и серьезности, политической мудрости.

В мае 1918 года на станции Рязань-Уральская стихийно

образовалась ячейка Союза социалистической молодежи — Соцмол.

Мои родные были против того, чтобы я вступал в этот Союз. Мама хотела видеть меня инженером, а увлечение политикой она считала помехой на пути к этой цели.

— Решай сам, Володя! — заключил отец.

Он начинал свой трудовой путь привратником на Ярославском вокзале Москвы. Настойчиво занимаясь самообразованием, Василий Иванович вышел в начальники станции, а в Рязани служил уже в должности ревизора участка.

Я записался в Соцмол. В ячейке насчитывалось человек двадцать. Жарко спорили о путях революции, о мировой контре, о судьбе Кавказа и Антанты...

— Все мы — граждане. Зачем спорить? — заводил обычно речь сын путейского начальника. Говорил он с жаром. Пашка вскакивал как ужаленный и совал под нос оратора кукиш:

— Это видел? Мой отец с тормоза не слазит и кое-как кормит нас. А твой — руки в брюки и пузо выше носа! А по-твоему все равны!

Спорили до хрипоты. Бочаров оставался при своем мнении.

— Уйду я от вас! Скука зеленая.

Однажды на собрание пришел Денис Петрович и объявил: решено переименовать Соцмол в Российский Коммунистический Союз Молодежи.

— Боевой Союз, так назвать надо! — выкрикнул Пашка.

— Даешь РКСМ! — Это опять жаркий голос сына путейца.

— Нужен он тебе, как слепому зеркало! — распалился мой друг.

Из двадцати соцмоловцев программу РКСМ приняли восемь! Отсеялись попутчики и малосознательные ребята.

— Зовите в комсомол рабочих ребят и девчат, — учил нас Нифонтов. — Пашка правильно говорит: нам нужны верные бойцы, готовые до конца пойти за народное дело.

— Давай знакомых девушек и парней соберем! — предложил Бочаров. — У меня, сами знаете, тесно. Хорошо с чайком бы...

Идея эта увлекла нас. С каждого комсомольца собрали по два фунта соли. Мы с Павлом на крыше пассажирского вагона укатали «зайцами» в Чемодановку! А там — в село, менять соль на ржаную муку. Вернулись с кулками и с просьбой к моей маме:

— Александра Алексеевна, лепешек нельзя напечь?

— Отчего, пожалуйста.

Вечером собрались в нашей квартире. Каждый гость принес по четыре печеных картошки. Была и «жареная вода» — пустой кипяток.

У мамы слезы на глазах:

— Разруха проклятая!

Ей обидно, что не может она угостить нас как следует. Я обнял ее за плечи, прижал к себе:

— Все — отлично!

— Тетя Саша, знаете какая жизнь теперь настанет?.. Красивая, интересная. Для всех счастливая! — говорил Павел Бочаров.

Мама расчувствовалась и выделила каждому еще по маленькой крошечке сахарина.

И песни и смех звучали в нашей квартире до поздней ночи.

— Создадим комсомольский клуб, — предложил я. Ребята подхватили предложение. Но где найти помещение?!

— Поручите это мне и Грому! — вызвался Пашка.

Нифонтов поддержал нашу затею, и комсомол получил большую комнату на первом этаже здания, где размещалась контора участка пути.

— Ну, а мебелишку сами найдите. Смелее, комса! — Денис Петрович пожал нам руки, желая успеха.

Павел предложил реквизировать мебель у буржуазии.

— Зачем насилие, товарищи? Мы уговорим граждан полюбовно, — солидным баском говорил путейский сынок.

— Фу ты, черт! — Пашка и слушать не стал.

И мы пошли за нашим вожаком: тряхнули буржуев! В комнатах появились стулья и столы, занавески. Своими руками сработали подмости для выступления самодеятельности. У врача попросили пианино. Он морщился, но разрешил взять. Нашли мы и граммофон. Девушки украсили цветами комнату, помыли окна.

— Зная сообразить бы! — вздохнул Бочаров.

Красного материала не оказалось. И дома ни у кого не было кумача. Бочаров повел нас к флигелю бывшего жандарма:

— Плюшевая скатерть на столе!

На ходу решили, что переговоры будет вести сын путейского начальника. Пашка ехидно посоветовал:

— Полюбовно, так сказать, договоритесь...

Мы остались на улице, издали наблюдаем. Прошло, наверно, с полчаса, и дверь флигеля распахнулась. Наш посол спиной открыл ее, кубарем скатился по ступенькам.

— Пьяный... дерется. — Сынок чиновника вытирал кровь под носом.

Бочаров побледнел и рванул дверь. Мы — за ним. Жандарма застали в дальней комнате. Он угарно метался из угла в угол.

— Раз-зоряют! Я свободный гражданин!

Меня взяла злость: сам небось издевался над людьми!

— Цыть, гадина!

— Комсомол бить? — с яростью крикнул Бочаров. — Громов, веди гражданина Прохорова! Сдай в ревком!

Возбужденные ввалились мы в ревком. Павел с порога крикнул:

— Принимай контру, председатель!

Нифонтов нахмурился, оглядывая нас. Приподняв одну бровь, строго спросил:

— В чем дело?

Бочаров, вытолкнув бывшего жандарма на середину комнаты, распаленно заговорил:

— Бьет комсомол! Старый режим наводит!

— Вы с ним где встретились?

Мы наперебой загалдели. Нифонтов выслушал, набивая трубку табаком из кисета. Закурил. И снова подняв лохматую бровь, сказал:

— Идите домой, гражданин Прохоров.

Комсомольцы были изумлены до крайности. А Нифонтов, выпроводив бывшего жандарма, принялся нас распекать:

— Кто позволил вам позорить революцию? Советская власть — не беззаконие! Вы, как грабители, вломились в частный дом! Мальчишки самонадеянные! Стыдно, Павел! Отнесите скатерть да извинитесь.

Павел, видно, и сам чувствовал: перехлестнули! Покраснев до ушей, он насупленно оправдывался:

— Маленько нехорошо... Пойми, Нифонтов, знамя... Ребятам из депо отдал. Скости вину... А больше — вот руку секи! Слово пролетария!

Председатель ревкома перебил его:

— Сходи, Павел, сам к Прохорову. Попроси прощенья.

— Объяснюсь, — угрюмо буркнул Бочаров.

— А знамя... делайте, — добавил Нифонтов.

Павел расцвел и уже с задором выпалил:

— Объяснюсь.

Какая встреча у них вышла, мы так и не узнали. Но бывший жандарм, завидя издали кого-либо из наших комсомольцев, раскланивался.

Токарь Костя Ковалев красиво написал на красном плюше: «Железнодорожная ячейка РКСМ». А на оборотной стороне: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Со знаменем пошли мы от депо к своему клубу через пути.

Павел поднял над головой наше знамя. Тяжелая алая материя развернулась на свежем ветре. Мы невольно подобрали ногу. В

груди у меня стало тесно и тепло от какого-то нового волнующего чувства. Мы — организация. Мы — бойцы Революции!

Наша квартира была над клубом, я принес из дому большой пузатый самовар. Вечерами мы «жарили» воду и пили чай. Граммофон наявлял романсы...

Летним поздним вечером нас собрали срочно в клуб. Там были Нифонтов и учитель железнодорожной школы, старый большевик с черной бородкой. Первым заговорил Денис Петрович.

— Враг поднял голову, товарищи. В Рыбинске и Ярославле идут бои с эсерами. Банды генералов Мамонтова и Шкуро продвигаются к границам нашей губернии. Революция в опасности!

— Считать себя мобилизованными! — отрубил Пашка.

Нифонтов остановил его мягко:

— Не торопитесь. С врагами не в игру играть. И убить могут и поранить. Подумайте, товарищи!

Расходились по домам молча. А назавтра не пришел получать винтовку сын начальника участка пути. Пашка отплевывался и ругался. Нифонтов успокоил его:

— Не желей! Голубая кровь...

— Что за кровь такая, Денис Петрович? — спросил я.

— Не рабочая то есть, буржуйская.

Вооруженная комсомольская ячейка проходила строевую подготовку в Козьем саду. Стрелять учил нас Нифонтов. Комсомольские наряды ЧОНа — частей особого назначения — охраняли помещение партийной ячейки большевиков, денежные кассы станции, патрулировали пути и грузовые площадки. Случались перестрелки: враги нападали на караульных. К счастью, наши комсомольцы возвращались с дежурства невредимыми.

Подошла и моя очередь дежурить у денежной кассы. Я заперся и заложил окна изнутри ставнями. Обошел комнаты, с силой потянул запоры: все надежно! С легкой усмешкой вспомнил, как моя мать не отпускала на дежурство.

— Если уж так надо, иди с отцом! — говорила она сердито.

— Да он, мать, взрослый, — шестнадцать полных!

— Доведете меня до могилы, окаянные!

Мама не умела жить для себя. Только с годами начинаешь понимать мамин подвиг и материнские жертвы. Бесконечные переезды вслед за отцом, с детьми, со скарбом, вечные заботы о куске хлеба... Много волнений приносили и мы, дети — юность ведь эгоистична и самоуверенна...

На дежурстве сначала все было спокойно. Меня обуюла гордость: доверена охрана! И чего боялась мама?.. Винтовка со штыком, в магазинной коробке пять боевых патронов. И дверь на крепком замке. И ставни заболчены изнутри...

К полуночи я почему-то все чаще поглядывал на дверь и прислушивался. Голова клонилась к столу, и веки слипались. Ночные шелесты и шорохи сливались в однотонный шепоток...

Руки разжались, и винтовка с грохотом упала. Я ошалело схватился за штык и замер. Тихо. В отдалении гукала маневровая «овечка».

«Разберу-ка винтовку, а потом соберу», — решил я, чтобы не уснуть. Обошел комнаты, заглянул в печку. Потрогал болты на ставнях. И сел за стол.

— Курок, боевая пружина, планка, личинка, выбрасыватель, — вслух рассуждал я, перебирая части затвора.

И вдруг сильно рванули дверь снаружи. Зазвякал крючок в петле. Вот-вот сорвется. Кто-то ломился в кассу!

Торопливо сдвинул части в кучу, стараясь быстрее собрать затвор — куда там!

В дверь барабанили, рвали с силой болты ставень, И мне стало страшно. Добежал до выключателя и погасил свет. В полной темноте стучу прикладом и что есть мочи кричу:

— Стрелять буду! — А сам дрожу, губы пересохли.

Шаги под окнами затихли.

Сквозь щели в ставнях просачивался жидкий свет уличного фонаря. На цыпочках я обошел комнаты: болты целы, замок на месте, крючок в петле... Но дрожь не могу унять. И так до самого утра.

С повинной головой пришел к Нифонтову:

— Не комсомолец я... Очень боязливый... И затвор быстро собрать не научился...

Вслушав мое путаное объяснение, Денис Петрович сердито отчитал:

— Плохо, комса! Ни к черту не годно! Садись, Громов, да три часа к ряду собирай и разбирай затвор! А насчет комсомола — товарищам расскажи.

Совсем расстроенным вернулся домой. Спать расхотелось. Забрался на чердак и рассказал воркующим голубям свои злоключения. Они доверчиво смотрели на меня желтыми круглыми глазами. Садились на плечи, клевали зерно на моих ладонях. К обеду спустился вниз. Навстречу Пашка с ребятами.

— Ну, как отдежурил? — спросил Бочаров.

Что ответить другу?.. Сказать правду — засмеют. Умолчать — дружба не позволяет. А Павел, видя мое замешательство,

насторожился:

— Случилось что?

Кто-то не удержался и прыснул. Я сразу не понял, в чем дело. Но, увидя лукавые глаза Бочарова, догадался, кто стучал и гремел ночью.

— Страшно было? — спросил Пашка, смеясь и обнимая меня за плечи.

— А то нет!

Вечером только и разговора было о том, как ребята проверяли мою бдительность и как я вел себя храбро.

Нифонтов пришел в наш клуб. На стол положил круглые черные пластинки.

— Важное дело, ребята. Тут записаны речи Ильича.

— Вот здорово! — загорелся Павел. — Раструб в пасть окна. И голос Ленина — на всю станцию!

— Тут и Демьяна Бедного песни. Специально для красноармейцев. Еще, кóмса, сообразите насчет кипятка. Эшелоны идут часто, прислуга не поспевает.

А Павел уже поставил первую пластинку, и в комнате зазвучал ленинский говорок:

— Товарищи — красноармейцы! Капиталисты Англии, Америки, Франции ведут войну против России. Они мстят Советской рабочей и крестьянской Республике...

Мы до глубокой ночи слушали пламенные слова Владимира Ильича. И с тех пор, как только на станции останавливался красноармейский поезд, комсомольцы включали граммофон. И над путями гремели зажигательные речи Ленина:

— Товарищи — красноармейцы! Стойте крепко, стойко, дружно! Смело вперед против врага! За нами будет победа. Власть помещиков и капиталистов, сломленная в России, будет побеждена во всем мире!

Пока фронтовики слушали Владимира Ильича, наши ребята в ведрах разносили по вагонам кипятков.

Заклучали наши агитационные передачи песни на слова Демьяна Бедного.

Однажды вызвал меня Денис Петрович, посадил рядом и потцовски взъерошил мой чуб:

— Явишься к Феде Орлову в губком комсомола. Рекомендуем тебя, Громов, в Дашковские казармы. Организуй там молодежь, крепи комсомол! Жаль отпускать такого боевого парня, а надо. Ну что ж, держи марку железнодорожника!

Дашково урочище — это за Ямской слободой. Там жили рабочие кирпичного завода. Ребята и девчата избрали меня секретарем комсомольской ячейки. Приходилось утрами топтать

через весь город. Доводилось ночевать в комнате ячейки: тревоги следовали за тревогами — в губернии подымались кулацкие банды. На юге зверствовали атаман Краснов и генерал Мамонтов. Белочехи захватили железную дорогу от Самары до Байкала. На Волге объявилась власть меньшевиков и эсеров. В Оренбурге — палач Дутов. В Омске — Сибирская Директория. Советскую Республику схватили за горло враги.

И черной молнией весть: в Петрограде убит председатель ЧК Моисей Соломонович Урицкий. А вслед за этим:

— Покушение на Ленина!

Загудела трудовая Рязань:

— Кровь за кровь!

Почти из каждой семьи рязанцев ушел мужчина в Красную Армию.

Ни одной ночи не проходило без стрельбы. Патрули задерживали переодетых офицеров царской армии, пробиравшихся к Деникину, кулацких сынков, юнкеров, бандитов. Лабазники Рязани нападали на угольные поезда и растаскивали топливо, идущее в голодную Москву и раздетый Петроград.

Как-то в станционный комсомольский клуб завернул Нифонтов. Худой, пожелтевший от недосыпания. Голос грубый, а слова злые. Раскуривает трубку. Она шипит и трещит, как рассерженная.

— Тугие времена пошли, комса! Вам жить да бороться. Вот и примите в сердце такой поганый случай. Как нашего брата — ротозея враги охмуряют. Был у меня давний дружок. Колька Балабанов. В партию большевиков записался в партийную неделю. Ну и назначили его продовольственным комиссаром в Рязанский уезд. Блюди, мол, интересы народа!

Тогда же из губпрода послали в Ухолово некоего Белякова. Вертлявый человечешко, а хитрый — поискать надо. Но грамотей! Ну и назначили его заведующим элеватором. А с ним жена, красивая, из купеческого племени, наша рязанская...

Нифонтов откашлялся.

— Едет, значит, Колька в Ухолово. С проверкой. Ну, Беляков зовет его ночевать. Глянул Балабанов на женку — и взыграл, как жеребец стоялый! Глаз не сводит. А как хлопнули по стакану самогонки, и совсем дурью опутался. Будто умом рехнулся парень. Другой раз и не надо ехать в Ухолово, а едет. Заведующий смекнул, чего надобно комиссару. А рыльце-то у Белякова не то, что пухом, а щетиной обросло. Набрал к себе бывших мельников да кулаков. Наши люди сигналият:

— Хлеб крадут!

А Балабанов, знай, любезничает с жинкой заведующего и на

тревогу чихает. Беляков идет дальше. Как только Колька на порог к нему, так хозяин в Рязань, дела, мол, неотложные. Ну, Колька, значит, ночевать. И не устоял комиссар. Женка сама к нему в постель... А Белякову того и надо. Сплавляет хлеб купцам да спекулянтам. Чекисты чуют: грязное дело! И послали своего хлопца сторожем на элеватор. Ну, когда крупная сделка, так сторожа в сторону. А он молчит да на ус мотает. Приглаживается. А дело-то оборачивалось не простой кражей. Балабанов совсем стреножился с этой шлюхой. Беляков подобрал людей и приготовился поджечь элеватор с хлебом. Ждал сигнала. Ну, а чекист стукнул своим. Явились они в Ухолово ночью, горяченьких повязали. А заодно и Кольку. И выяснилось, что Беляков был крупным буржуйским шпионом.

Мне ярко представилось, как чекист выслеживал шпиона и, может быть, впервые захотелось самому распутывать хитрые замыслы врагов. То был сильный толчок, определивший весь мой жизненный путь. Я сказал себе: «Буду чекистом!»

— К чему мои разговоры? — спросил Нифонтов и сам же ответил: — К тому, что нельзя нам терять революционную бдительность. Враг очень хитрый, коварный и злобный. Мотай, братва, на ус!..

А на следующую ночь в Рязани ударила тревога. Комсомольцы сбежались в казармы, как было указано заранее расписанием. Курим махорку. Едучий дым коромыслом. Павел Бочаров рядом: вспоминает первые дни организации Соцмола.

— Где теперь сынок начальника путейского? — вслух подумал я.

— Затесался в какую-то банду. Погиб в стычке с чоновцами! — без сожаления ответил Бочаров.

Пашка стал еще непримиримее. Гимназический мундирчик истрепался. Длинные руки Пашки далеко высывались из коротких разохрившихся рукавов. Курносый, взъерошенный, с быстрыми глазами, говорил он резко и уверенно:

— Ты взял на учет дашковскую контру?..

— Откуда там контрики? Так, больше извозчики...

— Каждый хозяйчик готов душить революцию! Ты про красный террор слышал?..

В это время далеко впереди на помост поднялся Нифонтов:

— Товарищи! Кавалерийские банды Мамонтова прорвали фронт и грозят Козлову, — зычно, митингово заговорил Денис Петрович, отсекая слова взмахом руки. — В городе объявляется военное положение. Набираем добровольцев.

— Рубанем буржуйских сынков! — радовался Павел, кидая кепчонку на затылок.

Все курят — дым глаза ест. У столика, где примостился бородатый учитель, создалась очередь. Павел в числе первых. Записался и я.

А когда дома сказал об этом, мама расплакалась:

— Детей в войско... Где же такое видано?..

Маме вторили мои сестры. Отец отмалчивался. Но по глазам я видел: на этот раз и он против моего порыва.

— Все ребята идут на войну, а мне что же, голубей гонять?

— Схожу-ка я к Денису. — Отец собрался к Нифонтову. — Неужели власти намерены комплектовать армию из молокососов. Я встал в дверях и руками уперся в косяки.

— Отец!

Должно быть, вид у меня был решительный. Отец расстроено махнул рукой, швырнул форменную фуражку в закуток:

— Черт с тобою!

С тяжелым сердцем забрался я на чердак, к своим голубям...

Кроме десантной группы железнодорожники готовили бронелетучку. В товарном вагоне выломали боковые стенки и сложили из мешков с песком брустверы. В открытых бойницах установили пулеметы. Так же оборудовали и платформы. А на паровозе смонтировали броневые плиты.

Костя Ковалев написал аршинными буквами по бортам: «За власть Советов!»

Ревком и Учполитотдел остались довольны: задание командования фронта и Реввоенсовета было выполнено в срок. Денис Петрович, ежедневно осматривавший бронелетучку, подсказал:

— Лозунгов надо поболее.

И Костя Ковалев ко дню отправления на фронт изукрасил бронелетучку. На паровозе — «Смерть белякам!» А на последней платформе — «Мир — хижинам, война — дворцам!» На дымовой коробке паровоза — яркая алая звезда.

Провожать добровольцев на вокзал пришла добрая половина тогдашней Рязани. Играл духовой оркестр. Настроение у всех тревожно-приподнятое.

В кругу знакомых и родственников под лихую гармонику Ковалев отплясывал барыню. Он был чуть под хмельком. Густой чуб свисал на глаза, и Константин поминутно откидывал его назад. С ним в кругу была молодая, раскрасневшаяся жена. Она плясала и что-то выкрикивала высоким голосом, как причитание.

Комсомольцы Дашковских казарм пришли со своим развернутым знаменем. Песня сама рвалась в сентябрьское небо:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов.
И как один умрем
В борьбе за это!..

Встречали нас учитель и Нифонтов:

— Здравствуйте, товарищи комсомольцы!

— Здр-р-рас-с-сте!

Учитель пощипывал бородавку.

— Умирать не нужно. Победить нужно, товарищи!

— Ур-ра-а!!!

Вот по перрону под тяжелым плюшевым знаменем, чеканя шаг, как настоящие солдаты, маршируют комсомольцы Рязани-Уральской. Павел Бочаров — впереди! Вот он браво рапортует Нифонтову, приложив руку к гимназической, сбитой набекрень фуражке:

— Сводный отряд молодых железнодорожников готов отбыть на фронт!

Рассыпался строй. Ребята смешались с провожающими.

Со слезами на глазах стоит моя мама в черном платке и рядом — притихшие сестренки. Отец разговаривает с начальником станции в красной фуражке, а глаза косит на меня.

В безоблачном небе над нашим домом вьются голуби. Мы с Пашкой держимся за руки. Смотрим на них. На сердце тайное волнение: как-то обойдется? Едем на войну!

Но вот и долгий гудок паровоза. И команда:

— По ва-а-а-го-о-онам!!!

Дрогнули стыки под колесами, и Рязань поплыла назад. Толпа на перроне бурлила, рвалась к движущемуся поезду.

— Возвращайтесь скорее!

— Возьми пирожки, Вася!

— Пригибайся, Костя, чтоб пуля миновала.

— Он на четвереньках на кавалерию.

— Хо-хо-хо!

Жена Ковалева бежала рядом с вагоном, волосы ее растрепались, спадали на плечи. Она плакала и все не отпускала руку мужа. Поезд набрал ход, и женщина осталась на краю перрона.

Побежали домики с садочками — окраина! А дальше — разморенная летом степь.

Ночь проспали, прижавшись друг к другу. А на рассвете поезд резко остановился.

Павел Бочаров с силой откатил дверь вагона и выпрыгнул на

землю. Наблюдатель с крыши крикнул:

— За бугром всадники!

Павел проворно забрался к нему, приложился и выстрелил в поле. Стреляли и в голове бронелетучки. На крайней платформе заговорил наш пулемет, распугивая утреннюю тишину.

Вдоль вагонов бежал Нифонтов и грозил машинисту:

— Ходу! Ходу, мать рас-так!

Орал во все горло Павел:

— Двигайся! Сшибут снарядам!

Бронелетучка тихонько тронулась и в глубокой выемке остановилась.

Нифонтов командовал:

— Десант, в це-е-пь!!!

Мы взяли винтовки наперевес, бросились через кювет в чистое поле. Неприятельские кавалеристы спешили и укрылись за бугром. Последовала новая команда Нифонтова:

— Ложи-и-ись!

Мы упали в траву.

В небо взмыли жаворонки, и полилась их песня над притихшими полями. Вот опомнилась перепелка:

— Спать хочу! Спать хочу!

Мы лежали в высокой, подсохшей за лето полыни на меже. Солнце припекало. Земля пахла влажной от росы стерней. Слышно было, как за бугром позванивали удила лошадей.

Пока бежали по полю, Павел подбадривал меня:

— Не пугайся, Володька... Не каждая пуля в цель...

И мне действительно было спокойнее с другом. А лежа в траве, Бочаров учил меня:

— Целься в грудь... А если на коне, то бери упреждение...

И я поддакивал ему, будто бы он знал больше, чем я.

Впереди на бугре закричали:

— Приготовиться!

Враз заколотилось сердце и пересохло во рту. Ноги напружинились. Все взгляды — на Нифонтова. Вот он поднялся во весь рост в кожаной тужурке, как великан на фоне светлого неба.

— За мною! Бей беляков!

Заработали все пулеметы бронелетучки.

Злобно хлестал свинцом вражеский стан.

Свистали пули.

Я бегу рядом с Павлом. Стреляем. Кто-то упал и закричал истошно:

— О-о-о!

Тяжелый топот, трудное дыхание, пот заливает лицо.

— Вперед, орлы! — звал Нифонтов, размахивая револьвером.

И мы бежали. Трава опутывала ноги. Падали. Стреляли в темные бугорки, раскиданные по полю — там враги! Ковалев, бежавший рядом, споткнулся и странно захрипел. Сломавшись пополам, упал.

— Что с тобой? — Я подполз к товарищу.

Константин дергался в траве, сильно сучил ногами. Из рта фонтаном била кровь. Меня замутило. А рядом Павел орал:

— Ур-ра-а!!!

Ковалев хрипел, давясь своею кровью:

— Бе-еги-иии... б-бе-ей...

Подскочила женщина с санитарной сумкой, и я кинулся догонять атакующих.

Беляки не выдержали натиска — показали спины. Оседлав коней в яру, они пустились в бегство.

Я был потрясен смертью Ковалева. Казалось, что Костя никого на свете не боится. А маленькая пуля срезала. И он остался в траве. А жена ждет его...

Белогвардейцы сунулись было еще раз, но наша бронелетучка охладила их пыл пулеметным огнем.

Мамонтовцы не прошли в Рязанскую губернию.

С воинскими почестями мы хоронили веселого токаря и других товарищей, павших в стычке с врагами. На высоком степном холме вырыли длинную могилу. Под звуки ружейных

выстрелов опустили в нее погибших. Строем прошли мимо, и каждый боец бросил комок земли. Маяком героизма остался на холме столб с пятиконечной звездой наверху.

Рязанцы патрулировали железные дороги от Рязанского до Козлова и Воронежа. И лишь в начале зимы вернулись домой, обстрелянные, повзрослевшие. А зима была голодная, холодная. Военная...

Нас с Павлом Бочаровым вызвали к председателю губкома комсомола:

— Поедете в Егорьевск комсомол создавать!

Мать ворчала:

— Не сносить тебе головы, Володя!

— Ученьем занялся бы лучше! — вторили сестренки.

Но я уже хорошо усвоил, что такое долг комсомольца. Собрал сумку и вместе с другом вышел на железнодорожные пути.

Ехали сначала в «товарняке», а потом — на санях. Жуткий мороз пробирал до костей. Пашка был в гимназической шинели. У него пробивались первые усы. От дыхания над губой оседал иней, и Павел не торопился стирать его — мужчина. Почти всю дорогу по проселкам он бежал за санями, натягивая мелкую шапочку то на одно, то на другое ухо, хлопая рука об руку:

— Ух, жарко!

Но вот, наконец, и маленький Егорьевск. Рабочие бумаго- и льнопрядильных фабрик братьев Хлудовых — весь рабочий класс!

Быстро находим гостиницу, занесенную сугробами. На ржавой вывеске крендель и чашка чая.

— На печку бы сейчас! — покрякивает Павел Бочаров, пробираясь по узенькой, в одну стопу тропочке на крыльцо.

Хозяин долго и придирчиво рассматривал наши мандаты.

— Это что же, религия такая — комсомол? — допытывался он, недоверчиво оглядывая нас.

Павел с сожалением посмотрел на тощего хозяина и с чувством превосходства ответил:

— Российский Союз Молодежи!

В тон ему я добавил:

— Коммунистический!

— Выходит, власть новая. А Советы что ж, по боку?..

— Ну, ты, контра! — озлился Бочаров. — Помещай скорее!

Хозяин вернул нам мандаты, кутаясь в полушубок, повел по коридору.

В номерах — стужа. В городе нет топлива! Стены покрыты изморозью. В углах окон на веревочках висят бутылки, в них сбегает вода с подоконников. Серые облачка вылетают из рта.

— Айда на кухню! — находчиво предложил Павел.

Там у плиты нашли дежурную горничную. Она угостила нас супом с кониной. Кружка кипятка — и мы на седьмом небе!

В кухне и застали нас чекисты.

— Документы!

Пристрастно читали каждую строчку мандатов. Старший потом пожурил:

— В партийную ячейку или в уездный комитет надо было зайти.

Хозяин угодливо улыбался.

Спали в верхней одежде. Утром кое-как протерли глаза и поспешили в уком РКП(б). Встретили нас приветливо.

— Холод во всем городке. Последние дрова отправили в Москву — там вовсе гибель, — говорил секретарь укома.

— Бдительные у вас ребята! — сказал я, вспомнив ночных гостей. Секретарь улыбнулся:

— Хозяин гостиницы всполошил: подозрительные люди потребовали номера! Банды вокруг города...

На вечер назначили собрание молодежи Егорьевска. В мрачном холодном зале театра горела единственная керосиновая лампа. Она освещала лишь небольшой круг возле сцены.

Мы с Павлом расхаживали в нетерпении и с надеждой поглядывали на дверь. Пашка бормотал про себя, готовя горячую речь. И я повторял в уме слова, какими должен был открыть собрание. Томительное ожидание затянулось. Заглянули два парня и ушли, поеживаясь от холода.

— Не вешай нос, Гром! — утешал Павел. — Завтра устроим по-иному.

Несолоно хлебавши вернулись в гостиницу. Снова ночевка в одежде. Опять утром кружка «жареной» воды. Но к обеду на всех улицах пестрели афиши: «В театре танцы под духовой оркестр!» Секретарь укома позаботился о музыкантах. И реклама сработала. В зале собралось человек сто. Ходят, присматриваются, заглядывают в оркестровую яму, где бренчат инструменты.

— Громов, занавес! — скомандовал Павел. — Оркестр, шпарь Интернационал!

И тут — конфуз. Музыканты не знали, как играть партийный гимн. Но Павел нашелся:

— Играй что-нибудь!

Оркестр дунул какой-то военный марш. Я раздвинул занавес и очутился на голой сцене один. В полутемном зале едва различались люди. Шепоток, шарканье, приглушенные смешки. И у меня отнялся язык. Стою минуту молча. Бочаров сидит внизу за столиком, готовый записывать желающих вступить в РКСМ. Он не вытерпел:

— Давай!

Трубным голосом кое-как начал я рассказ о делах рязанских комсомольцев. Потом про наш поход на мамонтовцев. Увлёкся воспоминаниями, и получилось живо и интересно. Закончил речь призывом:

— Записывайтесь в комсомол, товарищи!

Юноши и девушки охотно откликнулись: в списке оказалось свыше пятидесяти человек. Стали избирать секретаря и его заместителя. Шум, шутки, смех... И вдруг из темного угла:

— Обманщики!

— Где ваши танцы?

Недовольных сами егорьевцы выпроводили из зала, а Павел Бочаров стал пояснять новым комсомольцам, как вести работу.

В заключение беседы щекастая, с веселыми глазами девушка спросила:

— Комсомольцам танцевать можно?

— Вообще-то танцы — буржуйское дело! — вполне серьезно ответил Бочаров. — У нас это пресекается. Нам никак нельзя отвлекаться от дел революции!

— А зачем нас собирали? — высунул голову из ямы музыкант с бакенбардами.

Мы переглянулись, и Павел крепя сердце разрешил:

— Только народные. Никаких буржуйских!

Оркестр заиграл вальс. Скамейки моментально в сторону. Закружились пары...

В Рязани нас ждала страшная весть: бандиты напали на рабочий патруль и зверски убили Дениса Петровича Нифонтова! Наш наставник и политический учитель убит! Защемило сердце, а в мыслях он все еще живой, деятельный, непримиримый. Пошли на городское кладбище. Постояли молча у свежего, еще не припорошенного снегом холмика.

— Поклянемся отомстить за Нифонтова! — глухо промолвил Павел, сжимая кулаки. — Враг тот, кто не с нами! И гибелью своей утверждай революцию!

Я повторяю громко:

— И гибелью своей утверждай революцию!

...И вот я прощаюсь с Рязанью. Отца моего перевели на работу в Сечереченск.

Поезд тронулся. В весеннем небе вертелись, кружились, взмывали ввысь беззаботные, милые моему сердцу голуби.

Рядом с вагоном быстро шел мой закадычный друг Павел Бочаров.

— Крепче держись большевиков, Володя! — говорил он. — И не забывай друзей. Помни нашу клятву.

Последнее пожатие. Прощай, юность. Здравствуй,
неизвестное!..

ЗМЕЯ ЗА ПАЗУХОЙ

Поезда в Советской России отправлялись в те годы облепленными людьми: ехали на подножках, на крышах, в угольных ящиках, на буферах вагонов...

Голод и разруха бросали народ в дорогу. Кто менял, кто воровал, третий — перепродавал, иные же наживались на горе людском.

Железные дороги задыхались от безмерного наплыва злых, изможденных, крикливых, пронырливых пассажиров.

А у нас — срочная командировка. Мы, сотрудники ВЧК, затерявшись среди мешочников и спекулянтов, пробирались на перекресток двух важных железных дорог Приднепровья.

— Нажмем, други! — Вася Васильев выставил крутое плечо вперед. Мы подналегли, и толпа в тамбуре вагона раздалась.

— Тю, скаженни!

— Осади! — Васильев опытным глазом железнодорожника

быстро высмотрел в вагоне купе посвободнее.

— Садись, хлопцы!

На нас косятся и кроют в открытую злыми словами. Мы отмалчиваемся.

У Васи Васильева умные серые глаза, буйный чуб выбился из-под картуза. Грязная рубашка с вышитым воротником, перехваченная пояском с кистями. Вася, улыбаясь мягко, теснит смурых дядек с мешками:

— Посуньтесь трошки!

Он прежде работал проводником вагонов и дежурным по станции — сноровку имеет.

Тронулся поезд, и скоро в вагоне стало просторнее и светлее.

Молчаливый Никандр Фисюненко прикрыл глаза брылем хуторянина — дремлет.

Примостился и я с краю лавки.

Когда мы переехали в Сечереченск, в маленькой комнате, где поселилась наша семья, состоялся совет: как быть со мною?

— Иди, Володя, на строительное отделение техникума. Строитель во все века и всем народам нужен, — говорила мама, все еще надеясь видеть меня инженером. Ее очень тревожила моя связь с чоновцами. Увидя, что я отрицательно мотаю головой, добавила:

— И Советской власти строители нужны! Сам видишь, разруха всюду.

Отец поддержал маму:

— И Ленин вас, комсомольцев, к этому же призывает. Ты же сам мне речь его читал. Иди учиться, Володя!

В душе я соглашался с ними, но долг комсомольца звал меня на борьбу.

В Крыму сидел Врангель. Шла битва с польскими захватчиками. Внутреннее положение Украины оставалось тяжелым. Банды Махно, Каменюка, Зеленого, Ангела, Совы, Черного Ворона и других отпетых злодеев грабили, убивали людей, опустошали и жгли села, уничтожали советских и партийных работников, сеяли на своем разбойничьем пути страх, горе и слезы. Красные конники гонялись за этими атаманами, рубили белобандитов. Но разбойники, отменно зная местность, поддержанные кулаками и националистами, нередко ускользали из кольца кавалерийских облав и вновь устраивали резню и поджоги уже совсем в другом месте.

Учиться я все-таки поступил. Но и связь с чоновскими товарищами не прерывал.

Однажды меня вызвали в губернский комитет КСМУ.

— Направляем тебя, Громов, в органы ВЧК.

Это соответствовало моим планам. Но мама была совсем удручена, узнав о новом назначении.

— Эх, останешься, Вова, недоучкой!

— Я буду учиться, мама! Вечернее отделение есть... Заработок нужен.

А жизнь была очень трудная. Чекистам часто выдавали только по фунту пшеницы. Варили ее в котелках и жевали. А если получали муку, то тут же на рабочем столе раскатывали тесто, делали галушки и варили на «буржуйке» суп. Обмундирования не было — ходил кто в чем мог. В стране были созданы ЧЕКВАЛАПы — чрезвычайные комиссии по снабжению войск лаптями и валенками.

Разве же мог я, комсомолец, быть в стороне от общей борьбы народа?..

И вот еду среди мешочников. Эти дядьки, конечно, не догадываются, что рядом с ними не просто хлопец в синей косоворотке, а сотрудник ЧК. С августа 1920 года меня зачислили помощником оперативного уполномоченного. Ходил я не в форме, и знали меня лишь руководители отдела дорожно-транспортной чрезвычайной комиссии Федор Максимович Платонов и Семен Григорьевич Леонов...

А поезд меж тем отстукивал стыки. За окнами то яворы, как штыки, выставленные в небо, то цепочка белых мазанок, заваленных зеленью садов. В раскрытые окна врывается жаркий ветер и с ним — запахи созревших нив, огородов, груш и яблонь.

По тесному, заставленному ящиками и мешками коридору пробирались два мальчика. Беловолосый, в веснушках, с облупившимся носом паренек проталкивался первым. А худой, с копной нечесаных волос и зверковатыми глазами держался за его руку.

— Вурки! — крикнул бритоголовый селянин, прижимая к животу торбу.

— Вертай обратно! — орал с верхней полки красноносый парень с выпуклыми глазами и грозил волосатым кулаком.

Мальчишек, наверное, не раз встречали подобным образом — они сосредоточенно двигались меж узлов к двери. Их задержал Васильев.

— Далеко, братцы?

— Пусти! — Веснушчатый вырвал свою руку.

Фисюненко проснулся и улыбался из-под брыля.

— Есть хочешь, Миша?

— Я не Миша.

— Ну, значит, Гриша.

— Он Сашка! — сказал мальчик с нечесаными волосами.

Вдвоем они старались поскорее выбраться из тесного круга людей.

Фисюненко подал Саше кусок лепешки, а бритоголовый селянин — краюху хлеба.

— Эх, малыцы! Жить бы с мамкой да пить парное молочко. — Васильев глубоко вздохнул, оглядывая теплым взглядом мальчиков.

— Облава! Бежим, Вася! — Сашка кинулся к выходу. За ним его приятель.

В нашем купе заволновались, увидев у входа красноармейца и носатого мужчину в железнодорожной форме, спрашивающего документы.

Бритоголовый хуторянин задвинул что-то подальше на полку и закрыл глаза, будто бы крепко спал. Патлатый парень с выпуклыми глазами и красным носом шмыгнул к двери, сердито ругаясь:

— Комиссары треклятые!

— Документики, граждане! — К нам заглянул носатый. Глаза острые, обшаривающие. Кустистые брови взлет. Голос привычно нагловатый. Повертев в руках мою справку с неясной фиолетовой печатью, носатый подозрительно оглядел меня:

— Куда следуете, гражданин?

Сзади меня тотчас очутился красноармеец с винтовкой. Отвечаю заранее заученное: хочу устроиться на работу. Родители умерли, а родственников растерял. Жить же надо.

— Кажуть, в Пологах есть вакансии...

Контролер заглянул под полки и в багажник, милостиво разрешил:

— Езжай.

Только он завернул в коридор и начал проверку соседнего купе, а ему характеристика:

— Голодранец!

— Черного Ворона на тебя бы! — Бритоголовый, как рассерженный бугай, глядел вслед проверяющим.

— Режут ее помаленьку, власть красную! — Голос сверху принадлежит длинному человеку под серой солдатской шинелью. Глаза поблескивают в полутьме, как у пьяного, а холеные щеки отекли.

«Царский золотопогонник!» — со злостью думал я, вспоминая, как два дня назад вот такой же тип убил наповал нашего чекиста и пустил себе пулю в лоб. Я не мог и представить себе в тот час, сколько раз в жизни потом скрестятся наши дорожки с этой серой шинелью, стеклянными глазами.

В вагоне разговоры о Махно. «Батько» обосновался в своем родном селе Гуляй-Поле. Налетает и жжет. Убивает и вешает. Грабит и насильничает. А прискачут красные конники — всюду пахнут землю, ухаживают за скотиной, лузгают семечки — обычные селяне. Попробуй разберись, кто из них бандит, а кто честный крестьянин.

Мы едем в Пологи, село рядом со «столицей» маховских головорезов: участились налеты на железную дорогу. Бандиты облюбовали железнодорожный узел: добыча верная! И ездить от Гуляй-Поля недалеко. Есть свои наводчики: прибыл поезд с ценным грузом, сигнал — и маховцы тут как тут! Выведать бандитский актив — вот наша задача.

На перроне в Пологах Васильев прошептал:

— Проверяет Мухин документы, а у меня поджилки трясутся. Он видел меня в дорожной ЧК. Думаю, узнает, ляпнет на весь вагон: «Здорово!» Вот была бы конспирация!..

— Не узнал, как видишь, — успокоил его я. — А Мухин этот чекист?

— Нет. Железнодорожный контролер. А в ЧК сообщает, если заметит что подозрительное.

— До встречи! — крикнул нам Фисюненко, надвигая брыль на лоб, и зашагал кривой улочкой, обрамленной затравяневшим тыном. Ушел и Вася устраиваться на жительство.

Вечерело. Солнце проглядывало из-за веток яворов, что изломанным строем стояли по-над Кривым Шляхом — главной улицей Полог. Над дорогой висело серое полотнище пыли, поднятой скотиной. Коровы мычали возле своих дворов. Пахло свежим сеном и дымком вечерних костров.

За углом я увидел сгорбленную старуху, прутом шугавшую ленивых, объевшихся за день гусей. Они с сытым гоготом косили головы на хозяйку и не торопясь, по-генеральски, вышагивали прижимаясь к осевшему тыну, оплетенному хмелем.

— Добрый вечер, маты! Часом не знаете, хто пустит на квартиру? — Я старался говорить по-украински.

Бабуся подняла безбровое лицо, сощуриив маленькие, глубоко посаженные глазки:

— Видкиля, хлопец? Чого тобі треба? — И приложила щитком ладонь к уху.

Выслушав мою просьбу, она указала хворостиной белую мазанку с яркими цветами на ставнях:

— Ось хата Луки Пономаренко. Вин, мабуть, має хватеру.

— Дякую, бабуся! Спаси́бо.

А в это время в соседнем дворе того самого Пономаренко завопила женщина:

— Ратуйте! Караул!

Из ворот выскочил знакомый мне по вагону Сашка. Поддерживая рваные штанишки, он оглядывался. Вот и Вася выкатился! Они что было мочи кинулись бежать. А вслед — низенькая, проворная украинка.

— В сад забрались! Лови-и!

Бабуся, хитро сощутив глаза, вдруг бросила под ноги Саше хворостинку. Со всего маху тот растянулся, проехав по траве. Вася споткнулся — и туда же! Коршуном налетела Пономаренчиха на мальчишек:

— Хвулиганье! Голодранци! — И загорелой рукой давай шлепать Васю. Бабка держала за волосы Сашку.

Я не стерпел:

— Хватит, бабоньки! Отпустите хлопчиков.

Бабуся переметнулась на меня, размахивая руками, затараторила:

— И ты из ихней шайки! Хворобы на вас немає!

А парнишек и след простыл. Я — за мешок. В воротах, из которых только что вылетели Саша и Вася, в нерешительности остановился.

— Иди, чого же! — Пономаренчиха подтолкнула меня в спину, считая, что изловила главного налетчика на сады.

В просторной хате под божницей сидел сам хозяин и пил квас. Прикрикнул на ворчавшую жену:

— Та годи!

Она сплюнула и ушла во двор. Пономаренко долго и пристрасно выпрашивал меня: где жил, что видел, зачем приехал в Пологи, где родственники, кого знаю в Сечереченске.

А солнце уже закатилось, и хату наполнили густые сумерки. Сердитая хозяйка зажгла каганец в углу на припечке.

Хозяин неожиданно для меня заключил:

— Нема кватыри! Ходют всякие. Соби тесно.

Я чертыхнулся:

— Чего же тянул! Пойдеш теперь к другому в темноте — собаками затравит.

— А як же? Затравит! — спокойно поддакнул Лука.

У порога, закидывая мешок с пожитками за плечо, я неуверенно переспросил:

— Может, поладим?

Хозяин откликнулся:

— Почекай трохи! Ты що робить можеш? Клуноу видремонтируеш?

— На железную дорогу хотелось...

— Почекай.

Пономаренко лохматил нечесаную бороду, припоминая, кто в Пологах мог бы пустить ночевать. Я понял: хитрит! Так оно и оказалось.

— Бодай тебе козел! Ночуй в клуне. Та не спалы!

Лука даже пообещал замолвить слово, если начальник станции не захочет принимать меня на работу.

Устроился я на старой соломе в дальнем закутке. дождался пока хозяева уgomонятся и поспешил на условленное место к ребятам. Они уже дожидались меня.

— Хитрые как дьяволы эти крестьяне! — возмущался Васильев.

— Твои хохлы! — подначивал Фисюненко.

Начальник местных чекистов — Юзеф Леопольдович Бижевич принял нас довольно холодно. Мы уже слышали, что он заносчив и честолюбив. Бижевич ощупал каждого своими холодными глазами.

— Мальчишек шлют!

Это нас обидело. Конечно, в глазах Бижевича мы были необстрелянными юнцами. Ведь он не знал нас. Правда, опыта сыскного, как говорится, ни на грош. Но у нас было одно огромное достоинство: молодость, безгранично верная революции!

— Вот вы, Васильев, — Бижевич ткнул пальцем в Васю, как в неживой предмет, — уже провалились!

Мы недоуменно переглянулись.

— Да, черт возьми! И шагу не ступили, а вас раскусили! Мои люди слышали разговор махновских приспешников. Мол, чекиста из губернии прислали. Под селянина наряжен! И фамилию вашу назвали. Давайте предписание!

Бижевич размашисто написал на справке Васильева причину откомандирования. Вася растерянно пожимал плечами. Нам было неприятно.

— Все! Возвращайтесь в Сечереченск. Платонову я уже сообщил, — распорядился Бижевич и, обращаясь к нам с Фисюненко, добавил:

— Слушайте, смотрите и запоминайте. И докладывайте мне лично!

— У нас инструкции, — напомнил я.

Бижевич внимательно смотрел на меня:

— За Пологи отвечаю я!

Горько стало, но задание нужно выполнять, даже если ты недоволен приказанием старшего!

Вернулся я в клуню за полночь. Раскинул на соломе свою посконную свитку. А сон не шел. Голова полна тревожных думок.

Кто узнал Васильева? Может, и за мною следят? Выходит, махновцы не такие уж простачки, как мы попервости считали. На память пришел рассказ Нифонтова о заведующем элеватором в Ухолове, который жену свою подсунул комиссару, лишь бы вредить свободнее...

Заснул уже под утро. Я летел, чтобы сказать комиссару: «Смотри, враг тобою играет!» Лечу над Рязанью, а кто-то в черном тянет меня за ногу — все к земле, к земле...

— Вставай! — Это голос Пономаренко. Он трясет меня за ногу.

— До солнца тын подправимо. Вставай!

Я подскочил, соображая со сна, где и что. Наскоро сполоснув лицо у колодца, поплелся за хозяином. Часа два возились с заплотом, а потом Пономаренко отвел меня к своему куму налаживать молотилку.

— Посодействуйте на станции, — попросил я вечером.

— Ну, гайда! — Пономаренко подобрел, надеясь бесплатно использовать меня в своем хозяйстве.

На станции уладилось быстро: меня зачислили в артель грузчиков, даже не спрашивая документа. Работать нужно было в пакгаузах, когда прибывали вагоны под разгрузку. Остальное время девай куда хочешь! Это устраивало и меня и моего хозяина. Так и ходил я в работниках: кому забор починил, другому — крышу на хате, у третьего сено косил. Ко мне привыкли. И Фисюненко нанялся пахать пары у зажиточного хуторянина. Мы постепенно достигли доверия селян, и нам открывался махновский актив. Нашупали мы и агентов Черного Ворона. На свежем воздухе обгорели, поправились. У меня над губой замохрились усы. Руки — в мозолях. Научился косить траву и тесать бревна. И если бы в таком виде явился в Рязань, пожалуй, мало кто узнал бы Володьку Грома из Троицкой слободы!

Бижевич, пользуясь нашими данными, назначил срок ликвидации агентуры бандитов. На наш взгляд, он торопился: можно было кого-нибудь из наших ребят внедрить к Махно.

— Мне виднее! — отрезал Юзеф Леопольдович.

— А может, запросить транспортный отдел? — Никандр Фисюненко швырнул брыль на стол. С первой встречи ему не приглянулся Бижевич.

— Тебе, Фисюненко, молодому коммунисту, положено крепить дисциплину. Ясно? Вас прислали в мое распоряжение. Ясно? — Гроыхая большими пехотинскими ботинками, Бижевич нервно мерил шагами маленькую комнату с занавешенными окнами. Пятилинейная лампа скупо освещала ее, язычок пламени подрагивал от топота Юзефа Леопольдовича.

— Меньше выдумывать, больше действовать — таков мой принцип!..

Бижевичу было лет тридцать. Светлые волосы, расчесанные на пробор. Белые длинные пальцы, в которых он постоянно что-либо катал. Защитные брюки и ботинки с обмотками. Во всех движениях его была заметна издерганность и неуравновешенность.

— Будем брать агентуру бандитов! О сроке сообщу!

В тот раз мы быстро разошлись по своим пристанищам. Потянулись дни ожидания. Я по-прежнему иногда разгружал вагоны, а большую часть времени проводил среди крестьян.

Убирая пшеницу на делянке Пономаренко, я как-то увидел на соседнем клине загорелого парня со знакомой легкой походкой. И сердце екнуло: «Пашка!» Торопливо перешагиваю через снопы, окликаю:

— Эй, хлопец, угости тютюном!

— Не курю.

И голос его. И нос курносый. Только было собрался я позвать его снова, Павел приложил палец к губам: молчок! Лениво почесывая поясницу, он тихо сказал:

— Вечером. У ветряка.

Я удивился.

— Курить охота, аж уши вспухли.

— Не умрешь, — отозвался Павел, подхватывая большой сноп и понес его к суслону. Над губой моего друга пушились белесые усы. Сам зажарился на солнце до черноты.

В голове у меня рой мыслей. Как он попал на Украину? Почему такая таинственность? Парень горячий, вольный — может, к Махно залетел? Но это предположение тотчас отбросил: Павел Бочаров не мог быть бандитом!

— Прохлаждаешься, кацап! — Отирая пот с лысой головы и теребя бороду, ко мне шел Лука Пономаренко с граблями в руках. — Швыдче шевели руками!

— Курить хочется.

— Барин какой! Курить...

Хозяина своего я так и не раскусил: то ли он бандит затаившийся, то ли прижимистый кулак. Земли у него много. Крепкий двор с капитальными постройками. Живности полна усадьба. Восторгов Советской власти не рассыпает, но и в открытую не ругает. И все ко мне приглядывается, неожиданно появляется вечерами в клуне, допытывается, куда отлучался.

К первым сумеркам мы пошабашили в поле. А сердце мое было уже за селом, у ветряка. Даже Лука заметил мое нетерпение и погрозил пальцем:

— Любовь завел! Смотри, хлопцы у нас сердитые.

Павел свистнул тихонько, заметив меня издали. Я отозвался, как завзятый голубятник, лихим пересвистом. Бочаров налетел на меня, едва не задушил: руки сильные.

— Гром и молния! Какими ветрами? — забросал он меня вопросами.

Мы завалились в траву, разговорились.

После моего отъезда Павел пристал к эшелону красноармейцев, направлявшемуся на Воронеж. Его зачислили во взвод разведки. Бился с деникинцами. Потом полк перекинули на Петлюру: рубался с гайдамаками.

— А чего снопами занимаешься? — спросил я, дотрагиваясь до плеча друга. Плечо теплое, мускулистое. И душа моя пела: Пашка рядом! Опять вместе!

— А ты чего? — в свою очередь спросил Павел. И в голосе его почувдился мне холодок.

Вопрос поставил меня в тупик. Я не имел права открываться: дружба дружбой, а служба службой! По замешательству Павла я догадался, что он тоже не волен объявляться.

— Клятву нашу помнишь, Пашка?

— А ты, Володя?

— И гибелью своей утверждай революцию!

— И я выполняю ее, Володька!

Вспоминали пережитое дорогое детство. Под утро расстались, так и не сказав друг другу правду о своей работе. А на следующий день мы случайно столкнулись нос в нос на месте тайной встречи чекистов.

— Ты???

— А ты?

И долго потом стыдились своих уверток и недомолвок, возвращаясь к первой встрече в Пологах. Работая по соседству в поле, мы провели с Павлом не один час вместе. Он рассказал, что был откомандирован в особый отдел армии, а оттуда — в транспортную ЧК. В Пологах выслеживает дезертиров и махновцев.

— Тяжелый характер у Юзефа Леопольдовича. Готов всех пересажать! — говорил Бочаров, проворно укладывая пшеничные снопы в суслон. — Да еще Вячеслав Коренев — рубака! Из матросов — бей, круши! Злопамятный Бижевич — до смерти будет помнить, если ты поперек слово сказал...

Мы прилегли в тени суслона.

— Он вроде не русский?.. — спросил я Павла.

— Из Варшавы. Потомственный полотер. Шляхтичи таких за людей не считали. А в армию призвали — жолнером был. Жена

молодая. Убежала с проезжим русским офицером. Ну и обозлился на весь свет! Гордится одним Дзержинским!

— И я горжусь Феликсом Эдмундовичем! — горячо перебил я товарища.

— Ты не так! А Бижевич — национально, как поляк.

Возвращаясь под вечер в поселок, я опять завел разговор о Бижевиче.

Поглаживая круглую голову, стриженную под машинку, Павел рассказывал:

— Послали нас к Петлюре... Не к самому, понятно, в его гайдамацкие сотни. Разведать. Ну и нарвались... Схватили да сгоряча было к стенке. А у сотника — жена именинница! Отложили расстрел до утра... В сарайчик бросили и часовых приставили. Вот всю ночь и гутарили. Открылся мне Юзеф... А на рассвете в село ворвались махновцы. И пошла потеха — крушат почем зря! Убежали караульщики. И мы ползком из сарая в коноплю — удрали! Замечаю, с тех пор у Бижевича пальцы дрожат — били нас здорово. Вот пощупай, отметка петлюровская.

Павел наклонил голову, и я увидел на макушке розовую полосу.

— Саблей полоснули, сволочи!.. Ну, Бижевича по возвращении из белого тыла взяли уполномоченным ЧК. А он и меня перетащил.

И снова я лежу в клуне Пономаренко. В соломе шуршат мыши. Пахнет прелью, ветерком заносит кизячий дым. И думки одолевают. Бижевич казался сначала выскочкой и дуреломом, а на деле — геройский человек! И Павел — храбрец! У самого Петлюры побывал... Мне было приятно создавать, что снова мы вместе, в ЧК. Опять возвращаюсь к Васильеву. Кто его опознал?.. Всыпали ему, наверное, по первое число! А могут и отчислить — конспирацию нарушил... Как его фельдшерица Клава Турина?.. Должно быть, поженятся — хорошая дружба у них. Павел признался: встретил в Пологах девушку, лучше которой нет на свете. Встречаются тайком: отец ей запрещает видаться с «москалем». Павел подозревает, что отец любимой — соглядатай Махно. Но Павел решил увезти Оксану в город — она согласна...

Мой отец подмечал: «Торопыга ты, Володя! А поспешность — признак легковесности человека». Прислушиваясь к шуршанию мышей, скрипу журавлей колодезных, мычанию коров — затихающей к ночи деревенской жизни, — я дал себе слово (в который раз!) ничего не делать прежде, чем взвесить сто раз...

Назавтра, проходя по перрону к пакгаузам, я увидел в комнате дежурного носатого Мухина и своего хозяина Луку Пономаренко. Ревизор что-то говорил дежурному, пожилому

украинцу с опухшей щекой и здоровым синяком под глазом — в недавний налет махновцы оставили память!

Дежурный сердито совал Мухину документ. И тут к ним присоединился матрос в тельняшке. Через плечо — маузер в деревянной коробке» из кармана клеша — ручка гранаты. Бритый затылок. Широкие брови выгорели. «Коренев!» — догадался я.

Мухин заискивающе заговорил с моряком. Чтобы Мухин не увидел меня, я быстро ушел. И почему-то вдруг мне подумалось: контролер выдал Васильева! И хотя я твердил себе, что нельзя делать поспешных выводов, сам уже строил версию о том, как Мухин сообщил бандитам о чекисте. Он сделал лишь вид, что не узнал Васильева...

И все же победил трезвый голос: о Мухине я не сказал никому!

День выдался трудным: пришло двадцать вагонов с мясом, сахаром и мукой. К закату солнца я едва взваливал на плечи тяжелые ящики. В ногах — противная дрожь. А во рту — густая горькая слюна.

По дороге к хате Пономаренко я нагнал подводу.

— Мужик, подвези.

— Не имею права — почта! — Возница ответил чисто по-русски. Я обрадовался:

— Откуда, земляк?

На меня глянуло костистое лицо и бесцветные холодные глаза. «Да это же попутчик с верхней полки!» — признал я того человека, о котором думал в поезде, что он царский офицер. И снова мне щелчок по носу: простой почтальон, а не золотопогонник!..

А подводчик еще раз холодно оглянул меня, махнул кнутом, и жеребец с ходу помчал тележку. Лишь пыль закрутилась позади.

Ночью, к назначенному Бижевичем времени, мы собрались в одноэтажном кирпичном здании ЧК станции Пологи.

Фисюненко отозвал Бижевича в сени. Я тоже вышел.

— Нельзя нам расшифровываться, — заявил Никандр. — Нам ноль цена, если откроемся. Мы разведчики!

Бижевич резко ответил:

— Бандитов всех шлепнем! Не оставим свидетелей ни одного!

— А если среди нас есть... — начал было Никандр.

Бижевич не дал досказать ему, схватил за грудки и прижал к стене:

— Ты что?!

— А кто открыл Васильева? — хрипло спросил я, отрывая цепкие пальцы Бижевича от горла Фисюненко.

— Только не мои хлопцы! И — заткнись, мальчик! Пошли на операцию! — Бижевич вернулся в комнату.

Конечно, нам очень хотелось участвовать в изъятии агентов врага: сколько трудов положено, чтобы выследить! Но опасность расшифровки сдерживала наш порыв.

— Не пойдем на операцию! — твердо сказал Никандр.

Спор разрешился совсем необычно. С шумом распахнулись двери, и в комнату ввалился матрос Корнев, толкая впереди себя обросшего рыжего человека с тяжелым баулом.

— Взял гада! — Корнев маузером толкнул задержанного в спину. Тот едва не упал и уронил на пол баул.

— Не виноват... менять ехал... детишки пухнут...

Бижевич весь подался вперед, словно гончая, напавшая на след дичи:

— Что в мешке?

— Примус, старый примус... два замка... подкова...

— А в карманах?

Трясущимися руками задержанный человек стал выворачивать карманы засаленного пиджака. И на стол выкатилась желтая монета.

— Царская пятерка! — Корнев стукнул маузером по столу.

Бижевич оглянул собравшихся победными глазами и взялся за бумагу.

— Фамилия?

— Олейник... Семен Олейник...

— За хранение золота — расстрел!

— Та якэ оцэ золото? Хиба ж цэ золото? Муки немає... Работы нема. Жинка и диты хвори... Завод стоит. Жить як же?..

— Хватит! Тебе еще и советская власть не хороша! Корнев, займитесь валютчиком!

Матрос увел Олейника в другое помещение.

— Был слесарем, а теперь — безработица. Ржавой рухлядью на Озерке в Екатеринославе торгует, — говорю я.

Меня поддерживает Павел Бочаров:

— Отпустить бы его, Юзеф Леопольдович..

— Раскисли, чекисты! Потом разберемся...

Было за полночь. Слышались редкие гудки паровозов.

— Проверьте, товарищи, оружие! — приказал Бижевич, вставляя запал в гранату-бутылку.

И тут донеслись выстрелы. Грохнул взрыв гранаты.

Бижевич обнажил маузер и лихорадочно стал вертеть ручку телефона.

— Алло! Станция! Дежурный? Что там за стрельба?..

Дежурный по станции Пологи сообщил, что на путях

махновцы. Разбили склад и таскают на тачанки мешки с сахаром. А другая группа грабит вагоны с ситцем. Он успел вызвать бронепоезд из Сидельниково...

— Станция! Алло! — Бижевич тряс трубку. Телефон молчал, а выстрелы приближались.

— Гаси свет! Кореневу крикните, пусть уведет арестованного в подвал! — Бижевич смахнул бумаги в сейф, а мы заперли и забаррикадировали двери.

Махновцы уверенно выбирали кротчайший путь к нашему зданию: имели хорошего проводника! Выстрелы загревели под окнами. Со звоном разлетелось стекло. Бандиты ломались в дверь. Судя по шуму, ржанию лошадей, махновцев набралось с десяток. У дверей снаружи разорвалась граната, но каменные стены и запоры выстояли.

— Тащи соломы! — орали налетчики.

А еще минут через десять в щели потянуло дымом.

— Пидпаливай кругом! — неистовствовали махновцы.

— Спокойно, товарищи! Подойдет бронепоезд! — Голос Бижевича уверенный.

Махновцы продырявили ставни. Юзеф Леопольдович высматривает в свете костра бандитов и стреляет по ним из маузера. За окнами — злобный вой и стоны.

Через ставни нападающие ухитряются протолкать к нам гранату. Она завертелась, подкатилась к ногам Бижевича. У меня перехватило дыхание. Павел Бочаров бросился к ней, поймал ручку и сквозь щель вышвырнул наружу. Взрыв разметал налетчиков. Я облегченно вздохнул, вытирая холодный пот с лица.

Как удар грома, голос Никандра Фисюненко:

— Патроны!

Пересчитали обоймы — два патрона на брата. Голыми руками возьмут!

— Давай гранаты Новицкого! — крикнул Бижевич.

И тут вдали прогремел орудийный залп: подходил бронепоезд.

— Ура! — завопил Бижевич, бросаясь к двери. Он распахнул ее, а я — гранату Новицкого в гущу бандитов. Бьются в смертельной агонии лошади. Кричат бандиты. Грохочут кованные колеса тачанок.

— Отрезай от поселка! — командует Юзеф Леопольдович.

Я очутился плечо в плечо с Бочаровым. Нам видны скачущие всадники. Вот они укрылись среди разрушенных паровозов.

— Давай, Паша! — в азарте зову я Бочарова, а сам перепрыгиваю через насыпь поворотного круга.

И тут мы нарываемся на спешившихся махновцев. Заметив, что нас только двое, те ринулись навстречу, надеясь захватить нас живьем.

— Тикаемо! — крикнул Павел.

Мы петляли меж холодных паровозов, путались в густом бурьяне. Махновцы не отставали. Пули свистели над нами. Топот многих ног — за спиной. Я испугался основательно. В какое-то мгновение передумал черт-те что...

— Сюда! — позвал Бочаров. Он быстро карабкался по лесенке на верх паровоза. В тендере зиял открытый люк.

— Полезай! — Павел пропустил меня вперед, а сам с наганом в руке охранял подходы.

Я протискался в горло бака — там прежде хранилось нефтяное топливо. Павел — за мною.

Ноги разъезжаются на мазутных остатках. Мы забились в угол и затаились.

Махновцы затопали наверху. Кто-то со звоном прихлопнул крышку люка.

— Подышайте, комиссары!

Стало трудно дышать. В глазах желтые круги с красными искрами. Поддерживаем друг друга, но терпенья нет. Кашель открылся.

— Помирать — так с пальбой! — Павел ударом кулака откинул крышку люка и, не целясь, выстрелил. Никто не ответил.

— Сюда, Гром!

Я еле-еле дотянулся до люка с живительным воздухом.

С большим трудом выкарабкались наружу, распластались на тендере.

Потом двое суток отлеживались мы с Павлом: отравились мазутным угаром. Бочаров ругал себя на чем свет стоит — он надумал залезть в тендер!..

А тем временем Бижевич, используя наши разведданные, очистил железнодорожный узел от вражеской агентуры. Так нам думалось, но стоило уйти бронепоезду, как налет повторился. Чоновцы в затяжном бою, потеряв много боевых друзей, растрепали махновцев.

Пленные показали: Черный Ворон получает от своего верного человека точные сведения: что есть ценного на железной дороге в Пологах, где находятся чекисты с бронепоездом.

— Кто этот человек? — буйствовал Бижевич.

— Сам батько знае... А мы... чого ж знаємо... — испуганно бормотали пленные, косясь на маузер, выложенный Бижевичем на стол.

Сначала я грешил на Луку Пономаренко — вхож к

начальнику станции! Посоветовался с Никандром Фисюненко, поспрашивал Павла, и сам перебрал в памяти все, что знал о хозяине — отказался от подозрения. А дежурный с распухшей щекой?.. Наш чоновец. Проверен в боевых стычках с врагами. Мухина хорошо знают в отделе дорожно-транспортной ЧК.

«Человек со шрамом!»! — ахнул я. Ездит за почтой, выглядывает, визнает. Вот кто наводчик!

Вместе с Бочаровым побежали на почту. Женщине, сидевшей за перегородкой, мы представились как родственники человека со шрамом.

— Нема начальника. Губернский комиссар вызвал, — ответила она, внимательно рассматривая нас. — А чего ж не договорились, коли вин тут робыв?.. Вы каждый день рядом ходили.

Опростоволосились! Эта женщина видела нас в поселке. Пробормотав что-то в ответ, мы вымелись на улицу. Новая начальница с хитринкой смотрела нам в след.

— Вот дьявол! — сетовал Павел. — А почтарь учуял, что жареным пахнет, и смотался. Он, гад, якшался с отцом Оксаны. Понимаешь?..

Я понимаю одно: упустили опасного врага!

Чоновцы рассказали нам, что человека со шрамом звали Гавриилом, а фамилия его Квач. Он приезжий. Грамотный, скрытный. Я передал весть о нем в Сечереченск. Но почтарь туда так и не явился. И я укрепился в мысли: человек тот — враг!

Нас, разведчиков, собрал Бижевич. Разговор повел на высоких нотах:

— Раскрыли всех наводчиков и тайных агентов?

— И раскрыли бы! — выкрикнул с болью Фисюненко.

— Вы что же, зимовать приехали сюда? Промедление — это смерть, разрушение, разбой! Вы понимаете?..

— Торопливость нужна при ловле блох! — осердился Никандр.

— Та оцим мальчикам у мамки под юбкой сидеть! — издевательски проговорил Коренев, входя в комнату.

— А ты что сделал? — накинулся Бижевич и на него.

Коренев подал двойной лист бумаги.

— Оце признание Олейника.

Бижевич бегло просмотрел протокол допроса и с довольным видом распорядился:

— Готовь материал для коллегии губчека! Ясно — валютчик!

Зазвонил телефон. Юзеф Леопольдович схватил трубку и привстал:

— Слушаю!.. Так они мне и не нужны, Федор Максимович...

Сегодня же отправлю. Толкуются без толку.

Положив трубку, он сказал:

— Вас отзывают в Сечереченск. Махновцы поняли, что в Пологах твердая рука! Черный Ворон поприutih...

Никандр с радостью смотрел на меня: нам надоело быть под началом взбалмошного Бижевича! А Павел остается — в Пологах место его службы. Мы по-братски целуемся. Жмем друг другу руки. Обещаем встречаться, звонить по телефону. Хорошо знать, что рядом с тобою верный друг!

— Привет твоей Оксане!

Павел еще раз жмет руку.

Иду в кабинет Платонова с отчетом. Тревожно на сердце. Перелистываю в памяти странички жизни в Пологах — кажется, все правильно. А все ли?.. Упустил человека со шрамом. Участвовал в стычке с махновцами, хотя мне было это запрещено.

Открываю дверь с таким чувством, будто бы вхожу в ледяную воду...

Федор Максимович — большевик из рабочих. Серьезный, вдумчивый — зря не обругает. И в разговорах воздержан — больше слушает и помалкивает.

Высокий, выбритый, подтянутый, словно хороший строевой офицер, Платонов вышел из-за стола и подал руку:

— Здравствуйте, товарищ Громов!

Мой доклад он выслушал со вниманием. Похвалил за инициативу по розыску человека со шрамом.

— Попал в поле зрения чекистов — не уйдет, — твердо сказал Федор Максимович. — Правда, не научились мы работать четко. Научимся!

Я решил высказать свое мнение о Бижевиче.

Федор Максимович наморщил открытый широкий лоб и прошелся до дверей размашистым шагом. Вернулся к столу.

— Вы скоры на выводы, молодой человек. Бижевич предан Советской Родине. Прямой характер. Брата его махновцы изрубили... Второй брат служит на границе. Об отце с матерью ничего не знает вот уже третий год. О жене — вам сказали. Вы лично устояли бы под таким градом ударов?.. — Платонов снова заходил по комнате в глубоком раздумье.

Мне стало стыдно за свое легкомыслие — бросил тень на товарища, с которым ходил в бой! И все-таки я сказал:

— В нашей среде есть предатель!

Платонов остановился, словно наткнулся на стенку. Глаза метнули молнии.

— Основание!

Я рассказал о провале Васильева в Пологах, о налетах на ценные поезда в тот момент, когда охрана их ослаблена, об уходе из Полог человека со шрамом.

— Кто-то предупреждает!

Платонов так посмотрел на меня, что я невольно встал.

— Обо всем этом — молчок! В наших рядах не должно быть нервозности и подозрительности. Если мысль о предательстве будет навязчиво точить каждого, то расслабится воля наша. Все это — выигрыш врага! Очень плохо, Громов, что вы расшифровались, раскрылись перед бандитами. Вы человек не местный, и нам легче было маскировать вас как нашего разведчика...

Я не вытерпел:

— Мы говорили Бижевичу.

— О Бижевиче — все! У самих должны быть головы, а не котелки. Не маленькие! Сколько вам лет, товарищ Громов?

— Деятнадцатый.

— То-то же! Идите, а мы подумаем, как с вами поступить.

Бреду по солнечной улице. Осенний ветер катит пожухлые листья каштанов. И мне представилось, что со своей опрометчивостью я всю жизнь буду катиться так же вот, как лист, гонимый сквозняком. Зачем сунулса со своими подозрениями? Может, и нет никакого вражеского агента в ЧК. Люди прошли школу борьбы с контрреволюцией, а какой-то юнец, даже не штатный сотрудник, начинает их поучать!..

Потекли однообразные дни. Занятия в техникуме. Ломанье головы над задачами. Чертежи с замысловатыми сопряжениями. И вдруг письмо от Павла Бочарова — выпросился на фронт! Едет на Дальний Восток бить японских самураев. Я позавидовал: друг знает свою дорогу, верен нашей клятве. Бьет врагов. Попросился и я в Действующую армию — отказ! И Платонов молчит. Одна радость — в техникуме приняли в ряды РКП(б).

В трудных переживаниях прошла зима. Без меня разбили польскую шляхту и заключили мирный договор. Без меня расхлестали в Крыму Врангеля. Без меня восьмой съезд Советов принял программу ГОЭЛРО — тридцать электростанций построить!.. Я казался себе ничтожным человеком. Мог бы зайти в ЧК — гордость не позволяла: не зовут, значит, не пойду.

Уже весной возвращался как-то домой с занятий. Впереди шел человек, что-то знакомое показалось мне в его походке. Так ходил Павел Бочаров. Догоняю — он! Обнялись. Зашагали рядом. Карие глаза друга светятся радостью:

— К вам перевели, Володя! А Васю Васильева уже назначили уполномоченным ЧК. А тебя?..

— Смеешься? — озлился я. Но догадался вовремя, что Павел ничего не знает. — Выговор от самого Платонова тогда получил. После поездки в Пологи. С тех пор не зовут...

— Таких хлопцев, как ты, держат на примете, — утешал меня Бочаров. — Бижевич теперь старший оперативный уполномоченный!

— Везет дуракам! — невольно вырвалось у меня.

— Не завидуй, Вова. И у нас есть порох в пороховнице...

— Расскажи, как воевал.

Павел ответил коротко:

— Стреляли, ходили в штывы. До Иркутска дошел, побывал в Чите. А потом приказ — чекистов вернуть на свою службу. Сам Ленин распорядился.

Я откровенно любовался своим другом. На щеке вмятина. Ее не было раньше.

— В тайге наткнулся на сук, — объяснил он.

Не поверил я Пашке: не любит он о себе говорить!

— О тебе я напомню, — сказал на прощанье Бочаров. Домой ко мне зайти отказался — работа!

— А где Оксана? — крикнул я.

— Ждет! Скоро свадьба...

А через неделю — и у меня праздник! Получил официальное уведомление:

«С мая 1921 года Громов Владимир Васильевич утвержден помощником оперативного уполномоченного службы движения, телеграфа и военных сообщений».

Перескакивая через две ступеньки лестницы гостиницы «Астория», где помещалась ЧК, бегу в отдел кадров. Да, все правильно — я штатный чекист! Пулей вылетел на улицу. Тысячи солнц светили мне. Увидел в небе голубей — два пальца в рот! И разбойничий свист оглушил прохожих.

— Неприлично, молодой человек! — осадил меня благообразный старик с тростью.

— Виноват, папаша!

Бегу на станцию к отцу.

— Чего сияешь, как начищенный самовар?

— В штат зачислен!

— О-о-о, вперед, сынок! — Отец с чувством пожимает мне руку. Ему тоже приятно: младший сын у важного дела пристроен.

Направляюсь на базар: даешь каравай белого хлеба! Беру не торгуясь. Встречает Павел:

— С тебя, Гром, магарыч! О назначении, знаешь?.. Поздравляю, друг!

Вечером дома маленькая пирушка: чай с настоящим сахаром внакладку! И досыта — всамделишный ароматный хлеб!

— Замотался ты, Володя, — говорила мама, подвигая горбушку мне. — Одни глаза остались: ученье, работа...

Отец доволен и разговорчив:

— Рязанские водохлебы, нажимай! В молодости, мать, все по плечу!

В первый же день на новой работе разочарование: меня заставили переписывать какие-то скучные бумаги и подшивать их в папку. Потом я читал протоколы допросов, просматривал донесения...

На второй день — то же. Потом — снова. Нерешительно спрашиваю начальника:

— Так писарем и буду?

— Ишь, горячий! — усмехнулся тот.

Мой непосредственный начальник — Тимофей Иванович Морозов. Ему двадцать два. Круглолиц. Глаза с прищуром. Делает все внешне медлительно, но основательно. Его отец, Иван Матвеевич, работал кондуктором на станции Славянск, в Донбассе. Заработки кондуктора — не ахти какие. Поэтому жена — Татьяна Степановна вынуждена была ходить к богатым мыть полы и стирать белье.

Мой начальник с малых лет узнал нужду и цену куска хлеба. Родители приучили его к труду, воспитали в нем честность и порядочность. И если у Морозова, как и у всех нас, не было должного опыта сыскной, разведывательной, следственной работы, то классового чутья и ненависти к злу и несправедливости вполне доставало!

В годы революции Тимофей Морозов ушел добровольно защищать страну от Деникина и Врангеля, бился против Петлюры и Махно... В октябре 1919 года на боевом марше Морозова приняли в члены РКП(б). В январе следующего года партия большевиков направляет его в органы ЧК, на железнодорожный транспорт Украины.

К моему приходу под его начало Тимофей Иванович уже имел известность.

Как-то знакомый стрелочник сообщил Морозову, сотруднику ЧК на станции Ясинокатая о том, что недалеко от путей поселился подозрительный гражданин. Часами сидит у раскрытого окна и на пути да на проходящие поезда смотрит. Чего бы ему?..

Морозов поблагодарил стрелочника и лично проверил — правда! Чоновцы привели незнакомца в оперативный пункт ЧК.

— Ночью хватают невинных людей! — ерепенился задержанный, возмущенно потрясая руками. — Дзержинский не этому учит! Вы ответите!

— Ответим. — Морозов рассматривал материалы обыска. Он не находил особых доказательств вредной деятельности этого крикливого человека. Но искусственная возбужденность и неумеренная запальчивость его были подозрительны.

«Чистому человеку чего бояться? Не станет он так шуметь и метаться! Похоже, как на воре шапка горит», — размышлял Тимофей Иванович, ближе присматриваясь к крикуну.

В это время из военной комендатуры прислали двух красноармейцев для охраны оперативного пункта ЧК. Один из них вгляделся в задержанного.

— И-и-ммм! — замычал боец и набросился на него. Втроем кое-как оттащили озверевшего красноармейца и вытолкали за дверь.

— Я до Дзержинского дойду! — орал задержанный.

Морозов стал разбираться в происшествии. Боец немного успокоился и молча раскрыл щербатый рот. Знаками растолковал, что этот крикун когда-то пытал его и отрезал пол-языка.

Проверка подтвердила: Морозов перехватил начальника белогвардейской контрразведки Горловского горнозаводского района, некоего Родоса. Он был заброшен в советский тыл на станцию Ясинокатую по заданию ставки генерала Деникина с целью шпионажа и диверсий. Родос отказался говорить и был вскоре расстрелян.

А в другой раз Морозов увидел в буфете пассажирского зала I класса за столиком мужчину лет под сорок с русой бородкой. Пьет чай и непринужденно шутит с официантом. Вид вроде веселый, а в глазах — беспокойство. «Отчего бы человеку прикидываться?» — спросил себя Морозов.

Усевшись за другой столик, он заказал официанту стакан чаю. И украдкой наблюдает за «бородкой». Кто-то громко стукнул входной дверью, мужчина вздрогнул, как от выстрела, пролил чай на белую скатерть.

— Война, знаете ли. Нервы истрепаны, — извиняючись говорил он Морозову.

— Пройдемте со мною! — предложил Тимофей Иванович.

Справка и мандат бородача были в полном порядке и совсем новые, как говорится, прямо из-под молотка.

— В Запорожье еду. По народному образованию.

Морозов собрался было отпустить «бородку», но, заметив, что задержанный цепко впился в полу своего пальто, приказал:

— Обыскать!

Тут-то и сник бородач.

В подкладке ватного пальто чекисты обнаружили крупную сумму советских денег, а в самом уголке рукава — резиновую печать анархистов с надписью «Набат!»

Морозов лично проверил каждый шов и не напрасно: обнаружил скатанную роликом полоску папиросной бумажки с диверсионным поручением гуляйпольскому махновскому отребью.

Накануне пришла ориентировка, в которой указывалось на факт задержания под Брянском агента Украинской конфедерации анархистов.

— Вы из банды Барона? — спросил Морозов.

— Не понимаю, — все еще хорохорился анархист.

— Барон ваш главарь. Не прикидывайтесь дурачком. Могу сообщить: в Москве и Харькове ваши банды ликвидированы.

— Я вас ненавижу! — взорвался набатчик.

— Молчи, тифозная вошь! — с презрением сказал Морозов, дописывая протокол допроса.

Вместе с Морозовым нас вызвали к начальнику дорожно-транспортной ЧК.

— Из Харькова в Екатеринослав едет Григорий Иванович Петровский. Обеспечьте безопасность на дороге! — Федор Максимович был предельно сух и краток. — Чтобы бандиты не налетели на поезд.

— А кто такой этот Петровский? — спросил я Морозова.

— Эх, ты, деревня! — Тимофей Иванович с теплотой говорил о Петровском. В партии с прошлого века. Был в Государственной думе от большевиков. Близкий помощник Ленина. Народным комиссаром внутренних дел всей России был до апреля 1919 года.

— Это Григорий Иванович подписал приговор эсерке Каплан. Стреляла в Ленина! А теперь он председатель Всеукраинского ревкома. В Екатеринославе он работал на Брянском заводе. В Чечелевке, Кайдаках, Шляховке и на Амур-Песках его хорошо знают — на революцию поднимал рабочих, маевки устраивал. Учти, Громов!

И вот из Сидельниково звонок в ЧК: идет специальный агитационный поезд. Я никак не мог подумать, что на такой поезд осмелятся напасть бандиты. А они напали! Под самым Сечереченском. На конях. С гранатами. Но просчитались: вагон Григория Ивановича охраняли зоркие матросы. Как чесанули из пулемета по всадникам Черного Ворона! Поезд даже не замедлил

ход.

На перроне Сечереченска — тысячи людей. Из вагона вышел Григорий Иванович. Борода клинышком. Очки в металлической оправе. Чистый голос и открытый взгляд.

— Ура! — всколыхнулась толпа.

Григорий Иванович заметил охрану. Я стоял недалеко от него. Петровский сам наклонился к моему уху и тихо сказал:

— Зря время тратите, молодой человек. Лучше бы книгу хорошую прочитали. У меня вон сколько охраны! — и Петровский простер руку, указывая на перрон и площадь, запруженные возбужденными людьми.

Но к вечеру Платонова вызвали в губчека и дали такую взбучку, что он примчался в отдел взбешенный. По команде «смирно» поставил Морозова, меня, Васильева, начальника отдела по борьбе с бандитизмом Семена Григорьевича Леонова, чубатого, черноусого кавалериста.

— Так опозориться! Откуда узнали бандиты о поезде?..

Что мы могли ответить?..

Позже стало известно, что Петровский сказал председателю губчека:

— Налет махновцев мог быть случайным. Так что хлопцев из транспортной ЧК не обижайте. Я и так наделал им много хлопот: оторвал от важных операций. За налет не наказывать!

— Вот это большевик! — восхищался Васильев.

Меня покорила простота и чуткость Петровского. Другой мог уехать и позабыть про стычку, а людей теребили бы... А потом новое ЧП. В губчека Платонову сказали строго:

— Возвращаем дело Олейника. Феликс Эдмундович интересуется приговорами о смертной казни. Как мы можем послать ему дело Олейника? Мелкий торговец из Озерков, а вы ему — вышку. Затянули следствие на месяцы. У Олейника семья голодная, ребятишки попрошайничают. Кто это у вас такой ретивый насчет расстрелов?..

И нас собрали в большом зале гостиницы «Астория». Еще не так давно тут пили, куражились и распутничали господа света царского. А сегодня представители карательного органа молодой республики рабочих и крестьян думают о судьбе своего товарища.

— Давайте Коренева! — приказал Платонов.

Через весь зал провели матроса Вячеслава Коренева. Голова опущена, клеш, обтрепавшийся низу, подметает пол.

— Отвечайте, Коренев, товарищам!

И матрос глухим голосом рассказал о том, что он силой и побоями понудил Семена Олейника дать ложные показания. Никаких валютных операций фактически не было.

— И ты бил торгаша? — В голосе Васильева и удивление, и обида, и горечь.

Матрос в ответ кивнул головой.

— А тебя, Коренев, били когда-нибудь? — Это вопрос Леонова. Его усы воинственно топорщились, а глаза — молнии!

И снова кивок Вячеслава.

— Нравилось? — спросил Павел Бочаров.

По залу прокатился сдержанный смешок.

Платонов поднялся, пристукнул кулаком:

— Смешного мало! Чекист по сути незаконно подготовил в коллегии губчека дело и требовал применить высшую кару! А на проверку — обман и насилие! Разве же можно терпеть такое, товарищи?..

Тяжело решать судьбу товарища. Ох, как тяжело! Вместе дрались с бандитами. Выслеживали врага. Делили поровну патроны, даже если их было всего два. И несоленые галушки. И затируха из ржанных отрубей из одной чашки. И укрывались одной шинелью в самую лютую стужу...

А в зале надрывный голос, как ножом по сердцу:

— Братишки! Я за революцию голову положу!

Большие глаза Коренева налились кровью, бритый затылок покраснел до синевы.

— Братишечки... Сам не знаю как получилось.

Вперед вышел Леонов. Черные длинные усы, как пики. Он — гроза бандитов. Он — наша любовь и наш пример! Поперечные красные полосы на груди гимнастерки — «разговоры» — пылали словно рубиновые. Голосом атакующего бойца начал он речь:

— Брось бузить, Коренев! Слезы и псих — не наши товарищи! Народ держит чекистов у самого больного места — паразитической болячки! Значит, руки наши, мысли наши, наши дела должны быть чистыми, как у того лекаря. Ясно, Коренев?

В зале сотни глаз — на виновника. И во всех — осуждение! Братишка низко опустил голову. Он хорошо знал: слова Леонова — от имени всех чекистов!

— Но нашего революционного человека так вот просто за борт — нельзя! — продолжал Семен Григорьевич, запуская пятерню в густой чуб. — Предупредить Коренева, если еще что... То без собраньев — в расход!

— Конечно, Коренев — геройский моряк. А кто скажет, что это не герой?.. Никто не скажет!

Иосиф Зеликман торопится, словно боится, что его лишат слова. Он в ЧК недавно — с завода прислали. Большевик. От роду — девятнадцать! В делах горяч и смел. За короткое время чекисты увидели в нем верного товарища. Слушают с большим

вниманием.

— А кто скажет, что для героя не позорно бить человека? Никто не скажет. А если бы коллегия утвердила приговор? Отправили бы на тот свет невинного человека? Тень на Советскую власть!

— В трибунал! — выкрикнул Васильев.

Платонов советуется с секретарем партийной ячейки и объявляет решение:

— Коренева накажем. Дело Олейника передать Бочарову и закончить в два дня!

Вячеслав Коренев растерянно озирается, все еще не веря случившемуся. Когда понял, гаркнул:

— Спасибо, братва!

И всем нам стало легче дышать. Загомонили. Заулыбались. Потянулись к кисетам. Сизый дымок заструился над рядами.

Пожимаю руку Павлу. Он отмахивается:

— Брось, Володя! Какое доверие. Просто некому больше поручить.

Но я-то знаю, что Платонов ценит моего друга.

На перегонах под Сечереченском были совершены подряд два диверсионных акта. Оперативная группа кинулась к месту происшествия — врага и след простыл! Нас с Морозовым к Платонову с ответом.

Через неделю — ограбление пассажирского поезда Екатеринослав — Москва. Дерзкие налетчики били наверняка — по поездам, в которых не было охраны. Мы валились с ног, сутками не спали — без толку!

Я возвращался домой грязный, с красными от бессонницы глазами. Мама отмывала меня, уводила в маленькую комнату и запирала на ключ.

— Спи! Счастье нашел в этих чека...

Сон не сразу одолевает. Думаю над маминими словами. Счастлив ли я?.. Мотаюсь дни и ночи в поездах, на перегонах, допрашиваю бандитов, отслеживаю вражеских агентов, вступаю в перестрелку. О страхе не думалось — иногда только захолонет сердце да рука предательски дрогнет. Иной раз горько станет от неудачи — некому утешить. Да и не каждому признаешься — дело наше тайное! Жили мы одной думкой: обезвредить врага! Все другое, обыденное, не занимало нас. Помню, возвращаясь из Полог, я услышал в вагоне:

— Красные не дюже сладки. А бандюков зничтожили — спасибо! Спокойно стало, а то было совсем замордовали.

— Насчет этого комиссары справедливые: с грабителями не

цацкаются...

Эти слова деревенских женщин — мне награда. Делать людям доброе — не в этом ли главное предназначение человека?.. И стремиться вперед. Достиг одного рубежа, давай снова к цели. Примером для меня — железный Феликс, дворянский сын. Мог идти обычной тропой шляхтича. Достиг бы благополучия — умен, смел и отважен. А он встал на путь борьбы и лишений. Б двадцать лет очутился уже за решеткой как политический. В двадцать пять — организатор бунта в Александровском центре под Иркутском. Выбросил за стены тюрьмы всех стражников и водрузил красное знамя на воротах, объявив в тюрьме республику! Впустил охрану только после того, как были удовлетворены требования заключенных.

«Жить, пусть и недолго, но жить!» — любимые слова Феликса. Во имя других жить. Он не искал себе удобства, достатка, личного благополучия. Теперь он наш руководитель, и его жизнь зовет нас, чекистов, в гущу борьбы...

Так и не решив — счастлив ли, я уснул в жаркой комнате. А через три часа задребезжал будильник. Постоянная тревога за судьбы людей в пассажирских поездах гнала меня в ЧК.

Враг был неуловим. Бандиты имели отборных лошадей и прочные тачанки. В каждом селе — сообщники. Сегодня налет в Игрине, а завтра — в Верховце, за сто верст от Днепра!

— Володя, заметь: если поезд с охраной, то происшествий не бывает! — сказал Морозов, вконец измученный нервотрепкой.

— Наводчик в наших рядах! — заявил я, видя, что мои сомнения нашли отклик.

И мы сели за составление нового оперативного плана. Два дня не уходили из отдела. Ночью явились к Платонову.

— Федор Максимович, давайте искать предателя среди чекистов!

На этот раз Платонов не оборвал меня.

— Что предлагаете?

А когда выслушал Морозова, усомнился:

— Справится ли один оперативник?..

Нам удалось убедить руководителей дорожно-транспортной ЧК, и было принято решение снять оперативные группы охраны с московских поездов. Другие же охранять усиленно! «Приманка» должна привлечь бандитов. Наш сотрудник обязан был ездить в поездах и в случае налета постараться «срисовать» грабителей, запомнить внешний портрет, а если удастся, то и проследить путь отступления банды. Конечно, небезопасно попасть на глаза налетчикам. Если признают чекиста, от смерти не уйти!..

— Кого же пошлем? — Платонов обвел нас взглядом.

Я встал, одергивая пиджачишко.

— Если доверите...

Федор Максимович размашисто зашагал по комнате. А я переживал: неужели откажет?..

— Значит, так, товарищ Громов. Там ты будешь и начальник, и подчиненный. И рецепта нет! Действуй по обстановке, как совесть подскажет. И голову напрасно под пулю не суй! Голова революции принадлежит. — Платонов невесело улыбнулся, похлопал меня по плечу.

— Авось и на наводчика выйдешь! Словом, отдаем вам, Владимир Васильевич, наши козырные карты. А вы не играйте, а делайте наше чекистское дело с головой.

— Спасибо, Федор Максимович!

— Вот чудак! Его к черту в зубы посылают, он — спасибо!

Платонов проводил нас до порога. В дверях столкнулись с Мухиным.

— Что у вас? — спросил его Платонов.

— Доклад, товарищ начальник. Приметил в поезде одного типа — офицером оказался. Оружие отобрали! — зычным голосом отрапортовал Мухин, вручая документы Платонову.

— Молодец, Опанас!

— Ты, Мухин, махновцев примечай. Обнаглели, черти! — посоветовал Морозов.

— Стараюсь, Тимофей Иванович! — Мухин был очень рад похвале скупого на поощрения начальника ЧК. На крупном носу капельки пота выступили. Вышли мы от Платонова вместе.

— А ты ловко тогда сработал под мешочника! — Усмешка тронула тонкие губы Мухина. — Куда ездил-то?

— Тогда я и был мешочником! — Меня насторожил разговор.

— Брось заливать!

Мы расстались. Честно признаться, мне завидно стало: ездит человек в поездах, проверяет документы, в стычках не участвует и, пожалуйста, — офицера выловил! А тут маешься, как проклятый, и всей награды — нагоняй!

Вечером в отделе ЧК я переоделся в крестьянскую одежду, за пояс сунул маузер и, как обычный пассажир, прошел к московскому поезду. Расположился на верхней полке — лучше обзор.

Вагоны заполняли суматошные люди с вещами. Потом началось чаепитие. И разговоры: продналог — что он сулит? Разбой махновцев и «зеленых». Слухи из России. Мужчины засветили свечку в купе и режутся в подкидного дурака. Напротив храпит женщина с кошелкой под головой. Час едем — тихо! Спустился я вниз, прошел по составу — ничего подозрительного.

Взбираюсь на свое место. Тот же храп, пререкания игроков в карты. И так — до Сидельникова...

Обескураженный, выхожу на перрон. Поеживаюсь от ночной сырости и спешу в кассу за билетом на обратный путь. Еду на встречном московском, в «приманке». До самого Сечереченска не сплю, приглядываюсь, прислушиваюсь... Покой! Я не рад ему. Всем сердцем зову налетчиков. Но поезд благополучно остановился у перрона Сечереченска.

Днем я отоспался, а вечером — снова на московский. И снова безрезультатно. Стыжусь докладывать Морозову.

Четверо суток езжу впустую.

Может, разгадали? Платонов недоволен. Я нервничаю и готов отказаться от затеи. Но Тимофей Иванович ободряет:

— Налетчики не смогут удержаться — искушение велико! Только одно условие: никто, кроме нас, не должен знать уловку. И наша возьмет, товарищ Громов!

И еще неделя в поездках. Платонов хмуро посмеивается:

— В проводники вагонов зачислился. Смотри, живот отрастет...

А Морозов уверен в успехе и, чтобы отвлечь меня от неприятных думок, повел рассказ о недавнем случае, который произошел в Самарской губернии. Тимофей Иванович ездил на Всероссийское совещание чекистов и привез эту новость.

...Чекистам города Мелекесса стало известно, что колчаковская контрразведка забросила в их район четырех диверсантов. В ориентировке подчеркивалось, что трое из лазутчиков — казанские татары.

Начальник уездной милиции заперся у себя в кабинете, разложил на полу карту города и стал изучать район, где жили преимущественно татары. «Диверсанты постараются укрыться именно у земляков», — логически рассуждал он.

В дверь настойчиво стучал дежурный.

— Товарищ начальник, к вам просятся!

— Занят!

И опять глаза в карту, испещренную пометками и тайными значками. Стук повторился.

— Ну, в чем дело, черт возьми? — Начальник натянул старый офицерский френч, рывком открыл дверь.

— К вам военные! — доложил дежурный.

— Пусть идут к коменданту! Ты же знаешь порядок: красноармейцев и красных командиров направлять к военному коменданту!

— А эти — к вам! — не сдавался дежурный.

Тут и показались три красноармейца.

— Мы на минуту, начальник. Зря твоя шумит. — Первый смело прошел в кабинет начальника, И широко заулыбался:

— Твоя ищи шпионов? Мы шпионы... Смотри, начальник, оружие...

На стол оторопелого милицейского начальника военные выложили гранаты, шесть маузеров, а из солдатского мешка — моток бикфордова шнура, адскую машинку. Освободившись от ноши, трое облегченно вздохнули:

— Рестуй, начальник... От Колчака пришли, шайтан ему в печенки. Не хотим против Советов!

Из расспросов выяснили, что эти татарские парни, насильно мобилизованные колчаковцами, согласились пойти на риск, чтобы попасть к своим. Белые контрразведчики послали их сопровождать четвертого.

— Человек плохой... Его не пускай ходить.

— Что вы должны были сделать? — спросили чекисты, подоспевшие к допросу.

— Наша не знает... Тот все знает...

— А он где?

— Моя вас сам искать... Живите Мелекесс, сказал.

— А какой он из себя?

...В тот самый час на маленькой станции Часовня Верхняя случайно оказался помощник оперативного уполномоченного Самарского отдела ЧК. Приезжал в гости к родственникам. К приходу пассажирского поезда на платформе станции собрались девушки с парнями. Гармоники выводили саратовские страдания. Среди молодежи чекист отметил высокого красноармейца в шлеме. Солдат напевал частушки и сам больше всех смеялся. Когда толпа приблизилась, чекист обратил внимание на соломинку, прилепившуюся к шлему частушечника. И по привычке стал размышлять: «Если он шел прогуляться на перрон, если хотел покрасоваться, то должен был почистить шлем. А скорее всего красноармеец приезжий. Почему же он ночевал в соломе?.. Ночи прохладные. Мог бы попроситься в избу. Красноармейцев охотно пускают...» И чекист решил проверить певца.

— Ваши документы?

Певец вильнул глазами и ухмыльнулся:

— А еще чего?

— Вот мой документ. Прошу ваши. — Чекист показал свой мандат.

Красноармеец стал пререкаться:

— Военные подчинены коменданту. А ваше дело жуликов-карманников ловить!

— Не мешайте нам петь! — вмешалась длинная, широкоскулая девушка в красной косынке. — И чего прицепился?..

Обычно красноармейцы уважительно относились к чекистам. Поведение же этого было неестественным. Самарский парень оказался настойчивым.

— Я вынужден вас задержать! Руки вверх! — И направил на частушечника наган. Местные ребята, увидев, что дело принимает серьезный оборот, стали на сторону чекиста...

...И вот певец в Мелекесской уездной ЧК. В комнату входят татары. И вразнобой тараторят:

— Он! Шайтан!

— Эх, вы! Татария косоглазая! — заверещал мнимый красноармеец. — Вешать! Резать вас! Палить на огне!

Диверсант признался, что был переброшен в советский тыл для организации взрыва моста через Волгу и оружейного завода.

— Вот тебе и соломинка, товарищ Громов! — заключил свой рассказ Морозов. — Чекист обязан каждую мелочь замечать и оценивать. Волжская соломинка — всем нам наука!..

И вновь — путь. Опять лежу на верхней полке. Припоминаю: в Сидельникове у кассы будто бы вертелся Лука Пономаренко. Если он наводчик и выследил меня, все надежды к черту!

В купе семья с малыми детьми и дама с круглой фанерной коробкой, в какой обычно хранят шляпы.

На остановке в купе протиснулся худющий, длиннолицый, с большим кадыком человек. На вид лет тридцати пяти. Над толстой губой льняные завитки негустых усов.

— П-прис-яду? — заикаясь, спросил он даму с коробкой. Отряхнул с рукава свежие капли воды.

— Дождь? — Я свесился с полки, присматриваясь к новому пассажиру.

— М-морос-сит. — Заика сжал острыми коленями тугой мешок. В купе запахло молодым медом.

Стихли разговоры во всем вагоне. Пришелец наш засвистел носом. Улеглись женщины. А мне — не до сна. Поезд проследовал Илларионово. Позади осталась Игрень. Блеснули вдали редкие огни Сечереченска. И я с горечью подумал: «Опять пустая поездка!» Твердо решил: хватит! Надо честно признать, что план наш не удался. А перед глазами насмешливые жесты Платонова. При встрече он теперь прикладывает ладони к наклоненной голове и закрывает очи, будто бы спит. Мол, отсыпаетесь, товарищ Громов...

Треск! Какая-то сила срывает меня с полки и швыряет в

проход. Падаю на даму с коробкой.

— Невежа! — орет она, высвобождая голову из-под пледа.

В вагоне полумрак. Истошные вопли, плачут дети. Ночной пришелец трясется:

— Лихо! Лихо мени! Як же моя жинка?..

А за окнами стрельба. «Наконец-то!» — облегченно думаю, нащупывая за поясом тяжелый маузер.

— Освободите мои ноги! — визжит дама и крепкими кулачками тычет меня в спину.

Поезд остановился. Слышнее стали выстрелы и ругань. Перепуганные пассажиры жмутся по уголкам. И у меня прошел мороз по коже. Во рту вдруг пересохло. А в голове: «Смотри! Смотри, Гром!» С хрустом звонким лопается окно. Пьяно орет кто-то:

— Добродии, спокойно! Ценности, деньги, кольца, броши, кошельки, браслетки, меха — все клади на пол!

Мне не видно налетчиков — осторожно двигаюсь ближе к окну.

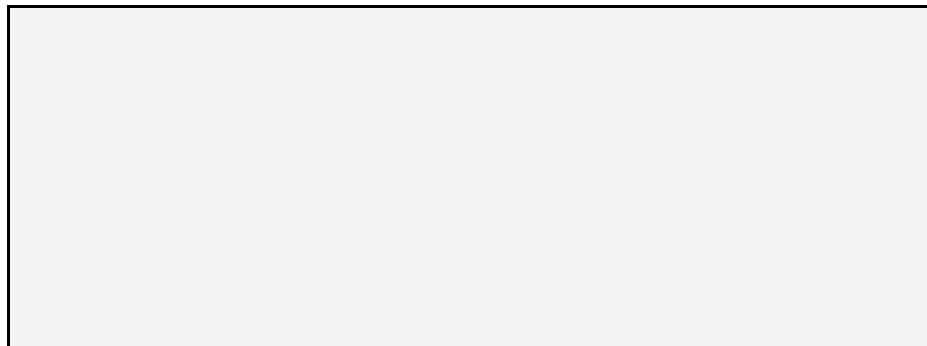
— Не шевелись! Бо стрелятыму! Не двигаться!

— Лежи-и-и! — шипит на меня дама, пряча голову мне под бок. Рядом оказывается ночной гость. Его бьет лихорадка, он читает, заикаясь, молитву.

Через окно стреляют в наше купе. Это как сигнал. В тусклый круг от свечи вагонного фонаря летят торбочки и кошельки с заветными монетами. Моя соседка отталкивает ногой свою коробку в общую кучу. А длиннолицый судорожно хватает мешок, пахнувший медом, забивается с ним под лавку. Длинные ноги его очутились в проходе.

Вскочил бандит с чумацкими усищами, в свитке. Сгребает в мешок добро пассажиров. Мне видно лишь его лохматое темя.

Из тамбура в вагон вбежал рослый бандит в кожанке и в приплюснутом картузе. В руке поблескивает маузер. Свободной рукой лиходеи прикрыл свое лицо от света. Он запнулся о ноги нашего соседа и едва не упал.

— Мать... — грязная брань повисла в темноте. Бандит выволок заiku из-под лавки и гаркнул:

— Взять!

Голос зычный, знакомый. Где я слышал его? А бандит злобно ломал коробку моей соседки. Обнаружив дамскую шляпку, он выхватил ее и не глядя напялил мне на голову. Потом запустил руку в мешок с ценностями. И в тусклом свете фонаря я на миг увидел его лицо. Моя рука с маузером от неожиданности опустилась...

— Кончай!!! — кричали налетчики.

Топот копыт утих. Конец грабежа.

Разбитый, истерзанный поезд скорбно тронулся в путь — машиниста пощадили.

В Сечереченске прыгаю на ходу и сломя голову лечу в ЧК.

— А ты не ошибся? — переспросил Морозов. Глаза его заблестели. — Сам понимаешь, чем пахнет.

— Голос его. И в лицо узнал...

Доложили Платонову. Тот приказал:

— Взять немедленно! Одежда — в грязь. Ценности не успеет спрятать далеко. А потом не докажешь!

Тимофей Иванович затребовал специальную летучку — отдельный паровоз с вагоном. Ехать предстояло на перегон. Морозов рассудил: вдруг у него «малина»? Может, банда пирует, доля добычу?.. Прихватили наряд бойцов из войск ВЧК. Выполнять операцию поручено Морозову, Иосифу Зеликману, Васильеву и мне.

Наша летучка остановилась на перегоне, недалеко от станции Нижнеднепровск, в глухом месте. Ни огонька, ни голоса — лишь наши осторожные шаги по сыпучему песку.

Вдоль полотна железной дороги темнел рабочий поселок Амур-Пески. Тут селились зажиточные крестьяне, приторговывавшие овощами и картофелем на городских базарах. Скрывались тут и опасные преступники — узкие левады, заросли колючих кустарников и зыбучие пески были их верными помощниками.

Иосиф Зеликман постучался в первый дом поселка. Спросонья хозяин долго не мог понять чего нам надо.

— Мухин? Це який Мухин? Пришлый, чи шо? Та вид краю пята хатка... три виконця на вулицю. Вербa в садочке. А що вин наробыв?..

— Хозяин хаты кто? — допытывался Иосиф.

— Та вин сам. Хозяин — Опанас Муха, чи як його...

Привлекая Мухина к работе в ЧК, руководство не знало, что он домовладелец. Тогда биографические данные мало занимали нас. Лишь перед операцией Платонов сказал, что якобы Мухин из кулацкой семьи. Но всё это требовало проверки.

В предутренней мгле отыскиали вербу в садике и три окна на

улицу. Окружили усадьбу. Из хаты пробивался свет.

Мы с Зеликманом проникли во двор, подобрались к окну. Каганец освещал небольшую кухню. За столом сидел Мухин и ел с жадностью, vorочая мощными челюстями, как жерновами.

— Громов, давай! — распорядился Морозов.

Насторожились. За плетнем звякнуло оружие. У каждого окна — боец. Мухин встrepенулcя, заслышав шаги и стук у дверей:

— Кто?

— Срочно в ЧК! — отозвался я, громко топоча и вытирая сапоги на крыльце. — Открой, Мухин, промок насквозь.

Нам было видно, как Мухин постоял в нерешительности, почесывая заросшую волосами грудь и морща мясистый нос.

— Зараз. Почекай трохи! — И скрылся в темной комнате.

Вышел оттуда с маузером в руке. Бросился к окну. Мы отпрянули. Мухин приник к стеклу, пытаясь разглядеть что-то в темноте. Успокоившись, распахнул дверь в сени и загремел засовами.

— Зайди!

Морозов и Зеликман отстранили хозяина, врываясь в дом.

— Чого цэ вы?

— Оружие! — Морозов отобрал у Мухина маузер.

— Кто в доме?

— Жинка... А що случилось?

— Почему вы не спите?

— Привык рано вставать. На работу далеко — пока доберешься. Сами, мабуть, шкутыльгали по пескам, будь вони прокляты!

— Ночевали дома? — прервал его Зеликман.

Кутаясь в старый пуховый платок и щуря заспанные глаза, к нам вышла жена Мухина. Позевывая, с удивлением уставилась на нас, мокрых, грязных, вооруженных.

— Погода на сон наводит, товарищи начальники.

Мы как-то опешили: все объяснилось естественно.

На меня товарищи поглядывали вопросительно: а если ошибся?.. И сам я почувствовал себя неловко.

— Где ваша одежда, Мухин? — спрашиваю хозяина.

— На лежанке, Владимир Васильевич. Мокрая...

— Почему? — Морозов стал рассматривать кожанку и картуз.

Зеликман вытащил из-под печки заляпанные грязью, раскисшие сапоги. «Попался!» — ликовал я.

— Укрывал дрова, Тимофей Иванович. Сами, мабуть, бачили — дождь.

И снова обстоятельства против меня.

— Обыскать! — приказал Морозов.

— Та що ж случилось, товарищи? — Весь вид Мухина — оскорбленная невинность!

Самый придирчивый осмотр хаты, двора, подполья не дал результатов — улики никаких! Уже поднялось солнце, заиграв бликами в свежих лужах.

— Наговорили на нас... злых людей много, товарищи начальники, — тараторила жена Мухина.

Она привела себя в порядок и сама помогала открывать сундуки, вытряхивать торбочки и ящики. Настораживало обилие всякого барахла, но прямого доказательства участия Мухина в грабежах не было.

Хозяин замкнуто и безучастно смотрел, как мы переворачивали его «майно». Наконец Тимофей Иванович устало присел на табуретку и закурил:

— Что ж, Мухин, извини, ошиблись, наверное.

— Кто ошибся? — быстро метнул взгляд Мухин.

— Мы.

Опанас Мухин распрямил широкие плечи и, почесывая грудь, обиженно продолжил:

— Нам бояться нечего. Крошки чужой не тронули.

Снова и снова слышался мне этот зычный голос. Нет, не мог я обмануться! Но где ценности?.. Где основания для обыска? Подвел Морозова и Платонова. Проверка-то без ордера. Вот к чему приводит спешка и горячность! Мои товарищи собрались в комнате, курят и виновато поглядывают на хозяйку, хлопочущую у стола.

— Извините, хозяева. Мы пойдем! — Морозов направился к двери, кинул на меня такой выразительный взгляд, что ожидать хорошего мне не приходилось.

Чекисты, удрученные, потянулись следом за руководителем операции.

— Бывают промашки, Тимофей Иванович, — успокаивал нас Мухин, провожая в сени.

— Может, поснидали бы, товарищи? — предложила жена. Она раздумянулась, проворно собирая тряпье в сундук.

Мы отказались. На душе у меня препротивно! Зол и Морозов. Из-под лба Зеликман оглядывает в последний раз комнату. А выходя в сени, он в сердцах пнул подвернувшийся под ногу большой клубок шерстяных ниток. И вскрикнул:

— Черт!

— Чего там? — недовольно обернулся Морозов.

Зеликман поднял, как футбольный мяч, клубок и передал Морозову.

Хозяин было рванулся в хату, но Васильев ухватил его за руку:

— Пстой!

Клубок оказался очень тяжелым. Иосиф Зеликман стал быстро разматывать нитки. На стол посыпались кольца, серьги, броши, золотые монеты...

Я не удержался.

— Подлец!

Жена запричитала, заголосила. Ее вытолкали в другую комнату и приставили часового.

— Кто с вами был? — крикнул Морозов.

— Ищи ветра в поле! — Мухин нагло ухмылялся, до крови расчесывая волосатую грудь.

— Ты раскрыл меня, гад! — Васильев схватил за ворот хозяина. Васю остановили.

— Я водил за нос вас всех!

Морозов вызвал трех бойцов. Те с винтовками вошли со двора и замерли у порога. Тимофей Иванович, указывая на Мухина, бросил:

— Расстрелять!

Мухин побледнел как мел, бескровными губами прошептал:

— Без... суда... Советская власть не такая...

А поняв, что с ним не шутят, закричал, забился в руках чекистов:

— Все скажу... не стреляйте!

За стеной выла жена, как собака по покойнику.

Морозов отпустил бойцов, усадил Мухина за стол.

— Говори!

Тот вдруг как-то обмяк, и голос его стал старческим. Сглатывая слова, он назвал восемь сообщников. Морозов распорядился взять их под стражу. Оперативники помчались по указанным Мухиным адресам.

Я спрашиваю Мухина:

— Лука Пономаренко причастен?

— Та ни! Вин готовое скупает. Вин — хитрый!

— Где заика?

— Який?

— В поезде схватили. Забыли, Мухин?

— А-а, с мешком який... Его вели к батьке, вин убежал...

Впоследствии оказалось, что Мухин обманывал нас.

Павел Бочаров вышел от Платонова сияющим: начальник остался доволен расследованием дела Олейника и разрешил съездить в Пологи к Оксане. Друг мой забежал на Озерки,

высмотрел самые нарядные мониста, не торгуясь купил их и заспешил на станцию. Первым же «товарняком» отправился в путь.

В Пологах в тот час Оксана была с отцом на огороде: убирали картошку.

— Где же твуй москаль? — спрашивал старый Богдан Клещ, вгоняя лопату на весь штык в землю. Он был очень недоволен дочерью: связалась с городским вертопрахом. Побалуется и бросит, как ненужную игрушку. Стыда не оберешься.

Оксана, сглатывая слёзы, молча рыхлила руками грунт, выбирала клубни и складывала их в корзину. Она и сама тревожилась: Павел давно не приезжал. Не случилась ли с ним беда?.. Работа у него опасная.

— Пузо-то не нагуляла? — скрипел Богдан Клещ, нисколько не считаясь, что обращается к родной дочери. — Чего отмалчиваешься, бесстыдница? Остались одни очи — сухота сухотой. Мало тебе своих парубков, нашла сокола залетного.

— И нашла. Вам чого? — в сердцах огрызнулась дочка, выведенная из терпения.

— А то, що соседям в глаза срамно смотреть! Бросил он тебя...

— Может, его командиры послали... — Сказала и осеклась, тревожно подхватила: «Разобрался или нет?»

Но отец так же хмуро вгонял лопату в землю и выворачивал ее через колено, открывая гнездо. Дивчина, вдруг затараторила, чтобы отвлечь отца от только что сказанного:

— Бульба уродилась гарна — одна к одной. Три гнезда — и ведро! Можно продать в городе. Купите, тату, мени полусапожки шевровые?..

— Нехай москаль покупает... Байстрюка тобі купит — жди! — бубнит угрюмый Богдан Клещ.

— Куда послали командиры твоего москаля?

Встрепенулась, как пойманный зверек, дивчина:

— Та що вы надумали тату? Якие командиры? Вин слюсарь, с железом возится...

Старый Клещ насторожился: скрывает дочка что-то!

Легкий ветер донес из-за садочка пересвист: осенью-то соловей! Клещ покрутил головой и тяжело поглядел на дочку. Она зарделась, обтирая руки о подол юбки. И снова свист переливчатый.

— Чуешь, москаль.

Оксана хорошо слышала условный сигнал, задохнулась от ожидания. И не сдерживаясь, попросилась:

— Пойду, тату! Я сама докопаю... Ночью. Можно?

Богдан Клещ кивнул лохматой головой и присел на бурт картошки. Кончать нужно с этим ухажером, отвадить раз и навсегда. С этой мыслью вернулся во двор, запряг буланого мерина в гарбу и поехал на дальнее поле за снопами. Погода портилась, а пшеница все еще не сvezена в клуню. Но цель поездки иная: в лесу, пересказывали, появились хлопцы Щуся. С ними решил посоветоваться Богдан Клещ...

...А молодые в садочке, в затишье, у стены мазанки. Оксана то снимает, то примеряет на шею мониста и радуется, как маленькая. Павел целует девушку в щеки, губы, прикрывая своим пиджачком ее плечи. И никак не осмелится сказать самое заветное.

— А где же ты так долго пропадал?

— Оксаночка, договоримся навсегда. Где я был, там меня нету. Что я делал, то сделано. Куда меня посылали, туда пути нет. Ты у меня умненькая, все знаешь без слов. Во всем свете нет никого милее тебя!

И снова обнял ее, нашептывая жаркие слова. Она прильнула к его груди, всем сердцем впитывала ласковые речи. И вдруг отстранилась, пугливо озираясь.

Солнце опустилось за лес. По улице брели сытые коровы. Оксана трудно вздохнула:

— Сумно на сердце, Паша. За тебя боюсь.

— Ничего со мною не случится. Вон я какой большой! — Бочаров засмеялся и погладил свои куцые белесые усы.

А усадьбу уже окружили молодчики Щуся, кликнутые Клещом из леса. Ждут только сигнала, чтобы кинуться на Бочарова, скрутить ему руки и уволочь в «схрон» на расправу.

Оксана первая увидела бандита с куцаком — обрезанной винтовкой. Он неосторожно высунулся из-за перелаза.

— Паша, беги! — Девушка рванулась, кинув Бочарову его пиджак.

— Чего испугалась? — Павел взял девушку за руку.

Оксана глазами указала на ворота. Там стояли лесные гости с обрезами.

Оборотились к огороду — торчат стволы куцаков из-за хмеля.

— Прихватили, гады! — зло сказал Бочаров и вырвал из кармана наган. — Оксана, ложись!

Но девушка увлекла его за хлев, где был ход к спуску в леваду. Навстречу шел с дубиной Богдан Клещ.

— Батько! — взвизгнула Оксана, загораживая собою Павла.

— Уйди, дочка! А ты, москаль, бросай оружие. Мы выпроводим тебя за село. А там — гуляй соби с богом до города. К нам больше не заглядывай!

Павел отпрыгнул в сторону, выхватил из кармана горсть махорки и швырнул ее в глаза старому Клещу. Согнулся Богдан, уронив дубину. Но из-за тына ударил выстрел. Бочаров успел перескочить заплот и, петляя и пригибаясь, побежал в лощину. Сзади грохнул еще один выстрел. Павел охнул и присел — пуля угодила в ногу. Оглянулся, но никого не обнаружил. Чекист сообразил, что махновцы боятся шуму: на станции под парами стоял бронепоезд с десантом бойцов ВЧК.

Сполз Павел в ложбину, закатил отсыревшую штанину: кровь сочилась из лодыжки. Стянул он с себя нижнюю рубаху, разорвал ее и перебинтовал ногу. С трудом доковылял до заплота, выворотил кол и, опираясь на него, смело двинулся во двор Клеща. Он не мог бросить на произвол судьбы свою Оксану.

Никто не задержал его и не окликнул: двор был пуст! Кто-то охал в садочке. Павел с наганом в руке вывернулся из-за угла и, увидев сгрудившихся людей, во весь голос заорал:

— Руки вверх!

Толпа шарахнулась в стороны. На земле лежала Оксана. Перед ней на коленях стоял Богдан Клещ, вцепившись пальцами в свои лохматые волосы, и бессмысленно бормотал:

— Дочка... Оксана... Дочка...

Пуля бандита пришлась девушке в затылок.

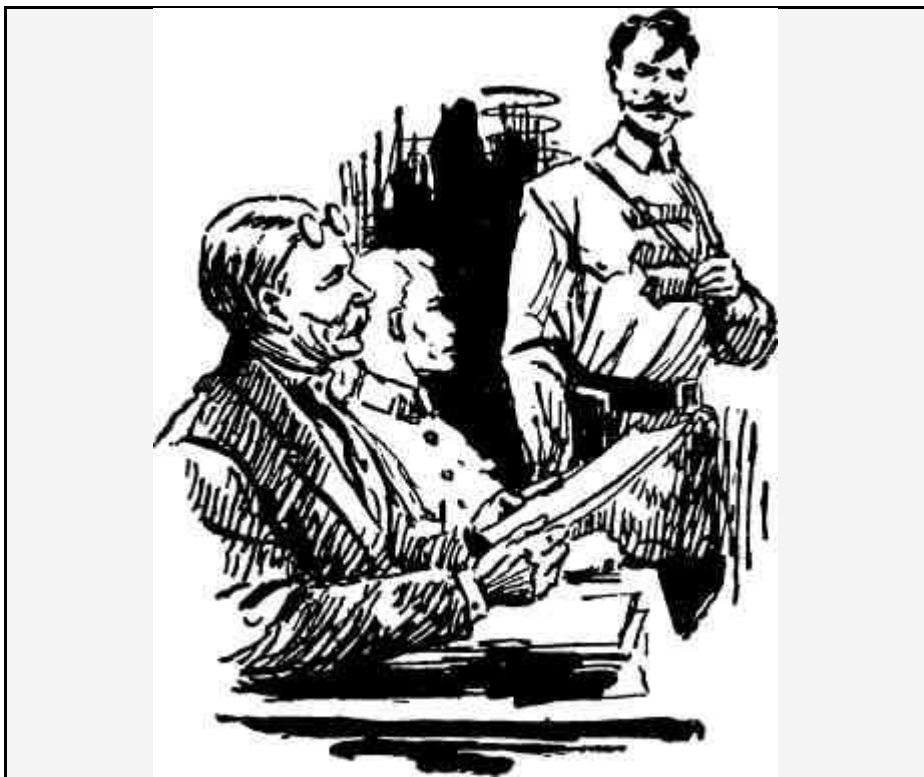
...Пашка ввалился в комнату, опираясь на сучковатый кол. Бросил его в угол. Сухими воспаленными глазами посмотрел на меня.

— Что с тобою? — кинулся я к другу. Поддержал, усадил к столу.

В Сибири колчаковцы, поймав его на разведке у полковой батареи, всыпали полсотни шомполов — он скрипел зубами и матерился. Петлюровец полоснул шашкой по голове — отмолчался. И вдруг теперь плечи его затряслись. Павел уронил голову на стол.

Я осторожно вышел, плотно прикрыв двери. Мужские слезы — редкие, но горючие. Они не терпят свидетелей.

ЧИСТКА. ГОЛУБАЯ КРОВЬ

В большом зале гостиницы «Астория» шла чистка партийной ячейки дорожно-транспортной ЧК.

На мягком продавленном диване полулежал Вася Васильев. Рука на перевязи — зацепила пуля в стычке с махновцами. Рана небольшая, но вредная — никак не заживала! Павел Бочаров и Никандр Фисюненко — в первых рядах. Там же и Платонов. А перед столом — Юзеф Бижевич и Вячеслав Коренев. Их перевели в Сечереченск. Бижевич уже прошел чистку — он бледен и разгорячен.

За председательским столом — рабочий с прокуренными рыжеватыми усами. Толстыми корявыми пальцами перелистывает бумажки в папке. Очки подняты на лоб. Опускает их, когда нужно посмотреть записи.

К столу комиссии вызвали Семена Григорьевича Леонова. Он встал лицом к залу. Высокий, черный, словно грач, с огромными черными усами.

Сиплым голосом председатель расспрашивает о родителях, о

прежней работе в киевском арсенале, о политической подготовке, о поведении в ЧК...

Я смотрю на Леонова с восхищением. И не потому, что он теперь мой начальник в отделе борьбы с бандитизмом. Под его руководством чекисты вели жесткую битву на перегонах и станциях от Диевки до Сухаревки. Самый трудный участок: глубокие выемки, овраги, поросшие кустарником, — раздолье для грабителей. Бандиты караулили поезда на подъёмах. На ходу вскакивали на тормозные площадки и взламывали вагоны...

— Кто прошел? — Я даже вздрогнул от голоса Иосифа Зеликмана. Они с Морозовым с дежурства завернули на чистку.

— Как же вы, товарищ Леонов, Ивана Лебедева не уберегли? — слышится сипловатый говорок рабочего.

Это трагическая история. Махновцы остановили поезд на перегоне — хотели быстро уехать, удирая от настигавших чекистов. Кинулись к машинисту. А на паровозе был Иван Лебедев, пожилой механик.

— Чого треба? — надвинулся он на бандитов, влезших в будку. В руках у него был молоток на длинной ручке.

— Повезешь дружину батьки! — крикнул махновец, суя обрез под нос Лебедеву. Тот отвел руку и сел на стульчик машиниста, молча закурил.

— Жить хочешь, то поедешь! — злобился махновец, тыча машиниста стволом обреза.

В будку поднялся Платон Нечитайло, именовавший себя Черным Вороном. Звероподобный, обросший бандит закричал:

— Почему стоим? Поехали!

Иван Лебедев вертел в руках молоток:

— Ехало не везет.

А внизу бесновались махновцы:

— Трогай, шкура!

— Повесить красную сволочь!

Машинист высунулся из окна будки, глянул на родные поля. Солнце только вставало. Легкая позолота лежала на крышах мазанок отдаленного хутора. А из-за левады, распластавшись над землей, летели к железной дороге красные всадники. В лучах раннего солнца пламенел стяг над конниками. Лебедев усмехнулся и указал молотком:

— Вон смерть ваша!

Нечитайло выстрелил в машиниста. Тот уронил голову на подлокотник. А на бандитов навалились конники, и пошла страшная сеча...

Обо всем этом рассказывал Леонов в притихшем зале. Рабочий тяжело вздохнул, теребя рыжеватый ус.

— Жаль Ивана. Мальчонками пришли с ним в мастерские. Две девочки остались. И жена... Все собирался в партию. Так и не успел...

Винить Леонова в этой скорбной истории не было основания. И мы понимали, что председатель вспомнил о ней, прочитав в папке рапорт на Леонова за эту операцию.

Борьбе с бандами Семен Григорьевич отдавался без остатка. Была ли у него личная жизнь, никто не знал. Он или в ЧК на допросах, или на операции, или выслеживает матерого налетчика...

Его всегда видели мы в буденовке и длинной кавалерийской шинели до пят с малиновыми бархатными «разговорами» поперек груди. Сапоги начищены до блеска. Он не признавал сумок и портфелей — вся канцелярия за обшлагом шинели. Позднее Леонов сменил буденовку на кубанку с малиновым верхом. И если все чекисты, как правило, старались не выделяться среди населения, быть менее заметными, то Леонов походкой солдата, одеждой бойца, смелым поведением большевика подчеркивал: «Я чекист!..»

— Старшенькая Ивана, Нюся, без работы ходит. Не берут — малая, дескать. Взрослым работы не хватает. Помогли бы. — Рабочий с укором смотрит на Леонова. — А семья бедует — кусок хлеба не каждый день.

— Помогу... Это оплошка. — Леонов переступал с ноги на ногу, тяжело сопел, словно нес огромную тяжесть.

— Кому дать слово? — Рабочий нагнул голову, высматривая поверх очков желающих выступить.

Я поднял руку.

— Выходи сюда! — сипнул председатель чистки.

Я волновался, но велико желание мое было сказать теплое слово о боевом товарище.

— Недавно я вместе с Леоновым. Но это же герой! Вот махновцы пустили под откос поезд. И на подводах казенное добро — на хутора. Выехали мы на место налета. Дело было под утро — клюют чекисты носами. А Семен Григорьевич — весь внимание. И только застучали буфера вагонов на остановке, Леонов на ходу распахнул двери теплушки и вихрем — под откос! Длинная шинель его, как крылья, разметнулась. Маузер над головой. Граната в другой руке.

— Сто-о-ой!

Бандиты издали увидели великана нашего в малиновой кубанке и в страхе побежали:

— Цыга-а-ан!

И не попытались сопротивляться. Вот какой наш Леонов!..

Когда я спускался в зал, ребята хлопали мне. Каждый мог припомнить не один пример храбрости Леонова.

Председатель комиссии по чистке, разглядывая сквозь очки содержимое папки, спросил:

— За что вам дали выговор, числящийся в учетной карточке?

Вопрос — словно внезапно разорвавшаяся бомба: Леонов и выговор! Сперва я подумал, что рабочий ради шутки так сказал. Но председатель, пощипывая усы, смотрел серьезно, выжидающе.

Семен Григорьевич ответил басисто, с хрипотцой:

— За неосторожное обращение со спиртными напитками...

И надолго замолчал, рассматривая свои грубые пальцы со следами металла. Никто из сидящих в зале не принял всерьез его объяснение: чекисты в Сечереченске не замечали Леонова даже выпившим!

Васильев приподнялся, осторожно поддерживая раненую руку и с места заговорил:

— Послушайте. Вот операция с Совой. Он ее разработал. Главарь шайки по кличке Сова — бывший петлюровский офицер — технически образован. Поезда останавливает аккуратно. Житья не стало! Леонов послал меня в банду — я маленько умею притворяться. «Просись на квартиру к самогоннице в Амур-Песках», — научил Леонов. Мы знали, что бандиты берут у нее горилку. Словом, устроился я. Ну и застучали! Сову наповал. Остальных живьем взяли. Погода морозная — пропустили по стаканчику. А Семен Григорьевич — ни капли!

— Что ты защищаешь, Васильев? Леонов признался! — Это голос Бижевича. — А за эти стаканчики нужно вас привлечь!

Председатель комиссии переспрашивает Леонова:

— За пьянку, значит, взыскание?

— Та ни. Орлик подвел...

Бижевич вскочил, пробежал за трибуну:

— Брось, Леонов, придуриваться! Мы на чистке партии. Ленин требует очистить партию от мазуриков, от обюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекусивших фасад, но оставшихся в душе меньшевиками. Куда отнести тебя, Леонов? У тебя наклонности к анархии. Кому нужна твоя бравада, когда ты идешь во весь рост на бандитов?.. Вот тут Громов прославлял тебя. У тебя показное геройство. Ты, как анархист!

— Я?! — Леонов вздернул голову, глаза налились кровью. Он широко шагнул к Бижевичу, рука его потянулась к маузеру. Между ними встал Коренев:

— Полундра!

— Так не пойдет, товарищи! — Председатель комиссии сдвинул на переносицу очки и углубился в бумаги. Обратился к Леонову:

— Что же это за спиртные фокусы, уважаемый?

Семен Григорьевич трудно дышал, сдерживая гнев. Грубые пальцы перебирали малиновые «разговоры» на гимнастерке.

Я понимал, что Бижевич завидует Леонову и желает расправы над ним. Повод удобный — чистка! Наверное, и другие понимали это — смотрели на Юзефа Леопольдовича с осуждением.

Леонов заговорил нетвердым баском:

— Был у меня дружок в личном эскадроне Буденного. Вместе в германскую сидели в окопах. Вшей парили. Потом нога в ногу рубались с буржуями. Сперва с поляками, потом — с немцами. А потом с петлюрами да махнами...

— Тут не вечер воспоминаний! — снова вмешался Бижевич. — Отвечай прямо: пил?..

Семен Григорьевич повысил окрепший голос:

— Жениться решил мой товарищ. Красивая такая жинка. В бога верила — возьми ее за рупь с полтиной! Прижала хлопца: в церковь — и никаких! Он повертелся, зажурился и покорился — молодица на большой с присыпкой! Меня приглашает по старой дружбе. А насчет церкви — молчок. Как отказать боевому другу?.. Никак не можно! Приезжаю из части в село. Они уже в церкви. И злость меняхватила: буденновец — к попу! Ну, с обиды — хлоп стакан горилки натошак. Меня и повело. Сажусь на Орлика и до церкви. Через паперть перемахнул. Люди, понятно, шарахаются. А в зале темно, ладаном воняет, и свечи светят. Мой Орлик заржал с перепугу! Непривычен по церквям ходить. А попик спешит молодых окрутить. Я, понятно, — с коня. Привязал к подсвечнику. И молодоженов поздравил, оттолкнув попику. И снова на Орлика та и гайда на улицу...

— Вот вам анархия в чистом виде! — Бижевич оглядывал всех, приглашал разделить его возмущение. Но в зале добродушно улыбались.

Леонов скосил голову, зло глядя на Бижевича:

— Ну, выдали мне выговоряку. Не за посещение свадьбы. Ни! За лошадь, бо нагадила в церкви.

— Надо было мешок подвязать! — крикнул Морозов.

Леонов ответил вполне серьезно:

— Не догадался — спиртное сбило с панталыку.

В зале громко смеялись.

— Желаю говорить! — Вячеслав Коренев на ходу поправлял голенища «бутылками» и брюки с напуском. Чуб выбивался из-под новенькой буденовки. Ворот рубахи расстегнут, чтобы виднелась

тельняшка. У трибуны стянул с головы буденовку, хлопнул ею по ладони:

— Наш парень этот Леонов! По-морскому действовал. Чего смотреть на длинногривых?.. Они — дурман для народа! Я был послан колокола сымать. Сверху ба-бах! Бабы орут. А мне что? Потому — дурман! Это не позор, а слава Леонова. И нечего тут долго размазывать — выговор дали ему зря! Побольше бы таких братишек — мировую революцию в два счета зажгли бы!..

— Смотри, кто в товарищи к Леонову шьется! — Никандр Фисюненко даже привстал, чтобы лучше разглядеть Коренева.

А к столу пробирался Зеликман. Пригладив рыжую копну волос, заговорил с горячностью:

— Вы читали, товарищи, насчет ГОЭЛРО? Надеюсь, читали. Тридцать электростанций построить в России. Тридцать! Сегодня ноль, а завтра — тридцать! Черт-те как заманчиво. Мужика посадить на трактор. За это стоит побороться. Наш паровоз, вперед лети! В коммуне — остановка. Нет, не остановка. Мы пойдем дальше...

— Иося, ближе к делу! — остановил его Васильев.

— А то не дело, если коммунист верхом на жеребце въезжает в церковь? Очень большое дело, товарищи! Очень большое. Оно на руку бандитам. Это никуда не годится! Это я говорю вам — Иосиф Зеликман. Вот заменили продразверстку на продналог — вздохнул крестьянин. Доверием к мастеровому проникся. А ты, товарищ Леонов, дал подножку этому самому союзу рабочих и крестьян. Понимаешь, что я говорю?.. В Одессе восемь месяцев жили с керосином, а на пасху большевики дали электричество. Почему? Чувства народа уважают!..

— Понятно! — Рабочий пристукнул по столу тяжелой рукой. — Кому еще слово?..

Бочаров проковылял между рядов, тяжело опираясь на палку.

— Наказывали Леонова, конечно, не за выпивку. Мне это ясно. Его партия осудила за анархистские замашки. И я расцениваю проступок Леонова именно так. И если в коннице как-то можно было простить выходку Леонова, то мы в ЧК не имеем права! Чекист — это как святой!

— Это ты брось — делать с меня святого! — крикнул Коренев.

— Ты, Коренев, вот что: в кильватер к Леонову не пристраивайся! Разные вы люди. — Бочаров навалился на трибуну, трость прислонил к столу президиума. — И тебе, Бижевич, скажу. Бывали мы с тобою в смертельных переделках. Боевой товарищ, ничего не скажешь! Но, извини, дури в твоей башке — хватит на десятерых! Накинулся на Леонова. Да он был уже наказан за проступок! А у нас он показал себя с лучшей

стороны.

Бижевич опять вышел к председательскому столу. Горячо перечислял леоновские «грехи», загибая нервные пальцы на руке:

— Мухина не разоблачил вовремя — раз! Налеты бандитов на железную дорогу усиливаются — два! Погиб беспартийный машинист Иван Лебедев — три! Семья бедствует...

Морозов подсказал с усмешкой:

— Сымай сапоги, Юзеф Леопольдович! Пальцев на руках все равно не хватит.

В зале дружно засмеялись, а Бижевич закончил твердо, рубанув воздух кулаком:

— Не оправдал Леонов звания члена большевистской партии!

Добрый смех ребят тотчас погас: подобного заключения не ожидали.

— В одном прав Бижевич — нужно высоко держать звание чекиста, — заговорил Платонов, проходя вперед. Статный, в ловко пригнанной одежде, аккуратно подстриженный, он невольно вызывал уважение. — Можно много говорить и ничего не делать. Будто бы пустой ложкой во рту ворочать. Леонов — боевик! Но времена меняются, товарищи. Настает пора большого ученья. С этим у Семена Григорьевича слабинка. А то, что было раньше — он получил за то сполна...

Я переживал, наверное, больше всех. Лихой, сообразительный, беззаветно преданный революции Леонов и вдруг заявление — не оправдал!

Недавний эпизод из моей жизни запомнился особо. Как обычно, я пришел в отдел пораньше. Леонов был на месте, просматривал сводку происшествий за ночь. Я поздоровался. Он поднял голову:

— Громов, как же это вы вчера прохлопали бандита?..

— Так он же вдруг вылез через крышу!

— Ты должен все угадать заранее. Пошли к начальнику!

В кабинете Платонов сказал:

— Считаешь, получится опер?

Семен Григорьевич широко заулыбался, почесывая затылок:

— Усы бреет. Девятнадцать — стукнуло. А що треба?

— Ну, если усы... — Платонов тоже засмеялся, потирая белые руки. Видимо они уже договорились заранее о моем назначении оперативным уполномоченным ЧК. — Сам-то он как, не возражает?..

Леонов хлопнул меня по плечу:

— Не возражает! В партию вступил в техникуме. Есть хватка и чутье большевистское.

— Аминь! — Платонов подписал приказ о моем повышении.

И еще помню. В комсомольской ячейке ЧК обсуждали в ноябре 1920 года речь Владимира Ильича Ленина, которую он произнес на третьем съезде РКСМ. Горячо спорили: как можно учиться, если столько бандитов гуляет на воле! Юденича, Колчака, Деникина, Врангеля разбили, но врагов затаившихся не меньше пока. Чекисты это хорошо знали. Леонов, присутствовавший обычно на молодежных собраниях от партийной ячейки, задумчиво говорил в тот раз мне:

— Учиться, брат, положено. Ленин мудро и далеко видит. И мне вроде положено. Однако не могу. Учиться — это личное. Слабым грамотеем останусь, но уничтожу десяток бандитов. Это уже не личное. Другие после меня спокойно учиться станут. Может, дети мои, может, вы все... И я доволен буду: не зря жизнь прошла!

И его слова не расходились с делами. А теперь вдруг такой поворот. Неужели вычистят из партии?..

Леонов покраснел, как кумач, не поднимает головы. Усы его обвисли, и черный чуб разлохматился.

А Бижевич твердит свое:

— Селянам послабление делает.

Семен Григорьевич басовито отозвался:

— Не храбрись, Бижевич. Без народа мы, как мухи без еды, передохнем! И с бандитами возимся долго потому, что мало берем в помощники народ...

Поднялся за столом рабочий, пригладил редкие волосы, снял совсем очки. Не торопясь, вынул старенькую щербатую расческу, провел ею по рыжеватым, прокуренным усам.

— Мое слово короткое. Товарищи правильно оценили недочеты Леонова...

— Даже Бижевич? — Васильев вскочил и глянул в зал: «Да что же делается?»

Председатель комиссии хмыкнул, подмигнул Кореневу, сидевшему ближе к столу:

— Який прыткий! Повторяю, по-большевистски крыли, до поту. Почувствовали, Семен Григорьевич, чи ни?

Леонов только крикнул и еще ниже опустил голову.

— Оставить в партии! — крикнул Морозов.

— Оставить! — громко поддакнул Васильев.

— Выговоряку теж скостим. Чи так я кажу? — Председатель впервые за вечер улыбнулся, открыв белые ровные зубы. Дождавшись пока уляжется шум, вызванный его решением, рабочий обратился к Леонову:

— Скостим-то скостим, но впредь, товарищ дорогой, не ошибайся! Должность у тебя важная. Народ доверил чекистам меч

свой. Секите им с разбором. По врагам революции бейте.

— Постараюсь... не ошибаться. — Леонов смущенно теребил длинные черные усы, и увлажненные глаза его светились радостью.

— А тебе, товарищ Бижевич, советую теплоту пустить в свое сердце. Настоящий человек должен иметь теплое сердце!

Слова председателя потонули в дружных хлопках всего зала.

Федор Максимович Платонов вернулся из Харькова, где он участвовал в совещании руководителей Всеукраинской ЧК. Там обсуждался единственный вопрос: как скорее и окончательно ликвидировать бандитизм?..

Петлюра, Махно, Зеленый — позади! Но в лесах и глухих селах Украины засели мелкие группы белогвардейцев, местных националистов, анархистов, уголовников, просто любителей легкой наживы — «голубая» кровь, как определил когда-то в Рязани мой первый учитель Денис Петрович Нифонтов. Они занимались разбоем, уничтожали партийный и советский актив, громили кооперативы...

В Галиции образовалась «Украинская военная организация», которая пыталась объединить всех буржуйских недобитков против нас. В Варшаве окопался Борис Савинков — подбирает террористов и засылает в Россию. В Болгарии генерал Кутепов с белым офицером ждет своего часа.

Платонов рассказывал по кабинету, заложив руки за спину. Он словно рассуждал сам с собою:

— Советская власть крепит смычку города с деревней. А банды — палки в колеса. Потому большевистская партия требует: кончать с бандитизмом! Обеспечить народу мирный труд. Вот что говорит Владимир Ильич: «Надо быть искусным, осторожным, сознательным, надо внимательнейшим образом следить за малейшим беспорядком, за малейшим отступлением от добросовестного исполнения законов Советской власти... Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся...» Что это значит, товарищи чекисты?.. Это значит, мы, борясь с врагами, не должны следовать присказке: «Лес рубят — щепки летят!»

Выступление Платонова вызывало обычно споры. Так вышло и в тот раз.

— Опирайтесь на незаможных селян, на молодежь, на жинок — вот путь к быстрому разгрому бандитизма! — говорил о своем, выношенном в раздумьях, Леонов. — Если селяне сами ополчатся на бандюков, то, считай, три четверти дела сделано! И

ошибок, о которых беспокоится дорогой Ильич, будет меньше. Население знает бандитов как облупленных!

— Смелее и чаще бить их надо! — подал реплику Бижевич. — Очистить села от подозрительных лиц. В Сибирь, чтобы и духу не было!

Мы понимали настроение Юзефа Леопольдовича: он получил извещение о том, что на кордоне контрабандисты убили его последнего брата. Бижевичу горячо сочувствовали, но почти никто в ЧК не одобрял его ожесточения.

Иосиф Зеликман — в Одессе головорезы Мишки-Япончика задушили его мать и сестренку — говорил, пытаясь убедить Бижевича:

— Понимаешь, Юзеф Леопольдович, в бандах есть обманутые. Атаманы красивыми посулами задурманили кое-кого. А других страхом удерживают. Односельчане лучше знают, кто кат, а кто — не по своей воле...

— Верно, Иося! — Леонов взбил свой черный, чуб. — Не обижайся, Юзеф Леопольдович, но ты неправ — всех под одну гребенку... Знаю Андрея-заика. Под Знаменкой бродит в банде. Его из поезда утащили. Вот на глазах Володи Громова. Мухин обманул, будто бы убежал заика. Андрей дрожит весь, а ходит — запугали потому что...

Леонов совсем недавно ликвидировал опасную банду кулацких сынков, опираясь на местное население, и говорил, что называется, по горячим следам.

В оперативный пункт ЧК — как-то рассказал он — заглянула черноглазая, с толстыми косами дивчина.

— Кто у вас начальник? — спросила она Морозова.

— А що?

— Веди к начальнику! — Глаза у девушки быстрые, решительные. Когда узнала, что Морозов и есть начальник, то представилась:

— Зина Очерет, комсомолка. Помогать вам хочу!

— А що ты умеешь?

Зина сморщила лицо, неуловимым движением поправила хустку-косынку и страдальческим голосом бабушки спросила Тимофея Ивановича:

— А вам чого треба?

Перед Морозовым предстала женщина в возрасте. Он растерялся, а Зина засмеялась заразительно:

— Ну, как? Годится?

Так семнадцатилетняя комсомолка Очерет стала разведчицей ЧК. В крестьянской одежде, с узелком она уходила в рейды по бандитским селам и хуторам Екатеринославской губернии.

Однажды вернулась в изодранном платье, исцарапанная и с разбитыми губами.

— Бандюки... приставали... убежала! — А успокоившись и вытерев слезы, рассмеялась и принялась прихорашиваться:

— Я ему все глаза выцарапала! Укусила руку. Як вин визжав, мов те порося!

Комсомолка принесла весть о том, что банда собирается в воскресный день напасть на станцию Снижиревку.

— Атаман казав: по головному шляху нас не ждуть, а мы навалимся негаданно! Вместе с селянами войдем в поселок.

Леонов и Морозов с оперативной группой выехали на шлях. В Снижиревке к ним добровольно пристали пять железнодорожников.

— Обридлы байдюки, як та хвороба. Пора кончать! — пояснили они свой поступок.

Леонов охотно взял их с собою. Ночью в субботу чекисты залегли на обочине дороги в кустах. Выставили дозоры. На рассвете часовые слышали скрип колес: возов двадцать с сеном!

— Куда едете, громадяне?

Дядько свесился с арбы и, широко позевывая, лениво отозвался:

— А що таке? В Снижиревку на заготпункт...

Дозорные пропустили обоз, и опять тоскливо запели плохо смазанные колеса.

Поравнялись с засадой.

Семен Григорьевич вглядывался в арбы с сеном. Местный железнодорожник ящерицей подполз к нему и жарко зашептал:

— Тот дядько на первой арбе — бандитский главарь!

Леонов приказал остановить обоз для осмотра. И тут из-под сена на дорогу посыпались налетчики. Они стреляли вразнобой.

Из засады палили пачками. Часть грабителей убили, а остальных взяли живьем.

Среди пойманных опознали Луку Пономаренко, нашего знакомого из Полог. Допрашивал его Василий Михайлович Васильев. И тогда выяснилось, что в Пологах главным наводчиком был начальник почты, человек со шрамом на лбу, а Мухин ему помогал. Мы пожалели, что поторопились расстрелять Мухина.

— Как фамилия почтовика? — спросил Морозов.

— Гавриил Квач.

— Дэ вин зараз?

— А хто ж його знав... Мэнэ заманив... Ташут силком! — хныкал Пономаренко, пытаясь разжалобить Васильева.

Окончательное решение принимал Леонов. И он приказал:

— Пономаренко — в трибунал!

Придурковатая медлительность Луки моментально пропала. Маленькие глазки засветились лютой ненавистью:

— Всех вас повесят! Вашу комсомолку — первой! На части раздерут. Ее добре приметили...

Разгром этой крупной банды еще раз убедил Леонова и других чекистов нашей группы в необходимости более широкого привлечения жителей к борьбе с разбоем и террором...

— Я поддерживаю Семена Григорьевича! — горячился, как обычно, Иосиф Зеликман. — Крестьяне поворачиваются лицом к Советской власти — продналог сделал свое дело. Опираясь на бедноту, в каждом населенном пункте, прилегающем к железной дороге, нужно иметь своих помощников. На крупных узлах — большевистский актив. Одни чекисты — песчинки в море!..

— Дело ваше решать, Федор Максимович, но революционная бдительность превыше всего, — вмешался Бижевич. — Допустим массу людей к секретам — болтунов хоть отбавляй! Капитализм оставил нам добра — вспомните Панко Крука. Урок!

Панко Крук действительно позорное пятно в нашей жизни. Речистый светловолосый парень несколько раз помогал чоновцам ловить беспризорников. Его зачислили в заградительный отряд на станции Пятиматка. Родители Крука приторговывали на вещевом рынке Сечереченска, на Озерке.

Бижевич был против этого парня. Но протест его не приняли во внимание. И вот однажды в пассажирском поезде, идущем из Одессы, Крук задержал подозрительного мужчину с тяжелым баулом. Панко повел его в оперативный пункт ЧК. По дороге задержанный стал упрашивать:

— Отпусти! Сахарину дам.

Панко заколебался. А мешочник уже сунул ему в руку золотую пятерку. Крук и совсем размяк.

— Чого натолкал в торбу?

— Муки выменял... Семья большая и все больные, — плакался задержанный и дал чекисту еще одну золотую монету. — Отпусти ради бога!

Крук вернулся с мешочником на перрон, провел в вагон и усадил в купе:

— Доедешь надежно. Я скажу своим ребятам...

В Сечереченске заградительный отряд опять проверял пассажирский поезд и вновь задержал мешочника.

Досмотр вел Бижевич. В тяжелом бауле под кусками сала, в тайнике чекисты обнаружили несколько килограммов сахара, много золотых монет царской чеканки, разбитые золотые оправы икон.

— Обманул, сопляк проклятый... Штоб ты подавился моим сахарином... Штоб твои детки наглотались иголок, — бурчал задержанный, злобно поглядывая, как чекисты составляют опись обнаруженных ценностей.

Бижевич поднял голову:

— Кто обманул? Какой сопляк?

Валютчику терять было нечего. И он все рассказал.

Бижевич ликовал, арестовывая взяточника. Панко Крук по приговору коллегии губчека был расстрелян.

Но и Бижевича валютчик Измаил Петерсон провел как мальчишку. Чекисты, отобрав у арестованного ценности, отвели его в комнату предварительного заключения.

— До ветра треба! — сразу же попросился Петерсон в уборную.

Конвоир по неопытности доверился, а матерый спекулянт, когда привели его в туалет, без шума выдал доску на ту сторону уборной — и до свиданья! Хватились валютчика — где там! Лишь к концу двадцатых годов судьба столкнула меня с Петерсоном. Но об этом дальше...

Юзеф Леопольдович, обжегшись, как говорится, на молоке, стал дуть и на воду. Он отстаивал келейные методы работы органов государственной безопасности, считал, что секретность — и лишь она одна — спутник работы чекистов.

Но тогда, на совещании у начальника дорожно-транспортной ЧК, Бижевич не получил поддержки.

— Красная армия демобилизуется, и сил чекистов недостаточно, чтобы самим ликвидировать бандитизм на Украине, — говорил в заключение Платонов. — Коллегия губернской ЧК создает мощный отряд под командованием Александра Попруги. Отряд будет дислоцироваться в Нижнеднепровске. На первом Всеукраинском совещании чекистов при Центральном Комитете КП(б) Украины принято решение создавать повсеместно из молодежи добровольческие коммунистические отряды особого назначения. Бандитизму наступит конец — партия всерьез берется за это...

Опираясь на трость, поднялся Павел Бочаров. Бледное лицо его порозовело.

— Прошу послать меня в самый пораженный бандитизмом район.

Бижевич скептически усмехнулся.

— Направить его в Гусиниху — там каждый бандит.

— Если можно, давайте Гусиниху, — отозвался Павел.

Мысленно я даже упрекнул друга: «Не хвabrись! Ведь едва на ногах держишься...»

Наше совещание было прервано самым неожиданным образом. Дежурный чекист ввел в кабинет молодую женщину в ярком ситцевом платье. Брови подрисованы. Губы густо на помажены. Голос хриплый, как у пропойцы. Глаза — шальные.

— Вон он, сволочь! — Она смело шагнула к Вячеславу Кореневу и залепила ему звонкую пощечину.

Дежурный запоздало схватил ее за руку. Она взвизгнула:

— Не смей крутить руки!

Большинство чекистов знали ее — Зойка Рыжая! Работала она стрелочницей, поведения была легкого.

— В чем дело? — Платонов недовольно смотрел на дежурного чекиста.

Зойка вынула из-за пазухи мятые керенки, давно не имевшие хождения, и бросила их на стол Платонова.

— Вот он дал мне! Что это?.. Подлюга, обманул честную женщину, сунул фальшивки. Поблагодарил, называется! А я, дура, в темноте поверила: чекист все-таки...

— У вас все? — опять спросил Платонов.

— Нет, не все, гражданин начальник. Не все! Сегодня вижу: с женой идет. Чин-чинарем, как фон-барон. Фу-ты, ну-ты! «Подойти да ткнуть ему в харю бесстыжую эти керенки», — подумала я. Но я, честная женщина, понимаю: спорчу жизнь человеку. Засунула руки в рукава и решила: «Иди, хамлет!» Вот, знайте с кем работаете!..

Корнев сидел весь красный, глаза его блудливо бегали по сторонам. Ничего не попишешь, правда! С огромной болью в голосе Бижевич сказал:

— Эх, Корнев!

— По-моему, все ясно. — Платонов прошелся саженными шагами по кабинету. — Прений открывать не будем!

«Братишку» отчислили из ЧК...

Вовлечение местного населения в борьбу с бандами было одобрено коммунистической партией. «Селянская правда», газета Екатеринославского губкома КП(б) Украины, сообщала о том, что беднота на своем втором губернском съезде решила:

«...немедленно приступить к организации в каждом уезде одного кавалерийского эскадрона и одной роты на тачанках».

На бой с контрреволюционным отребьем поднялась молодежь и комсомольцы села.

Просьбу Павла Бочарова руководство ЧК удовлетворило. Перед отъездом в Гусиниху он заглянул ко мне, посмеиваясь:

— Ну, Володя, давай лапу!

Павел был с толстой тростью, прихрамывал.

В лазарете пролежал больше месяца — врачи едва отходили простреленную ногу. Мне было жаль товарища, и я заикнулся, мол, отдохнул бы... Павел резко перебил:

— Не отпевай меня, Гром, раньше смерти! Знаешь, Володя, хочется доказать таким, как Бижевич, что население само справится с бандитами. Подучить его надо, и никаких варяг не потребуется. В самом уезде найду таких помощников! С умом только начать... Как считаешь, Володя, получится у меня?..

Смотрю на Бочарова и припоминаю, каким был он в Рязани. Где его бесшабашная удаль? Она стала его умной храбростью. С годами он научился сдерживать свой порыв. ЧК научила его организованности. После долгого молчания я ответил:

— Получится, Паша! Я верю тебе. Ты ведь такой...

— Ну-ну, запел! Спасибо на добром слове.

Наваливаясь на трость, Бочаров покинул мою комнату.

И вскоре из уезда пошли хорошие вести о коммунистическом отряде. Павел быстро собрал актив, повел его в жаркие схватки с врагами.

Как-то грабители после налета на железную дорогу съехались в село Софиевку, по своему обыкновению запьянствовали. Изрядно захмелев, они хватали и насиловали молодежи. Из села к Бочарову примчался паренек:

— Выручайте!

Бочаров отрядил гонца к чекистам Александра Попруги. С двух сторон охватили Софиевку — двести бандитов полегли под пулями и саблями славных комсомольцев.

В районе станции Девлаково бесчинствовала банда Мелешко, бывшего штабс-капитана царской армии. Советских активистов он сжигал на кострах или вешал вниз головой. Вокруг новоявленного пирата собралось 150 отчаянных головорезов. Базировались они в селе Широкое-Архангельское и его лесистых окрестностях. Громили станции, грабили поезда, магазины и обозы.

Чтобы сберечь людей, Павел Бочаров договорился с Тимофеем Морозовым о совместных действиях. Они разработали план ликвидации банды, главными исполнителями его стали добровольцы из местных жителей.

У Морозова способным активистом был коммунист железнодорожник Иван Лесницкий, смелый, осмотрительный.

— Тебе, Иван, идти на разведку. Бери с собою Зину Очерет. Да пригляди за ней: горячая больно.

Переделались помощники чекистов. И зашагали по дороге

пожилой селянин со своей дочкой — погорельцы! Так и в Широкое-Архангельское попали. Местные бедняки надежно укрыли разведчиков, снабдили подробными сведениями о каждом бандите и его родственниках, о явочных квартирах и «схронах» — тайных базах пиратов. Выбрав удобный момент, когда головорезы съехались, Лесницкий послал Зину к Морозову:

— Пора!

Созданный Бочаровым местный отряд самообороны во взаимодействии с чекистами уничтожил банду Мелешко. А самого пирата удалось взять живым. Его судил ревтрибунал.

В окрестностях Гусинихи орудовала свора кулаков с обрезам. Убивали комнезамовцев^[1] и активистов сельских Советов, сжигали магазины и склады с государственным хлебом. Банда была крупная. Днем грабители занимались крестьянскими делами, а ночью — разбоем! Сельские Советы установили патрулирование деревень. Никакого толку!

— Давайте мы займемся этими головорезами! — предложил Бочарову составитель поездов Прохор Дерзач. Этот парень был родом из Екатеринослава. Низенький, широкий в плечах, со светлыми умными глазами. Сперва он трудился на заводе Гантке (ныне завод имени Карла Либкнехта). Когда на Украину пришли немецкие оккупанты, Прохор беззаветно бился с ними. Для усиления советского актива в Гусинихе губком КСМУ послал Дерзача на станцию. Он поступил в бригаду по ремонту пути, а позднее стал стрелочником. Сообразительный комсомолец освоил также и специальность составителя. К нему относились с уважением. Он стал правой рукой Бочарова.

Однажды Дерзач и его ребята затаились в клунях, брошенных сараях, под мостом, который вел со станции в поселок Гусиниху. А время было морозное. Одежка на добровольцах подбита рыбьим мехом. Однако ребята крепятся. Первый раз засады ничего не дали. На следующую ночь маневр повторили. И им повезло. Далеко за полночь на мосту показался человек в кожане и в валенках. Оглядывается, прячет что-то под полою. Нетерпеливые было тронулись. Но Павел сдержал их:

— Пусть ближе подойдет!

В свете луны они увидели под полой обрез. Как только бандит поравнялся с засадой, ему преградили путь.

— Руки в гору! — Незнакомца окружили и связали.

— Эге, Фрол! — Дерзач признал сына местного богатея.

На допросе Фрол перетрусил, увидя чекиста Бочарова, и сразу выдал организацию «Вильна Украина».

— Девятого декабря готовят налет на Гусиниху. Разделают под орех! — откровенничал Фрол, стараясь выторговать себе

жизнь.

Ребята на коней — и в ЧК. Банда была выслежена, окружена и разбита.

И вот в Екатеринославе, в клубе имени В. И. Ленина состоялся митинг в честь второго конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи.

От нас, транспортных чекистов, послали меня, Леонова и Бочарова. Зал бурлил. Песни звенели. И чаще других «Паровоз».

Мы дети тех, кто выступал
На белые отряды,
Кто паровозы оставлял,
Идя на баррикады...

На трибуну поднялся Семен Григорьевич Леонов. Подкрутил воинственные усищи и басовито предложил:

— Просьба наградить орденами юных героев борьбы с бандитизмом и контрреволюционерами!

Бурными аплодисментами были встречены его слова.

Позднее командующий войсками Харьковского военного округа Август Иванович Корк наградил четырех лучших из лучших помощников ЧК орденом Красного Знамени.

В торжественной обстановке был вручен боевой орден и моему замечательному другу и товарищу — Павлу Бочарову. А еще через неделю мы проводили его в Москву в специальную школу ОГПУ.

Кабинет затенен розовыми тяжелыми шторами. За столом откинулся на спинку стула рано полысевший, с рыхлым лицом военный. А напротив, в кожаном глубоком кресле, — штатский. Бородка клинышком. Пенсне на черном шнурке. В костлявых пальцах вертит золотой брелок карманных часов.

— Если я правильно понял, уважаемый пан полковник, агент не подведет? — спросил штатский.

— Не беспокойтесь.

— Мы, французы, любим быть уверенными. А может, русского послать? Теперь их столько в Париже! Генерала можно завербовать для переброски...

Военный горячо возразил:

— За спиной нашего агента школа дефензивы. Годы работы во втором отделе нашего Генерального штаба. Разведчик классный. Дважды уходил от чекистов Дзержинского. Можно пригласить: сами взглянете.

Француз согласно наклонил голову, придерживая пенсне,

спросил:

— Эти повстанцы... как его... Тютюника, готовы?

— Господин Савинков передал Тютюнику свою организацию на всей Украине.

— Организацию, — презрительно протянул француз.

— Если через полгода Петлюра не вступит на Украину, мы прекратим их содержать.

Бесшумно отворилась дверь, задрапированная тяжелым бархатом. Порог переступил стройный блондин с усами. На нем все с иголочки: мундир, погоны, новые сапоги с высокими голенищами и кованными каблуками.

— Поручик Войтович...

Полковник прервал его доклад:

— Садитесь, Сигизмунд Казимирович.

Войтович присел на край дивана, опасаясь измять отутюженный костюм. Установилась минутная тишина. В углу кабинета часы отбивали быстрые секунды.

— Как ваша нога, поручик? — И для гостя поспешное пояснение: — На границе подстрелили.

Офицер вскочил:

— Изредка беспокоит, пан полковник!

— Да сидите же, поручик! Беспокоит, говорите... Может, воздержимся от поездки?..

Поручик опять встал, вытянул руки по швам:

— Готов выполнить приказ!

Штатский улыбнулся и, растягивая слова, переспросил:

— Какой приказ? Воздержаться?

Хозяин кабинета угодливо усмехнулся. В слабом свете блеснул его золотой зуб.

— Дорогой гость изволит шутить.

Штатский уверенно прошелся по ковру и остановился напротив поручика:

— Итак, ваша задача: разведать пропускную способность железных дорог Украины. Узнать состояние охраны мостов через реку Днепр. Создать агентурную сеть. Союзные армии должны знать настроение большевистского юга. Детали объяснит уважаемый полковник.

— Прорывайтесь в Сечереченск. Чем больше город, тем надежнее можно затеряться. Не мне вас учить, Сигизмунд Казимирович. Нам известно: большевикам удалось привлечь на свою сторону холопов. Наобещали горы богатства, а скотине — было бы поило! Это следует знать и учитывать. Отсюда ваши методы и ваши средства. Хотя годы, проведенные в России, а позднее в войсках барона Врангеля и Булак-Булаховича, дали вам

опыт и знание местных условий, но я счел своим долгом высказать эти соображения.

Многословная речь полковника рассчитана была явно на француза: вот какой разведчик идет в красную Россию. Цените и не скупитесь!

— Усы, поручик, — долой! — Полковник погрозил пухлым пальцем с перстнем. — О, мы знаем вашу слабость! Дам увлекать усами...

Штатский грубовато прервал полковника:

— В России, как вам должно быть известно, сейчас много людей в армейской форме. Вам следует быть в полувоенном костюме.

— Не извольте беспокоиться. Костюм готов. Документы верные. Переходить границу вот здесь. — Полковник взял поручика под локоть, отвернул светлую шторку и указал точку на карте.

— Места вам знакомые.

Гость закурил, внимательно изучая Войтовича. А польский полковник продолжал:

— Кое-кто из старых агентов уцелел. Список их запомните, вам назовут. Дадут явки и пароли. Но рассчитывайте на свои силы, поручик.

— С нами бог! — Войтович поднялся. — Приказ будет выполнен, пан полковник.

Генштабист проводил агента до дверей. Француз же лишь повернул голову и поправил пенсне.

...Темной дождливой ночью в глухом лесу был обнаружен еще теплый труп молодого советского пограничника. Удар был нанесен широким ножом в спину. Других следов нарушения границы не осталось. И днем поиски не увенчались успехом. Пограничника похоронили с воинскими почестями.

Тогда же из Москвы в Сечереченск пришла шифровка — через границу прорвался шпион. А еще через три дня на стол председателя губчека легла фотография бравого польского поручика с приметными светлыми усами...

КОНЕЦ ЧЕРНОГО ВОРОНА

Ориентировка была скупа, как всякий военный документ:

«В ночь на 9 марта с. г. неизвестные лица подожгли артиллерийские склады в Москве, рядом с Ходынской радиостанцией, самой мощной и единственной в России. Пожар охватил деревянные строения. Загорелись ящики, и начали рваться снаряды. Огонь перекинулся на жилые дома работников радиоцентра. Осколками разрушены мачты и здания с аппаратурой. Радиосвязь прекратилась. Стало известно, что склады подожжены, чтобы вывести из строя радиостанцию и лишить правительство связи. Среди участников диверсии замечен человек со шрамом и прихрамывающий военный. Наши работники «вели» человека со шрамом, но на Киевском вокзале диверсант убил нашего сотрудника и скрылся. Примите меры розыска и задержания».

Человек со шрамом был известен ЧК еще несколько лет назад...

...Декабрь. Поздняя ночь. В холодной морозной дымке скупое светятся окна гостиницы «Астория». В этом здании временно разместилась дорожно-транспортная ЧК.

У входа притопывает часовой. Не греют ботинки и обмотки. Истрепалась за годы войны серая солдатская шинель.

Из мгlistой дали улицы показались два человека. Идут осторожно. Часовой заметил их. Когда поравнялись, различил: мальцы! Один, худой и длиннорукий, обмотал голову старой шалью. Обут в опорки. Второй — ниже ростом, круглолицый — быстро поглядывал по сторонам, то и дело натягивая на уши воротник огромного пиджака. Часовой проводил их долгим взглядом. Дойдя до угла стены, мальчуганы вернулись. Прижимаясь к стенке, пытались незаметно войти в дверь.

— Куда? — Часовой преградил им путь винтовкой со штыком. Длиннорукий шмыгнул носом, кивнул на дверь.

— Нам... туда.

— Завтра зайдете!

Оборвыши переглянулись. Круглолицый приплясывал на каменных ступенях, настаивал, но часовой был неумолим!

— Отойди!

Вдруг мальчик сорвал с головы шаль, сделал страшное, лицо:

— Го-о-орит! Васька, го-ори-и-ит!!!

Солдат обернулся. А мальчики — под штык! Дверь хлопнула за ними. Тишину ночи разорвал свисток часового.

Ворвавшись в дежурную комнату, парнишки кинулись к столу.

— Нам главного!

Из-за стола поднялся оперативный уполномоченный Васильев. Отложил в сторону портрет Ленина, который только что вставил в рамку.

— Что наделали?.. Садитесь!

Коротыш в большом пиджаке смело отозвался:

— Мы — ничего. Давай к главному!

— Ну, раз ничего — другое дело. Подай-ка, Вася, портрет!

Круглолицый вытаращил глаза, и на щеках его ярче выступили крупные веснушки. А Васильев посмеивался, забираясь с молотком на стол:

— Мы, брат, с тобою тезки.

Васильев обладал удивительной памятью. Признал он и ночных пришельцев. Припомнился ему поезд, где малыши испугались облавы, и деревня...

— Подавай портрет. Чего растерялся?

В комнату заглядывали встревоженные часовым чекисты. Васильев с высоты успокаивал их:

— Это мои знакомые.

Чекист укрепил рамку, расправил красные банты по углам ее и спрыгнул на пол.

— Кто он? — спросил Вася, не спуская глаз со стены.

Обойдя стол и распахнув дверку перегородки, отделявшей дежурного от посетителей, Васильев положил свою широкую ладонь на лохматую голову длиннорукого.

— Ленин это. Владимир Ильич.

Васильев широко заулыбался.

— Человек нашенский. За простой народ. Чтобы всем жилось хорошо. И вы чтобы не бродяжничали. Откуда едете?

— Из Крыму. Голодно там. — Вася нахохлился, как приболевший петушок. — Вон Сашка пухнуть стал.

Сашка доверительно взял за руку Васильева.

— В Сидельникове ваши сняли нас.

— А мы сбежали! — прихвастнул Вася.

— Кто же сюда доставил?

— Мы сами. — Саша подтянул стоптанные большие сапоги, высморкался звучно и независимо потребовал:

— Давай к начальнику чека!..

Васильев пояснил, что начальник будет только утром. А сам думал: куда определить пацанов? Детский приемник закрыт. Не выталкивать же мальцов на холод...

— Нельзя до утра, товарищ Вася, — твердо сказал Саша и топнул ногой. — До утра они убегут...

Вася все посматривал на портрет Ленина.

— А кто нарисовал его?

— Наш чекист Носко добыл фотографию. — Васильев увел мальчиков за перегородку, поставил на стол чайник и две кружки. Из стола вынул ломтик черствого пайкового хлеба и отрезал два тонких кусочка.

Ребята отказывались:

— Мы сытые. Они накормили.

Васильев раскрыл журнал дежурного и серьезно потребовал:

— Говорите, что и как.

Перебивая друг друга, мальчики рассказали важную историю.

...Обманув дежурного ЧК в Сидельникове, Вася и Саша нырнули под составы и убежали в лес, стеной стоявший вдоль путей. Забились под ветки низкорослой ели, прижались спинами и прикорнули. Пробудились от холода.

— Исть охота! — Вася сглотнул слюну, раздвинул колючие

ветки. Опасного ничего не увидел.

Саша пугал его:

— Фараоны сцапают!

Холод и голод пересилили страх. Мальчики очутились в вокзальном буфете. На них кричали, испуганно хватались за карманы. Только в затемненном углу они встретили приветливого человека в серой шинели. На его столе лежала разрезанная селедка и полкаравая душистого хлеба.

— Дяденька, дай кусочек! — Саша страдальчески сглотнул слюну и протянул руку.

Человек за столом улыбнулся, подвинул табуретки.

— Угощайтесь.

И снова с любопытством рассматривал мальчуганов, уплетавших вкусный хлеб с селедкой.

— Что же вас дома не кормят?

— Нет у нас дома. Мамка Васи везла нас к тетке на Кубань. В дороге бандиты напали. И убили Васину мамку. Пробираемся туда, но одним плохо...

— Плохо, если нет никого, — сочувственно сказал незнакомец и тяжело вздохнул: — У меня тоже нет никого. Из лазарета пробираюсь. Юденичи кровь пустили. Под Петроградом. Вот еду в Сечереченск. Там дальние родственники. Плохо, адреса точного не знаю. А вы куда же все-таки едете?

— Где сытнее! — беспечно откликнулся Вася, довольный едой, теплом и приветливостью случайного человека.

— Выходит, нам по пути! Меня зовут Георгием Константиновичем. А вас?..

Ребята называли себя. Новый знакомый попросил помочь ему отыскать родственников.

— Самому искать — нога плохая. А потом я помогу вам выбраться на Кубань. Там тепло и хлебно!

Саше нравилась солдатская одежда Георгия Константиновича, неторопливый говор городской, коротко подстриженные рыжеватые усы. Только глаза какие-то холодные да руки слишком белые вызвали робость.

— А в Петрограде бывали? — спросил он.

— Как же! Много раз. Часовым в Смольном стоял... Ленина пропуск в руках держал.

Вокруг царила вокзальная толчея и разноголосица, пьяная ругань. Георгий Константинович переспросил: согласны ли ребята помочь ему?

Вася первым согласился:

— Поможем! А вы нас на Кубань устройте.

В поезде до Сечереченска ехали без опасения: с фронтовиком не зацапают! Солдатская шинель, серая папаха и мешок за крутыми плечами. Ничего, что прихрамывает — попробуй тронуть!

В Сечереченск приехали ночью. Но утра не стали дожидаться: Георгий Константинович повел ребят на самую окраину.

— Знакомый должен там проживать.

Долго брели по заснеженным улицам, сворачивали в кривые переулки. Вася шипел на ухо товарищу:

— Драпанем! Ходи тут в темноте. На что он сдался нам, этот хромоножка?..

— Мы дали слово. Ясное дело?

Наконец Георгий Константинович тихо сказал, отирая пот с лица:

— Пришли. Хозяин избы — дедушка Терентий. Запомните!

Утопая по колено в снегу, пробрались к белой мазанке. Георгий Константинович, положив на ступеньку мешок, целиной зашагал к завалинке и постучал в закрытую ставню. Сквозь щелку ставни пробивался желтый лучик и светлым пятном лежал на плотном нетронutom снегу. Поздний гость постучал в другое окно, в третье. Наконец в сенях голос с хрипотцой:

— Кто стучит на рассвете?

— Ваш постоялец Николай Николаевич дома?

— Уехал в Херсон, но вы заходите!

— Со мной внучата.

— Места хватит...

Заскрипели половицы, щелкнула щеколда, и дверь приоткрылась.

На пороге стоял старик с керосиновой лампой. Ребята пугливо жались к Георгию Константиновичу. Непонятный разговор, глухой угол окраины, неприветливость хозяина мазанки — все настраивало тревожно. И в душе ребята пожалели, что связались с незнакомым человеком. Но отступать было поздно: старик захлопнул двери, накинул тяжелый крюк. Натыкаясь на пустые бочки, ребята старались не отставать от Георгия Константиновича.

В душевной хатке старик вывернул фитиль лампы. Стало светлее. Обхватив волосатыми руками плечи Георгия Константиновича, старик облобызал гостя и, вороша, как граблями, толстыми пальцами рыжеватую бороду, прохрипел:

— Наконец!

Хмуро оглядев мальчиков из-под нависших кустов седых бровей, распорядился:

— Чернокожие, марш умываться. Вода в ведре. Рядном вытретесь. Там воно, в сенцах.

Вася и Саша отыскиали воду и умылись кое-как. А когда вернулись в горницу, хозяин уже накрыл на стол. Насупившись, спросил:

— Бумага есть?

Саша достал потертую на сгибах справку, которую выдали чекисты. Мол, едут Александр Самойлов и Василий Новиков к родственникам в Екатеринодар. Без такой бумажки — никуда! Заштопают — и в колонию...

Хозяин, прищурившись, прочитал справку и запер ее в комод.

Саша озабоченно смотрел на Георгия Константиновича. Тот успокоил:

— Понадобится, так сразу и возьмешь. Подкрепимся, хлопцы! — Георгий Константинович приветливо улыбался, довольный встречей с однополчанином, как назвал себя хозяин.

Ели картошку с круто посоленным хлебом. Дед Терентий и Георгий Константинович пили самогон стаканами. Потом старик принес ребятам две кружки с теплым чаем. Чай был очень сладким: сахарин!

Ребят поместили в тесной каморке с рухлядью. Дед бросил старую, пахнущую овчиной шубу.

— Хату не спалите!

Он плотно прикрыл за собою дощатую дверцу. Сквозь ее щели в каморку просачивался свет, и дверь казалась разлинованной. Саша осмотрелся, примерился, как лучше лечь.

— А ничего! — определил он.

Хлопчики быстро стянули одежку и свободно растянулись на шубе. Саше хотелось верить, что именно эти люди помогут доехать до Кубани, А уж там тетку сами найдут — не маленькие! Может, школа работает. Пойдет учиться. И Васе впору — девятый год...

Длинная дорога в угольном ящике вагона, холодные часы под елью, побег из ЧК в Сидельникове, неожиданная встреча в буфете с Георгием Константиновичем — все смешалось в сознании Саши. В тепле было уютно и спокойно. Вася ровно посапывал... Среди ночи проснулся:

— Попить бы.

Растормошил Сашу. Тот протер глаза.

— Иди в сени.

— Бо-оязно...

Легкая дверка не поддавалась. Саша толкнул ее сильнее. На той стороне звякнул крючок. Ребята забарабанили в четыре кулака, пока не услышали скрипучий голос старика:

— Чого гвалт подняли?

Вася хныкал:

— Пи-ить.

Старик откинул крючок, сам проводил их в сени. Возвращаясь, Саша побежал в горницу. Под божницей сидел Георгий Константинович в нижней сорочке с засученными рукавами. В руке держал стакан с горилкой.

— Почему запираете? Что мы — шпана? — Голос Сашки звенел обидой.

Одним махом вылив стакан горилки в рот, Георгий Константинович пьяно засмеялся:

— За нашу удачу, хлопцы! Зачем, Саша, горячку пороть? Дедушка по забывчивости накинул крючок. А вы перелякались! Спать, хлопцы! — Прихрамывая и постанывая, сам проводил их до каморки.

Оставшись в темноте, Вася возбужденно зашептал товарищу на ухо:

— Убежим!

— А справка?

— Уснут, я из комода вытащу!

Саша тоже подумывал о бегстве, но сон одолевал его. Глаза закрывались.

И полетели ребята в темную пропасть...

Растолкали их, когда совсем рассвело. У Сашки голова была словно чугунная, во рту жгло. Он выпил большую кружку холодной воды. И Вася жаловался:

— Голова болит...

Старик хмыкнул в рыжую бороду:

— С похмелья!

Георгий Константинович тоже засмеялся:

— До свадьбы пройдет. Быстренько шамайте и дуйте на базар. Перемените одежду. Мои родичи, помнится, приличные были. Могут такую рвань и на порог не пустить.

Ребята чувствовали себя неважно, и Саша сердито отрезал:

— Не пойдем к приличным! Мы не просились. Собирайся, Вася!

Дед Терентий примиряюще промолвил:

— Не сердитесь, хлопчики. Может, он не так сказал, он на фронте Советы защищал, нервный. Чего же вам кипятиться?..

При дневном свете ребята увидели, что комнаты хорошо обставлены. Диван, граммофон, большое зеркало, шкаф с вырезанными фигурками и самовар никелированный...

— Добре живут, — шептал Вася, поливая на руки друга холодную воду. — А может, убежим?

Саша растирал лицо краем рядна. Он думал о том же и ответил вполголоса:

— Даст денег на одежду, а мы — на поезд!

За столом, прежде чем откусить хлеба, Терентий широко перекрестился. Велел делать то же и хлопцам. А Васю никто никогда не учил креститься. Он растерянно оглядывал товарища. Тогда Георгий Константинович взял его руку, сложил три пальчика вместе и перекрестил:

— Вот как надо!

Саша поднялся и, глядя на старика с вызовом, бросил:

— Я не верю в бога! Ясно? И креститься не стану!

Терентий даже поперхнулся. Глаза под седыми бровями сузились, и он поднял руку для удара. Саша отпрянул.

— Не имеете права!

— Не трожь Сашу! — закричал Вася, становясь рядом с товарищем.

Старик затрясся, замахал руками:

— Нехристи!

Георгий Константинович взял старика за плечи.

— Полно, Терентий Сидорович! Сейчас не старый режим.

— Выпустите нас! — звенел, как туго натянутая струна, голос Саши.

Сильно припадая на раненую ногу, Георгий Константинович обошел стол.

— Обещали, ребята... Что же вы?..

И Саше стало стыдно: обидел фронтовика! Пробубнил, опустив глаза...

— А чего он...

После завтрака, прошедшего в тягостном молчании, Георгий Константинович неожиданно распорядился:

— Вася побудет дома, а Саша со стариком сходят на барахолку.

— Мы вместе! — пробовал возражать Вася.

Терентий не дал спорить:

— Больному ходить незачем!

Саша сообразил, что их нарочно разлучают. Но и в самом деле, больному лучше не ходить.

— Васек, я скоро!

С тяжелым сердцем вышел Саша за стариком. Не радовало его ни яркое солнце, ни синички, цвикающие на голых деревьях.

Купили старенькие пиджачки и брюки. И с тем вернулись. Когда ребята переоделись, Георгий Константинович опять распорядился:

— Сбегайте вот по этим адресам! Прочтешь, Саша?.. Пошел бы я, да старая рана крепко разболелась.

Ребята выполнили поручение. Их накормили и уложили спать. Саша проснулся ночью. Посмотрел в щелку. За столом сидели незнакомцы и прямо перед дверью — человек со шрамом через весь лоб. Лицо у него обветренное, нижняя губа дергалась. Говорил очень серьезно:

— У меня был гонец атамана Петлюры. Если ему верить, нашей работой заинтересовались во Франции. Нужно ожидать гайдамаков через границу. Гонцу нужны сведения...

Все наклонились к человеку со шрамом, и Саша уже ничего не слышал. Разбудил Васю. Оба снова приникли к щелям.

Гости собирались домой. Толстяк с черной повязкой на глазу вынул из брюк револьвер, зарядил его и сунул в карман пальто.

Укрывшись домотканым рядом, ребята заспорили: кто эти люди?.. Подозрения были самыми мрачными. Они решили твердо — утром удрать на вокзал. Спали долго и просыпались тяжело. Опять болела голова и хотелось пить. Сашу послали на Чечелевку за племянником Георгия Константиновича.

— А уедем на Кубань когда? — спросил Вася.

— Успеете! — оборвал его старик.

Племянником оказался рослый парень с широкой грудью и глазами навывкате. Голова бритая. Басистый и злой.

Набегавшись за день, Вася и Саша едва притронулись к еде. Но старик настойчиво угощал их чаем. Саша через силу выпил свою кружку, а Вася так и не стал пить. Запах сахара вызывал у него тошноту. Ночью его разбудил звук голосов.

В хате говорили громко:

— Берегитесь! Черный Ворон припомнит!

— Господа, не спорьте! Нужно сплоченье, а не раздоры! Вы из лесу, господин Щусь, а мы тут, изнутри, поджарим красную сволочь.

— У меня поручение центра. — Это голос Георгия Константиновича. — В Варшаве решили объединиться... Где Котовский? Узнать...

И дальше: бу-бу-бу...

Вася с ужасом понял, что они попали в какой-то тайный заговор. Как улигнуть сейчас же?.. Вася затормошил друга. Тот тяжело стонал, но не просыпался. Ущипнул за щеку — не помогло. Тогда Вася зажал нос и рот. Задыхаясь, Саша вскочил. Глаза, как у пьяного. Бормочет что-то бессвязное. Наконец он понял Васю. Странствуя по стране, ребята сталкивались с воровским миром и хорошо уяснили: бандиты не любят свидетелей. Лишний язык им ни к чему. Эти тоже могут убить...

Послышались осторожные шаги. Ребята упали под рядно. Затихли. В каморку заглянул старик. Из-за его плеча смотрел Георгий Константинович.

Саша обреченно подумал: «Конец»!

— Вставайте, хлопцы!

Растерянные и перепуганные мальчики вышли на кухню. Какие-то мужчины пили чай. Несколько чемоданов стояло в углу. В горнице слышались голоса.

— Хлопцы, дуйте на вокзал! Узнайте поезда на Кубань. Меня встретите на остановке трамвая.

— Бумагу нашу верните! — напомнил Саша.

— Само собой! — Георгий Константинович усмехнулся.

...— А мы — сюда, в ЧК. А нас не пускают. А мы обманули часового. — Саша озорно подмигнул Васильеву.

Вася, привалившись к перегородке, клевал носом.

— Сморился. — Саша свернул свою старенькую шаль, заменявшую ему шапку, подложил под голову друга. Тот блаженно сомкнул веки.

— Когда бегал с письмами, надо было сразу к нам! — упрекнул Васильев, накручивая ручку телефона. Он вызвал Семена Григорьевича Леонова.

— Васю убили бы... Я сразу понял. Ясное дело, убили бы... Я и так переживал.

Леонов в распахнутой шинели зашел в дежурку. Васильев доложил ему обо всем. Темные глаза Леонова остановились на Саше:

— А не врете?

— Ей-ей, правда!

Леонов и Васильев вышли в соседнюю комнату.

— Думаешь, правда? — спросил Леонов.

Васильев верил ребятам.

— Брать надо!

Семен Григорьевич взбил пятерней черный чубище. В душе он сомневался: уж больно все просто! Явились два беспризорника, и, пожалуйста, самый отъявленный бандит разоблачен, бери его голыми руками...

— Готовь людей, Васильев!

А вернувшись к ребятам, еще раз переспросил:

— Не обманываете? Все точно, как говорили?.. Тебе сколько лет?

Вася поддернул штанишки, шмыгнул носом и спрятался за Сашу.

— А если восемь, то и вру?..

Леонов от души расхохотался. Усы его шевелились, словно крылья черной птицы.

— А тебе сколько? — Леонов обхватил Сашу за плечи.

— Двенадцать.

— Ну, тебе и показывать дорогу!

— А я?..

Васильев взял за руку Васю:

— Пойдем запишем все! Ты лучше помнишь.

— Постой! — Леонов вынул из кармана фотографию и показал мальчикам. — Такого не встречали?..

— Нет! — Сашка упрямо мотнул головой. — Со шрамом был. С повязкой на глазу. А с усами — нет. С кривыми ногами Щусь был... А такого военного, с усами — не видел...

— Если встретишь, сразу чекистам скажи!

— Ладно.

Вася в дверях обернулся:

— Справку, Саш, выручи. И мешок...

— Ясное дело!

На операцию выехали в автомобиле. Саша, зажатый между Леоновым и шофером, не спускал глаз с дороги. Навстречу бежали угловатые сугробы и утонувшие по пояс в снегу деревья. Все это как в тумане. Сердце мальчика трепетало: скорее! Он, Саша Самойлов, захватит самого Черного Ворона!

Автомобиль круто свернул в пустынную улочку. Сашу кинуло на Леонова. Вот и последняя хатка. Дальше — белое чистое поле. Шофер покосился на Сашу:

— Ну, где?

Тот очнулся от грез и со страхом признался — все незнакомо!

Леонов тряхнул его за плечи:

— Припомни что-либо приметное!

— От базара рукой подать... казарма красная рядом...

Шофер сердито ругнулся, разворачивая машину:

— Оцэ зовсим в иншем конце!

И вновь навстречу полетели сугробы. Вот тумба, оклеенная бумагами. Саша даже подпрыгнул от радости:

— Теперь вон там!

Леонов приказал свернуть в переулок и остановиться.

— Если на стук выйдут Терентий и Георгий Константинович, то скажешь, что первый поезд на Кубань через годину, через час, — торопливо учил Леонов мальчика. — Потому и торопился. А потом, мол, поезд через сутки. Вася остался на вокзале, очередь держит. Ну, а как мы войдем, крой в чека.

— Ясное дело, в чека. — Саше и страшно, и любопытно.

Оперативники окружили мазанку Терентия. Света не было.

«Неужели упустили? — казнился Леонов. — А если парнишки нас дурачат? Что с них возьмешь?»

Саша тоже переживал: «Если убежали бандиты, могут встретить и убить! И справка пропадет...»

— Давай, Саша! — Леонов подтолкнул легонько парнишку.

Стучать пришлось долго. Отозвался дед. Саша выпалил одним духом заученное. Зубы выстукивали чечетку.

Терентий подозрительно спросил:

— Чего пыхтишь?

— Бежал очень, — не растерялся Саша.

В сенях послышалось шушуканье. Но дверь не отпирали.

Затем вкрадчивые шаги. Старик уточнил:

— Ты еще здесь?

— Здеся! — Саша весь дрожал.

За его спиной сдержанно дышал Леонов. Саша плачущим голосом спросил:

— Что же нам с Васей делать?

— О, черт, заходи!

Звякнула щеколда. Упал тяжелый крюк. Чекисты рванули дверь.

Саша отпрыгнул в сторону и, скатившись с крыльца, угодил в сугроб.

— Ах, гаденыш! — Из сеней выстрелили.

Леонов метнул в хату бомбу. Вспышка. Гром.

Саша — за ворота!

В усадьбе зачастили выстрелы. Кто-то хрипел в снегу. Трещали ставни.

Саша мчался по темным улочкам. На этот раз часовой у

«Астории» не задержал его. Сам открыл дверь.

— Давай, шкет!

Вася кинулся к другу.

— Поймали?..

— Ясное дело!

— А бумагу достал?

И Саша только тут опомнился: «Эх, совсем забыл!» И Леонову не сказал... Он старательно снял шаль. Почему-то навернулись слезы.

Саше попался на глаза портрет Ленина. В прищуре добрых глаз мальчику почудилось одобрение: «Ничего, брат, бывает!»

...Тетка схватила Васю в объятия. Тискает, целует, в глаза заглядывает. И Саше руку жмет. А сад вокруг — красота! Хочешь — груши, сливы — пожалуйста! Яблоки висят — ветки до самой земли нагнулись. А тетка опять обнимает, за плечо трясет — радуется!..

— Вставай, Вася!

Мальчик рывком подхватился. Ошалело озирался. Над ним склонился Леонов, придерживая забинтованную руку. «А где же тетка с яблоками?..» Сквозь окно сочился рассвет. Саша стоит, протирая глаза. Мальчики покорно поплелись за чекистом.

В дежурке за перегородкой сидел связанный Терентий. Глаз заплаыл. На подбородке кровь. Рыжая борода всклокочена.

— Гаденыши! — шипел старик, трясая головой и пытаясь высвободить руки. — Кишки из вас вывернуть! Живых сжечь!

— Замолчи! — Васильев надвинулся на бандита.

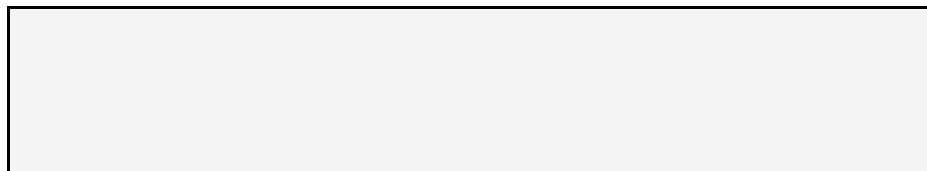
Ребята переполошились, они не видели Георгия Константиновича и его «племянника». Не было среди арестованных и человека с косым шрамом, и колченогого Щуся. И военного с черной повязкой.

В углу что-то горбилось, прикрытое рядом в темных пятнах. Рядно ребятам знакомое, из стариковской каморки.

Леонов со свежей перевязкой на руке расхаживал по комнате. Он позвал Сашу в угол, здоровой рукой откинул рядно:

— Который «племянник»?

Парнишка содрогнулся, увидя бездыханного Георгия Константиновича. Рядом распластался широкогрудый «племянник» с окровавленной бритой головой.

Зажав рукой рот, Саша указал на широкогрудого:

— Племя-анник...

Когда арестованных увели на допрос, Васильев с сожалением сказал:

— Припоздали маленько. Убежали важные птицы. И Щусь, и Черный Ворон. И тот, с косым шрамом. Громов давно охотился за ними. И вот снова ушли...

— Виноватый я перед чекистами, — пробурчал Саша, не поднимая головы. — Плутал долго...

— Ничего, ребята! Вы и так хорошо помогли...

Мальчиков забрал к себе Леонов. По дороге они завернули к знакомому парикмахеру.

— Под нулевку, Тарас!

Головам стало легче. Только холоднее. Но шагают малыши бодро, норовя попасть в ногу с Леоновым. А тот морщится: рука болит. Это в перестрелке, пулей.

Попали и на Озерки. Спекулянты кинулись врассыпную, издали завидя высокого «Цыгана» в шинели и с черной краснойверхой кубанкой на голове.

— Що пан мае купать? — подкатился к чекисту седобородый еврей.

— Вот на них.

В два счета на прилавке оказался ворох — штанишки, рубашки, пальтишки подновленные, картузы и лохматые ушанки. Леонов почесал затылок: дорого все!

— Уступлю пану командиру. Такие гарные сыночки!..

А в домике, где квартировал Леонов, хозяйка вскипятила казан воды и принялась мыть хлопчиков.

— И на що здались оци голодранци? — ворчала она.

— За их жизнь бьемся, Хивря Панасовна.

Леонов понимал, что в такое горячее время, когда каждый час идет бой с врагами молодой республики, ему не дано воспитывать мальчиков. Через ЧК он запросил екатеринодарских друзей о Васиной тетке. Пока же Васю и Сашу решили поместить в школу-коммуну...

Накануне отъезда сидели втроем в комнате. Семен Григорьевич рассказывал хлопчикам о том, как служил он под началом Семена Михайловича Буденного, как рубились в лихих атаках.

— А Ленина вы видели? — вдруг спросил Саша.

Леонов поправил на перевязи раненую руку и поспешно ответил:

— Нет, брат, не пришлось. Буденного видел. Калинина пришлось охранять. Приезжал он в Конную армию. А Ленина... не пришлось.

— А Георгий Константинович видел. Как нас с вами, вот как Ленина видел. Пропуск держал в руке...

Леонов бросил пятерню в черный чуб и зло сказал:

— Набрехал вам тот паскуда! И не Георгий Константинович он, а Николай Николаевич Швецов. И не красный фронтовик, а врангелевский белый офицер. А тот дед Терентий — вахмистр царской армии, погромщик. Враги наши! Такие подорвали склад в Москве. И радиостанцию. Ту, по которой товарищ Ленин с народами разговаривал. Советскую власть душат сволочи! А все его «братья» и «племянники» — тоже офицерье. Вас они сделали связными, а чтобы крепче спали ночью и ничего не слышали, в

чай подсыпали порошки. То-то и головы ваши трещали...

Утром Леонов встал пораньше, чтобы накормить ребят перед поездкой. Прокрался к ним. Постель пуста. На столе бумажка. Печатными буквами написано:

«Извиняйте, дядя Семен. Мы ушли. Выследим Щуся и Ворона. И вам сообщим!»

Симон Петлюра, выброшенный народом за пределы Украины, обосновался в Тернове, назвал себя главой «Правительства возвращения на Украину» и сошелся в Польше с Борисом Савинковым. Семнадцатого июня 1921 года польская дефензива созвала в Варшаве главарей белогвардейского и националистического отребья и по указке французской военной миссии потребовала усилить подрывную работу на Украине.

Тогда же Юрко Тютюник назначается командующим повстанческой армией Украины. Это ближайший помощник самого Петлюры. Националистическая рвань была стянута из Румынии и Польши к советско-польской границе.

Специальный отряд отборных петлюровцев намерен вести к Днепру полковник Михаил Палий. Под его начало собрано свыше 900 гайдамаков. Это ударная сила повстанческой армии.

Петлюра и его польские и французские хозяева надеялись использовать в боях как свою активную силу банды Черного Ворона и других атаманов и атаманчиков. Известный авантюрист Борис Савинков передал в подчинение повстанческому штабу своих затаившихся приспешников на всей Советской Украине.

Мы с большим вниманием выслушали информацию Платонова. Банды Черного Ворона окопались у нас под боком и постоянно угрожали железным дорогам.

— Кончать надо с этим Черным Вороном! Уже снюхался с контрреволюционерами политическими. Единый фронт пытаются создать. К нему стекаются недобитые офицеры. — Леонов сообщил данные, собранные разведчиками: Платона Нечитайло видели в банде генерала Шкуро. Большелобый, с вывернутыми губами, с толстой короткой шеей, он отличался звериной жестокостью. Это Нечитайло выжигал папиросой пятиконечные звезды на телах пленных красноармейцев.

После разгрома Шкуро помещик Нечитайло тайком переметнулся к Петлюре. Когда и этого атамана разбили, сотник Нечитайло сколотил ватагу в три сотни сабель и засел в густых лесах на юге Украины.

Банда имела крепких коней, исправные тачанки, пользовалась поддержкой у зажиточной части селян. За свое

коварство и жестокость Платон Нечитайло получил кличку Черный Ворон.

— Нужно срочно прозреть! — говорил Платонов.

За этим «прозреть» — так много опасного и настойчивого труда чекистов. Узнать, кто, где, когда орудует против нас. Кто активен, кто пособник, где снабжаются бандиты продуктами, где получают фураж, кто дает свежих лошадей, где тропки грабительские...

Для уничтожения Черного Ворона была снаряжена чекистско-войсковая группа под руководством Леонова. К месту предполагаемой операции подтянули истребительный отряд Екатеринославской губчека. А в села были засланы разведчики.

Нам с Васильевым и молодым чекистом Петром Носко досталось крупное село Ямное. Люди неприветливые. Чужих принимают с опаской. Набивались ремонтировать машины: сеялки, плуги, бороны, веялки, ветряки. Чинили крыши, заборы, амбары, клуны. Объявлялись криничниками — чистили колодцы...

Так и набрали на усадьбу Фомы Скибы. Хозяин сидел под навесом и осторожно выгибал тонкую трубку в кольца. «Самогонный аппарат!» — определил я, вспомнив Пономаренко из Полог.

— Робы-ить желаете, кацапы? — Губа, рассеченная, как у зайца, растянулась в хитрой усмешке, открыв редкие зубы. Выгоревшие брови скособочились. Он отложил змеевик и встал — сажень добрая!

— Вы, часом, не шпиёны? Бо кликну голову сильрады!..

— Иди ты... знаешь куда? — Носко закинул за плечи мешок и шагнул к воротам. Скиба хлопнул себя по бедрам.

— Ото люды пошли! Як тот порох. Слова не скажи. Почекайте, хлопцы. Веялку почините, чи ни?..

Скиба обрадовался, что мастера не торговались. Но в его глазах я читал обиду: добро побиться бы, как в старину, по рукам хлопать, божиться и расходиться и опять — по рукам!

Хозяин отвел нас в клуню на солому. Носко запел:

Ой у лузи та ще й при дорози...

В прогалах крыши мигали звезды. Где-то тарахтела запоздалая телега. Поскрипывал колодезный журавль. А песня несла нас в луга, на шлях, где цвела калина и страдала молодая дивчина.

На песню завернул хозяин. Тихонько присел и стал подпевать чистым тенорком.

Носко вдруг оборвал мелодию.

— Так бы петь да петь...

Скиба завалился на солому и промолвил:

— Чого вам блукать? Женитесь в Ямном и живите в свое удовольствие.

— А какое оно, свое удовольствие? — спросил Васильев.

— Хата своя... Земля своя... Садок та гарна жинка...

— И все? — удивился я.

— Ще горилка та шматок сала...

— А мне хочется посмотреть все — и горы, и море, и города большие... Добрых, умных людей послушать, — заговорил Носко.

— Тю, дурень! Нема добрых — кожен собі тягне. Ты не утягнешь, другой скапае, а тобі — дудка! Слухай, хлопец, чого спytaю. Кажуть, большевики продали Польше нашу Захидну Украину?

— Брешуть, — нехотя отозвался Носко.

Под утро в сарае заржал жеребец и прохрустел старый тын. Васильев выглянул из клуни. От сарая к заплоту двигались две тени. Высокий человек передал что-то другому. Явственно слышалось бульканье.

— Легонько!

По голосу я признал хозяина.

— Бу-ув-вай! — заикаясь попрощался ночной гость. П-поезжай к Волчьей Яме. Не оп-паздывай...

— Жбанчик не потеряй! — наказывал Скиба.

А через полчаса он, запряг жеребца и уехал.

Что делать? Скиба связан с Черным Вороном. И заика — это связной. Решили следить за усадьбой.

Утром воробьи подняли такой гвалт и драку, что мы проснулись. Фома ходил по двору, выпроваживая скотину на пастбище. Мы с Васильевым поплескали воды на руки и вытерлись подолами. А Носко скинул рубаху и окатился до пояса. Дотошный Вася уже оглядел жеребца и, словно невзначай, заметил:

— Плохой ты хозяин, Фома!

— А чого?

— У жеребца бока опали, будто бы сто верст отмахал...

Скиба растерянно стянул белесые брови к переносице. Заячья губа подрагивала:

— Ну и глаз! Ты часом не козак?

— С конем имел дело...

К обеду веялка работала как новая. Хозяин, довольный ремонтом, позвал жинку:

— Слухай сюды! — и выразительно щелкнул себя по горлу.

На столе появилась бутылка первача. Мы не отказывались. «Где горилка — там может быть и бандит!» — научила нас жизнь. После третьей кружки Скиба заоткровенничал:

— Давлю оцю слезу, а у самого печенка гниет. Хлеба дюже мало. А он — подавай горилки — и никаких.

— Кто он? — быстро спросил я.

— А казали — не шпии-оны! — Фома расхохотался во все горло, оглядывая нас победно.

— Пошли, Петро, от этого трепача!

Васильев вылез из-за стола и стал собирать свою котомку Я — за ним.

— Ото горячка! Я пошутковал. — Скиба подхватился и сильными руками усадил Васильева за стол. Меня толкнул на табуретку. Он изрядно захмелел.

— Воны без грошей машину починили. А ти лесовики що? Тильки грозят: убьем! Скиба плюе на Ворона! Хоть зараз пойду в чека!..

Бахвальство пьяного могло испортить дело: вдруг за стеной бандитский агент!

— Тише, Фома! У тебя жинка та диты. Усадьба гарна. А бандюки дознаются... — Носко обнял Скибу за плечи.

Тот отбросил его руку:

— Та годи тобі! Що ты разумеешь, недотепа? Топора не маешь — пло-о-отник! Попробуй не дать горилки. Зничтожит!..

Носко тем временем взял деревянную лопату и куском угля набросал на дереве портрет хозяина. Скиба изумленно глядел на него. Потом заорал:

— Горпына, подывись! Мов живой. Ото чертяка тобі в горянку! А если на бумаге? Дорого визьмешь?

— За так намалюю.

— Горпына, давай!

Вскоре на листе желтой оберточной бумаги появился портрет Скибы. Хозяин, размахивая руками, выкладывал душу:

— Сам батько пользуется моим самогоном. А боюсь його! Був такий Гудыменко. Перебежал к чекистам. Трошки его обидели. Добре, що свой человек Ворона известил. Красные в курень — пусто! Ха-ха-ха! Батько к расстрелу приговорил Гудыменко. А может, и повесит, де попадется...

Под яблоней в саду уложили спать хозяина. Поздно ночью я добрался до штаба Леонова и доложил о разговоре.

— Проследите связного. Скибу не трогайте. Надо использовать его в наших целях. Как там Носко?..

Леонов особенно тепло относился к Петру.

— Покончим с бандитами и пошлем тебя, Петро, музыке

учиться, — не раз говорил он Носко.

Петя стеснительно краснел, отмалчивался. В ЧК было решено: после операции послать его в Харьковскую консерваторию!

И вот мы вновь в хате Скибы. Вечеряем. Хозяин мрачен: горилка не удалась!

Вдруг на улице конский топот. Громкие крики; В хату Фомы постучали:

— Видчиняй!

Скиба перетрусил: каганец дергался в его руках! А если кто донес про его бахвальство? Может, оци мастеровые от батька?..

— Принимай гостей, Хома! — Порог переступил колченогий Щусь. Притопывая на вывернутых пятках, уставился на нас.

— А оцэ хто такие?..

— Мастеровые... плуги налаживают... — Скиба услужливо подставил табуретку. А в хату вваливались все новые селяне — в брылях, самотканых свитках — и все с оружием.

— Геть! — Махнул плеткой Щусь. И нас оттерли в сени.

— Беги, Петро, к Леонову! — шепнул Васильев Носко.

И тому удалось улизнуть из усадьбы. А нас посадили на пол. Бандиты по очереди караулили. Из горницы доносилось:

— Горилки!

В хате накурили. Воняло самогонкой и конским потом. Каганец вот-вот угаснет. Мы с тревогой нарастающей ждали: успеет ли Носко?..

— Горилки! — Щусь стучал кулаком по столу.

— Немае, пан атаман! — Скиба пугливо развел руками. Заячья губа дрожала.

— Як нема? Ты кому такэ кажеш? — Щусь со всего размаху ударил Скибу плеткой. — Дайте ему грошей!

Подручный Щуся, толстый бандит с перебитым носом, положил на стол несколько желтоватых бумажек. Я узнал их — то были деньги, которые печатались у Нестора Махно.

— Темно, где же ее купить? — плакал Фома. — Ночь кругом.

— Хлопцы, посветите пану Скибе! — Щусь пьяно захохотал и снова пустил в ход плетку.

В мгновение ока бандиты запалили хлев, где стояла скотина. Заревели коровы и телята. Испуганно ржал жеребец.

Скиба кинулся было отворять ворота, но налетчики не пустили его.

— Ратуйте! — голосила Горпына, мечась по двору. Бандиты подбрасывали солому в огонь. Васильев не вытерпел: в два прыжка очутился у ворот, выдернул засов.

— Стой, хвороба тоби в горло! — Щусь стрелял в воздух.

Васильев распахнул ворота, прикрыв голову попоной, нырнул в дым. На ощупь добрался до стойла. Падали горящие доски. Конь храпел, задыхаясь в чаду. Ухватив его за гриву, Васильев потащил к выходу. За воротами дико закричал:

— Воды-иии!!!

Даже бандиты покорились его приказу: окатили из ведра холодной водой. Жеребца увели подальше от огня. Щусь, косолапо ступая, облапил чекиста:

— Гайда до моего куреня!

— Нема часу, жениться приспичило, — отшутился Васильев, прикрывая глаза, чтобы не выдать своей ненависти к бандиту. Воспользовавшись суматохой, я отошел в темноту, надеясь добежать до наших.

Во двор Скибы пьяные налетчики втащили мальчишек. У меня замерло сердце: Саша и Вася!

— Кто такие? — Щусь, раскачиваясь, играл плеткой.

— Беженцы... хлебушка просили, — сквозь слезы отвечал Саша. Вася ревел всюю:

— Ногами... дерутся...

— Кто обижает сирот?

Заговорил мужик в немецком мундире:

— Пан сотник, воны биля тачанок шастали. Мабуть, красные подослали.

Щусь без слов ударил Сашу плеткой со всей руки. Парнишка волчком завертелся и завыл от боли. Главарь снова замахнулся, но Васильев перехватил его руку:

— Не тронь!

Окружающие застыли в изумлении: перечить Щусю! Но главарь опустил руку:

— Люблю смелых!

Ребятишки юркнули в темноту. Кто-то свистнул. Другой заулюлюкал. А Щусь, вяло усмехаясь, сказал:

— Смелых взять! Под стражу! Всыпать по двадцать пять горчих!

Васильев расшвырял налетчиков. Они растерялись. За горящим сараем он увидел оседланную лошадь. С ходу — ногу в стремя! Жеребец вздыбился, бросился в сторону и понесся. Сзади стреляли. Васильев припал к гриве — ветер засвистел в ушах.

На звуки стрельбы и сполохи пожара прибежали другие налетчики, шнырявшие по Ямному. Верзила с шеей борца и кулачищами боксера отыскал Щуся, козырнул:

— Пан атаман, красного поймали!

— Давай сюда!

Вот он показался в багровом свете пожара. Я замер.

Привязанный, вслед за лошадей бежал избитый Носко. Вблизи огня лошадь захрапела, остановилась. Моя рука сама потянулась к нагану. Но чего-либо предпринять не успел. Щусь, нагнув пьяную голову как разъяренный бык, приблизился к Носко и выстрелил через карман: махновский почерк! Петя согнулся, повернул голову, обвел тоскующим взглядом толпу и, не встретив сочувствия, выдохнул:

— С-сволочи!

За селом темное небо прорезала красная ракета, оставляя меркнувший кривой след. Ударили глухие выстрелы.

— Спо-о-оло-ох!

Я выстрелил в Щуся. Промажнулся. Какой-то бандит наотмашь полоснул меня шашкой, но попал по револьверу...

В усадьбу ворвались наши. Спешились. Стянули буденовки, кепки, шапки. Молча столпились у трупов Носко.

Петю уложили на попону, прикрыли вышитым рушником. Его подала хозяйка.

В Ямном на солнечном пригорке с воинскими почестями схоронили Петра Носко.

Через неделю я с Васильевым и Гудыменко, заменившим Носко, поздним вечером заглянули к Скибе. Встретил он нас мрачнее тучи.

— Лихо! Вчера сам набежал. Опять меня били. Ты, товарищ Васильев, убежал на жеребце самого Щуся. Они моего забрали. Теперь во дворе никакой скотины. Детишки ревут. Горпына при смерти...

— Ты нам поможешь, а мы — тебе, — сказал Васильев.

Он знал, что всю агентуру Черного Ворона, выявленную разведчиками, чекисты обезвредили. Лес, где обосновались главные силы шайки, обложен — все дороги и тропки перекрыты.

В прямой бой Леонов не разрешал вступать: людей жалел. Разведчиков заставил отыскать верного проводника, который вывел бы отряд к «схрону» Черного Ворона. Вот Васильев и нацелился на заику.

— Так как же, Фома?

— Одни розмовы! — недоверчиво отозвался Скиба.

— Оставайтесь, товарищи, а я — за конем! — Васильев натянул свой поношенный картуз, хлопнул дверью.

Фома, узнав Гудыменко, все не верил, что чекисты оставили махновца живым.

Ночью Васильев привел лошадь. Узнав, что ее передают бесплатно, Скиба испугался:

— Ни-и! Скажу — купыв. Бо убьют.

— Правильно, купыв! — Гудыменко похлопал коня по гривастой шее. — Мабуть, Андрей у тебя бывает?..

— Бува... — Скиба машинально подтвердил, но спохватился:

— Який Андрей?

— Заика. Сведи с ним.

Скиба начал хитрить. На радостях собрал ужин с магарычом. А захмелев, заговорил о сокровенном:

— Вы спасли мое, а воны — спалили та забрали. Собственность мою! За такое кровью платят — так и скажу Андрею. Нехай перекаже своему Ворону. Знал бы, дэ куринь, сегодня увел бы туда чекистов. Не чипай мое! — Ось дали гроши! — Скиба пьяно захохотал, передавая мне пожелтевшие бумажки. То были махновские карбованци с забавной надписью. С одной стороны: «Анархия — мать порядка!». А на обороте четверостишьє:

«Ой, жинко, веселись,
У Махно гроши завелись.
Хто цих грошей не братыме,
Того Махно дратыме!»

Мы прочитали вслух это предупреждение и от души посмеялись.

А Васильев гнул свое:

— Познакомь с Андреем.

— Сидайте на горище и чекайте своего заику!

На чердаке хаты Скибы мы укрылись за пустыми бочками. Гудыменко, знавший замашки бандитов, предложил:

— Спать по очереди.

Ждать пришлось долго: три дня и три ночи! Бандиты, напуганные отрядом Леонова, не решались послать в село даже связного. Но вот на четвертую ночь часовой тихо разбудил всех.

Кто-то крался вдоль тына, В избе зажегся свет. Ночной пришелец скрылся в сених. Хозяин, словно на кошку, прикрикнул:

— Цыть, проклятая!

Это условный сигнал: есть!

Приготовили оружие. И через порог.

Бандит пил молоко. Обрез и кубанка на столе. Он даже головы не повернул.

— Здорово, Андрей! — Гудыменко на всякий случай обшарил карманы позднего гостя.

— Т-тебя расстрелять дд-должны. Б-ба-атько приказал.

Гудыменко старательно сложил большую дулю:

— Оцэ бачив?

Васильев начал допрос. Андрей отвечал охотно. Оказывается, его махновцы захватили насильно. Пригрозили. Он давно хочет вернуться к мирной жизни. У него под Полтавой хозяйство, молодая жена и дочурка. Черный Ворон перебазировался в лесной хутор под Знаменчей. Часть банды еще на марше. Дня через три соберутся. Тогда и напасть удобно...

— Воз-з-зьмите м-меня с собой. Или домой отп-п-равьте. Обрыдло! — просил Андрей.

Пришлось его разочаровать.

— Уйдешь из банды, когда мы скажем! Неси горилку в стан бандитов.

Васильев взял с Андрея слово сообщать обо всем чекистам, договорился о пароле и месте встречи. И связной Черного Ворона ушел в лес.

— Смотри, достанем из-под земли, если обманешь! — предупредил Васильев.

Перед решающим боем Леонов выделил группу чекистов и приказал доставить из Знаменчи патроны и гранаты.

— Махорки везите поболее! — просили курцы.

Васильев должен был встретиться с Андреем, передать новый пароль и назначить новое место встречи.

В Хористовке было холодно. Моросило. Тусклые огоньки поселка светляками помигивали в сумерках.

Чекисты подошли к вокзалу, когда там началась облава на беспризорников. Беготня, крики, плач и ругань.

Васильев увидел, как под склад, возвышающийся на сваях, нырнули два подростка. И опять он узнал Сашу и Васю. Но пока он бежал к складу, громко звал ребят, тех уже и след простыл.

Чекисты выставили охрану у вокзала, а мы с Васильевым зашли к дежурному по станции.

— Поездов в Знаменчу скоро не ожидается, — ответил дежурный на вопрос Васильева.

— А вам куда, товарищи? — в свою очередь поинтересовался хромой стрелочник.

Я шуткой прекратил расспросы:

— Состаришься скоро, если все будешь знать!

Бойцы прикорнули в тепле. К ним и мы присоединились. А в это время над нами нависла смертельная опасность.

Курень Щуся возвращался после грабежа в лесной «схрон». Тачанки пересекали железнодорожный переезд. Из будки выскочил стрелочник, захромал рядом со Щусем.

— Чекисты на вокзале. Горяченьких возьмете, пан атаман!

Как потом оказалось, стрелочник был тайным осведомителем банды Черного Ворона.

Тачанки Щуся помчались к вокзалу. На счастье чекистов, прямого пути к перрону не было, и громилы катили в объезд.

Часовой заметил их, выстрелил:

— Ба-а-анда!!!

Принимать бой было бессмысленно: семеро и сотня! Васильев быстро сообразил, куда укрыться. Он вывел товарищей к водонапорной башне.

— Давай сюда!

Двери заложили тяжелым ломом и подперли обрубком старого рельса.

— Роман, оставайся внизу! — приказал Васильев. Остальные по старой лестнице полезли наверх. Вспугнутые голуби и воробьи задевали лица. Вот и бак с водой. Роса выступила на железных стенках. В разбитые оконца видно, как бандиты выволокли на перрон дежурного. Щусь бил его плеткой. Стрелочник указал на башню. Щусь пристрелил дежурного. Всадники, махая шашками, погнали лошадей по путям к нашему укрытию.

— Огонь! — скомандовал Васильев.

Мы стреляли на выбор. Падают лошади. Свирепо кричат налетчики. Первые уже ломятся в двери. Я бросаю сверху гранату. Грохот и новые крики. Из-за станции загавкал вражеский пулемет. Пули высекали искры, попадая в железо. Посыпалась щепка из раздробленных досок. Застонал и затих боец.

— Берегите патроны! — Васильев пытался оказать помощь товарищу, но тот уже без дыхания.

Внизу грохнул взрыв: Гудыменко отбивается! Васильев посылает вниз еще двух бойцов. Один не успевает спуститься: падает, простреленный насквозь.

Мы надеемся, что в расположении отряда Леонова услышат стрельбу и выручат.

А бандиты не теряют времени: подтаскивают снеговые щиты к дверям башни, валят сено.

— Поджарят, сволочи! — кричит Гудыменко. — Бейте по тачанкам.

Но налетчики близко у стены, в мертвом пространстве, и огонь наш не причиняет им вреда. Снова бросаем гранату.

Пламя лижет крашенные доски. Дым заволок башню. Внизу надсадно кашляют ребята.

— Может, прорвемся, — предлагаю я.

Васильев возражает:

— Перещелкают! Светло как днем... Наши подспеют!.. Эх, послать бы гонца... Вовремя не сообразили...

А бандиты плотным кольцом опоясывали башню. Сухое дерево горело с треском. Огонь охватил здание со всех сторон.

Васильев сквозь оконце увидел в светлом кругу колченогого Щуся. Задрав голову, тот что-то кричал. Васильев прицелился и выстрелил. Дым плотно заволок оконце.

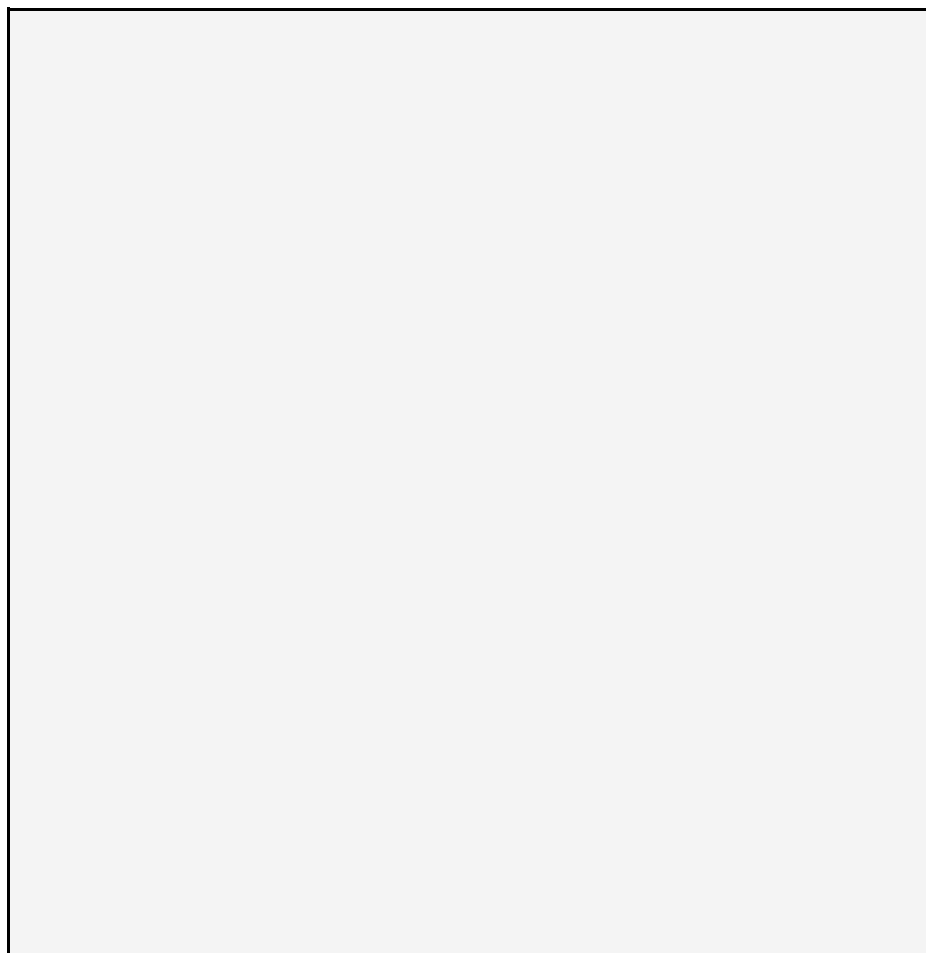
Внизу бандитам удалось сломать двери. Чубатый махновец в шапке полез по лестнице. Гудыменко сшиб его и бросил гранату. Взрывом разметало налетчиков.

На Васильеве загорелась шинель. Я плескал воду на него из чана.

Нам видно, как налетчик пытается подобраться к лестнице, прикрываясь попоной. Васильев навскидку стреляет. Бандит падает в огонь. Но другие лезут и лезут. Кажется — спасенья нет.

— Давайте руки, братцы! — громко сказал Васильев, обхватывая меня и Гудыменко за плечи. И хриплым, будто бы глубоко простуженным голосом запел:

— Это есть наш последний и решительный бой...

В ушах у меня звенело. Хриплый голос Васильева глож в
пламени и треске горящих досок. И я выдохнул вместе с дымом:

— С Интернационалом воспрянет род людской...

Гудыменко приободрился, тверже стал на ноги, крепче сжал в
руке наган и неровным фальцетом подтянул. Нам на головы
сыпались искры, падали догорающие доски. Пули бандитов
свистели вокруг. Голоса наши окрепли, звучали слитно. Но
дышать было все труднее, жар становился нестерпимым.

Гудыменко вдруг икнул и замолчал, обвиснув на наших плечах. Мы не смогли удержать его — он покатился по лестнице вниз. Бушлат его загорелся, и уже огненным факелом чекист полетел на землю.

А там, внизу, беспорядочная команда:

— На ко-о-оне-ей!!!

Васильев первым увидел мчавшихся к башне товарищей. Впереди — сам командир отряда. Шашку вертел над головой, и она сверкала сплошным кругом.

— Володя, наши...

Галдят ребята на разгоряченных конях, приплясывающих у края огня. Смотрят вверх с тревогой и ожиданием. Кто-то катит пожарную бочку с насосом. Леонов заметил нас:

— Живы-и-и!

У нас еще хватило силы накрыться мокрой шинелью Васильева и сбежать по жаркой лестнице. Упали на пороге.

Ребята вырвали нас из огня. Я очнулся лишь на тачанке, на марше. Рядом с собою признал веснушчатого Васю. Васильев ехал верхом на лошади. Голова — в бинтах. Стремя в стремя с ним — худой загорелый Сашка. О чем-то балабонят... Мне не слышно и больно — руки и голова в марлевых повязках...

На околице Хористовки отряд задержался. Леонов распорядился найти предателя и поскакал к нашей тачанке.

— Как вы, ребята, одыбали?.. Им скажите спасибо, — басил Семен Григорьевич, указывая на мальчишек, — Прямо в штаб прорвались! «Там ваших палят!» Ну, мы — сюда... Чуть не припоздали...

Горевшая башня рухнула, плеснув в темное небо фонтан искр. Бак с водой держался еще на трубах, виделся как чудовище, вдруг высунувшееся из земли грибом.

— Щусь убежал на тачанке! — с огорчением говорил Леонов. — Ты как, Васильев, сбегаешь за Андреем на условленное место?

Васильев лихо козырнул перебинтованной рукой.

— В один миг!

Лекпом стал строго отчитывать Леонова.

— Рану расшевелил, товарищ командир! Слезайте, смотреть треба!

— И кто выдумал эту медицину! — ворчал Семен Григорьевич, покидая седло.

В это время бойцы доложили, что стрелочника-предателя вытащили из погреба железнодорожного дома.

— В Екатеринослав с конвоем! — кинул Леонов, морщась от боли — лекарь обрабатывал йодом разбереженную рану на руке.

Послали гонца и в истребительный отряд губчека: настал час!

Вскоре Васильев вернулся с Андреем. Бандитский перебежчик показал на карте место стоянки Черного Ворона. Наклонившиеся над картой чекисты не заметили, как к ним в круг втиснулись мальчишки.

— Я знаю дорогу к штабу Ворона! — сказал Сашка. — И Вася знает — искали вместе. Можем провести.

Леонов переглянулся с командирами и ответил:

— Побудьте недалеко, ребята. Понадобитесь, позовем.

— Н-надо сп-пешить, а т-то Щусь п-подымет т-тревогу, — с беспокойством говорит заика.

У меня кружилась голова, нестерпимо болело обгоревшее лицо, но я попросил Леонова оставить меня в строю.

— Давай на тачанке! Возьми карабин, — разрешил он.

— По ко-о-оня-а-ам! Ма-арш!

Взметнулись эскадроны, покидая Хористовку. Перед лесом разделились: одну группу повел Андрей, а впереди другой, рядом с командиром отряда — Саша и его друг Вася.

В помощь чекистам к Знаменче вышел бронепоезд с десантом. С севера в поход против шайки Черного Ворона тронулся отряд Попруги.

Незаметными тропами и малоезженными проселками вели проводники чекистов. На рассвете бесшумно окружили делянку леса, где отаборилась банда Нечитайло. В предутреннем тумане мерцали полупотухшие востры. В кустарнике чернели тачанки и лошади. Нахохлившись, как истукан, замер часовой.

Леонов отобрал добровольцев, и они за Андреем гуськом потянулись к отдельно стоявшей хатке без крыши. Там располагался вражеский штаб.

— Кто идэ? — издали окликнул часовой, щелкая затвором.

— Свои, чи не бачишь? — Андрей назвал пароль.

А у костров уже вскочили люди, хватали оружие. Кто-то выстрелил. В лагере тревога:

— Спо-о-оло-о-ох!!!

— Щусь убегает, — затормошил меня Вася. — Вон он! Ловите-е! — закричал он тоненько.

Колченогий сотник, нахлестывая лошадь, уже скрывался за деревьями.

— В кусты шмыгнул! Окружайте! Держите Щуся!

Я стрелял вслед бандитскому атаману, но в рассветной дымке промазал.

За штабной хатой ярко вспыхнул костер. На крыльце появился Платон Нечитайло в белом исподнем. Растирая свою бычью короткую шею, громко зыкнул:

— Не паниковать! Отходи в лес! Тачанки к бо-ою!

В свете большого костра он узнал Леонова и тем же зычным пропитым голосом приказал:

— Бей Цыгана!

Один из бандитов упал за пулемет, что стоял на крыльце. Стая хищных пуль просвистела над головой Леонова. Сверху посыпались ветки, срезанные очередью. Рыльце пулемета, пламенея, склонилось ниже. Леонов метнул на крыльцо гранату и укрылся за толстым деревом. Но и после взрыва гранаты пулемет остервенело рвал лесную дымку.

Васильев вьюном прополз к крыльцу и в упор пристрелил пулеметчика.

По всему лесу шел бой. Бандиты отбивались ожесточенно. Но кольцо чекистов в этот раз не разомкнулось.

Уже утром, при солнце, затихли выстрелы. Нечитайло нашли в чаще. Рядом валялся наган с пустым барабаном. На вывернутых губах ползали муравьи. На виске зияла рана: Черный Ворон сам застрелился.

Леонов придирчиво осматривал убитых: искал человека со шрамом и лазутчика Войтовича.

— Ну, вот что, хлопчики, теперь от меня вам не сбежать, — сказал парнишкам Леонов, когда отряд вернулся в Сечереченск. — Товарищ Васильев, вам поручаю доставить Васю Новикова и Сашу Самойлова в школу-коммуну. Об исполнении доложить через трое суток! Смотрите, они ловкие, убегут.

— Будет исполнено! — с теплой улыбкой ответил Василий Михайлович.

— Все равно убежим! — Саша озорно поглядывал на Леонова. — К тетке укатим, на Кубань...

Леонов не мог сказать мальчишкам, что деникинцы убили Васину тетку, язык не поворачивался. И он, быть может, впервые в жизни сказал неправду:

— Наши ребята из Екатеринодара сообщили, что Васина тетка выехала куда-то. Нет ее на месте!

Потом обнял Сашу, поцеловал. Вася сам обхватил его шею тонкими руками, прижался.

Васильев и ребята вышли. Леонов смотрел в окно, пока они не скрылись за поворотом.

ГОСТЬ ИЗ-ЗА КОРДОНА

Поздняя ночь июля. Пассажирский поезд, разметая прожектором теплую темноту, будит степную тишину, грохочет в перелесках.

Слабо освещенные вагоны скрипели жалобно, и люди в них не спали. Каждый цепко держался за свой скарб и с тревогой прислушивался: не стреляют ли?..

И седьмой вагон был полон ожидания. Из темного угла среднего купе выдвинулся мужчина в военном кителе. Блеклый свет свечного фонаря упал на небритые щеки и бороду.

— Сечереченск скоро?

— А кто ж его знает, — лениво отозвался дядько в мерлушковой шапке набекрень. Сладко позевывая во весь рот, в свою очередь спросил: — А вы, мабуть, в Долгушино сели?

Мужчина не отозвался и вновь отодвинулся в тень. Вскоре оттуда послышался храп крепко спящего человека.

В этом одесском пассажирском поезде службу нес оперативный уполномоченный ЧК Вася Васильев. Вместе с ревизором он обходил вагоны и присматривался к едущим. В седьмом вагоне, осветив фонарем среднее купе, Васильев обратил внимание на мужчину в военном кителе. Жесткие настороженные глаза. Правое ухо чуть больше левого, светлые волосы. Оперативник сразу даже не поверил: приметы Войтовича!

Не выдавая себя, Василий Михайлович лихорадочно соображал: «Документы в полном порядке. Какой повод задержания?.. А вдруг ошибся?.. Ведь это так просто!..»

Равнодушно вернув мандат подозреваемому, оперативник перешел в соседнее купе. А у самого сердце рвалось из груди: рядом шпион! Из документов явствовало, что Пашенко Борис Федорович, демобилизовавшись из Красной Армии по ранению в ногу, работает в паровозном депо Долгушино и командирован в Сечереченск по делам службы...

На первой же остановке Васильев послал в дорожный отдел ЧК заранее обусловленную телеграмму:

«Встречайте поезд 74 вагон 7 Захаров».

И тотчас вернулся в седьмой вагон. В тамбуре закурил, издали наблюдая за Войтовичем. Тот клевал носом, прижав к груди холщовую сумку.

За окнами мелькали одиночные огоньки. Вырисовывались темные громады заводских корпусов.

Дядько в мерлушковой шапке тронул соседа за плечо. Тот отшатнулся и схватился за карман. Хохол добродушно рассмеялся:

— Чого злякався? Жулье чекисты переловили. Кажу, Сечереченск ось вин!

— Благодарю. Дякую... Приснилось что-то несуразное, — хрипло отозвался мужчина и направился к выходу. Он втерся в толпу, пропал из виду.

— Упустил! — ахнул Васильев, работая локтями. На перроне его встретили другие оперативники.

— Где Захаров?

— Ушел... Понимаешь, на глазах... В военном кителе. С холщовой сумкой. Светлые волосы. Правое ухо больше левого. Прихрамывает...

— И звать его Войтович! — гневно прошептал Никандр Фисюненко. — Это всем давно известно! Где он?..

Оперативники кинулись в толпу, торопясь занять выходы на перрон. А Васильев с тяжелой думкой и виноватой головой пошел докладывать Леонову.

— Значит, засомневался? — Семен Григорьевич был рассержен.

Васильев, опустив руки по швам, оправдывался:

— В полутьме мог ошибиться... Напрасно задержал бы...

В комнату вошел Бижевич, услышал разговор и во весь голос промолвил:

— Есть подозрение — бери! Ты революцию бережешь! Враг не церемонится — бьет в сердце и крышка!

— Стоп, Юзеф Леопольдович! Мы не жандармы. «Тащить и не пущать!» — это не для бойцов революции. — Ну-ка, заказывай Долгушино. Узнаем про Пашенко...

Вскоре на проводе отозвался Морозов, Леонов расспросил его о делах на железнодорожном узле и попросил:

— Тима, проверь-ка, пожалуйста, кто и куда посылал из паровозного депо слесаря Пашенко Бориса Федоровича. Слышишь, срочно!..

Бросив трубку телефона, Семен Григорьевич хлопнул Васильева по плечу:

— Айда спать! Утро вечера мудренее...

В поисках лазутчика чекисты Сечереченска сбились с ног: как в воду канул! Издергались ребята, одурели от недосыпания и долгого напряжения. Наконец поступил приказ:

— Отдыхать! Сутки не являться в «Асторию»!

Отоспавшись и отъевшись досыта, я договорился встретиться с Нюсей Лебедевой, телефонисткой ЧК, дочкой того самого машиниста Ивана Лебедева, которого расстреляли махновцы. Но ее срочно вызвали на работу, и я один спустился на пляж.

Берег был почти пустынен — день будний, люди заняты. Отыскал я Леонова и Зеликмана на песке под обрывом. В воде

дурачились Васильев и Фисюненко.

Люблю до сих пор плавать в реке! Отплывешь сажень на десять, перевернешься на спину и отдашься течению. Небо кажется глубоким-глубоким — голубизна бездонна... Через час я вылез из воды и жадно закурил.

Леонов сердито отодвинулся:

— Брось чадить, Громов! Когда Христофор Колумб привез в Европу табак, то курящих его преследовали по закону. В Швейцарии ставили к позорному столбу. А в Англии — геть из страны!..

— А мы давайте Володю лупить крапивой по голой... — Васильев вырвал из моих губ папиросу и бросил в реку.

— Правильно! Пусть страдает место ниже спины, чем сердце. Здоровое сердце за сутки перекачивает почти 400 пудов крови! — отозвался Иосиф Зеликман. Он вернулся из тайной поездки в Крым. Исхудал. Загорел. Но, по обыкновению своему, весел и общителен.

— Ну и загнул! — Васильев схватил Иосю за ноги и потащил по песку в воду.

— Эй, Васильев! — окликнул его Никандр Фисюненко. — Слышал, твой тезка два раза женился.

Василий Михайлович бросил Зеликмана и оторопело уставился на товарища.

— Какой тезка?

— Не притворяйся! Из Шуи. Который имел восемьдесят семь детей.

Васильев даже присел. И все мы непонимающе смотрели на Никандра. Зеликман, отряхивая капли с рыжих волос, сказал серьезно:

— Брось заливать!

— Ничего не заливаю. — Фисюненко перечислял: — Первая жена Васильева родила двадцать семь раз. Четыре раза — по четверо, семь раз — по трое и шестнадцать раз — по двое. А всего — шестьдесят девять ребятишек народила!

— Ай да Васильев! — Леонов хохотал, обхватив свои острые колени. — Что ж ты, друг, от ЧК ховаешь свою биографию?

А Фисюненко не унимался:

— Вторая жена Васильева родила два раза по три и шесть раз — по два. Когда мужику исполнилось семьдесят пять лет, то в живых у него было восемьдесят три потомка! Не считая внуков и правнуков!

— Да где же тот Васильев? — спросил Зеликман.

— Спросите Васю. Он скрывает, что в Шуе...

— А когда?

— Старик родился на два года раньше Пушкина.

— Во, чертяка! — восхищенно смеялся Леонов.

А Василий Михайлович уже освоился и серьезно подтвердил:

— Васильевы, они такие! И откуда это у тебя все? — спросил он.

— Из энциклопедии, — ответил Фисюненко. — Полезная книга.

Вскоре я увидел мужчину с костылем, спускавшегося на песок по крутой тропе. Васильев вдруг замахал руками:

— Да-ва-а-ай к нам!

Пока инвалид осторожно пробирался по спуску, Васильев объяснил нам:

— Дворником служит. Хороший хлопец. В Петрограде оставил ногу, когда Зимний брал. Матрос с «Авроры»...

— Тебе, Вася, весь город знаком! — восхитился Зеликман.

— На том стоим!

А Леонов тем временем саженными бросками плыл по Днепру. Бронзовое тело его с каждым гребком вылетало на добрую половину из воды. Сильные плечи лоснились. Он по-мальчишески покрикивал:

— Эге-е-ей! Ух!

Вернувшись к нам, он упал на горячий песок и, блаженно щуря глаза, порадовался:

— Здорово это придумал Платонов — сутки отдыха! Так всю жизнь бы... Эх, братцы!..

Безногий мужчина тяжело опустился рядом на песок. Лицо загорелое, в оспинках, потное. Темные медлительные глаза — с веселинкой. Он тотчас начал отчитывать Васильева:

— Чого не заглядываешь?.. Жилец новый есть. Мне пара — прихрамывает здорово. Познакомлю — компанейский хлопец... К Зойке Рыжей похаживает...

Васильев переглянулся с Леоновым и весь потянулся к дворнику.

— У кого прижился?

— Иногда ночует у кухарки генеральской. Что все рукавички вяжет. Помнишь?.. Постоянно якорь еще не бросил — дрейфует. Молодой, интересный...

Леонов взбил черный чуб и стал поспешно натягивать одежду. Васильев хитровато прищурил глаз.

— А как же сутки, Семен Григорьевич?..

— Громов, Зеликман — за мною! — распорядился Леонов, взираясь по крутому подъему.

Дворник понимающе смотрел на нас, отвязывал деревяшку от культи. Васильев хотел помочь ему. Морячок отстранил руку

чекиста, ловко стянул тельняшку и, прыгая на одной ноге, вбежал в реку, упал на живот, ухнул и поплыл саженками...

...В садочке возле «Астории» на скамейке сидела Зоя. Чуток под хмельком. Нос густо напудрен. В глубоком вырезе кофты открывались пухлые груди. Увидев Леонова, поднялась навстречу.

— Гражданин начальник! — начала она. — Я женщина честная и не люблю штучек фраеров. Дело у меня к вам.

Семен Григорьевич проводил ее в свой кабинет.

— Садитесь, Зоя Викторовна. Что такое случилось?..

— Свои рубли я зарабатываю честно, — продолжала Зоя, усаживаясь на стул. — И нечего за мною следить! Смотрю, филер за углом. А ко мне в гости фронтовик. Такой беленький, ужась. А я, извиняйте, не могу спокойно — очень они симпатичные, беленькие... — Зойка тряхнула рыжими кудерками. — А ваш филер торчит. Какое удовольствие?.. Так что, гражданин чекист, не нужно аплодисментов!

— Он еще придет, беленький твой?..

Зоя Викторовна кокетлива погрозила пальцем:

— Уж не ревнуете ли?

Леонов нахмурился и сухо оборвал:

— Давайте о деле, гражданка! Зачем пришли?

Женщина надула крашенные губы:

— Зойку все любят и уважают. Пусть это знают ваши филеры. Семен Григорьевич, а того, что керенки мне подсунул, куда задевали?

— Прогнали! Вы что, за этим приходили? — Леонов начинал терять терпение. — Ближе к делу!

— Так вот, гражданин чекист, зачем я пришла. Филеры, думаю, не за мною охотятся. Я птичка! Правильно думаю?.. Молчишь! Зойка понимает, что к чему! Мне хроменький беленький тоже не понравился. Понятно?.. Выпили мы. Уснули. Все по-честному. А он зубами скрыгает — мороз по коже! Страсть не люблю. И все бормочет, бормочет... Прислушалась: по-польски. Всю ночь не давал спать... Утром спрашиваю: «Ты по-польски можешь?» Всполошился: «А что?» Говорю ему: «Интересно знать». А он: «С поляками воевал. Нахватался ихних словечек». Говорю ему: «Радуйся! Поляков выгнали из Киева». А он на меня с кулаками.

Леонов положил широкую свою ладонь на плечо женщины:

— Зоя Викторовна, пусть еще придет твой беленький.

— А вы хорошо делаете, что зовете меня Викторовной. Это приятно!

— Так договорились? Ну, и сама знаешь, Викторовна: ты меня

не видела, и я тебя не слышал.

— Могила! — Зоя вынула из ридикюля зеркальце и пуховкой припудрила носик. — Зашли бы, Семен Григорьевич. Чайком побаловались бы...

— Работать тебе нужно, Зоя Викторовна. Может, подыскать? Легкую, в тепле. Советская власть полное равноправие дала...

— А я сама себе хозяйка. Что хочу, то и делаю. — Женщина поднялась, одернула короткую юбку и вышла за дверь...

«Придется обратиться в местком профсоюза. Пусть займутся ею» — думал Леонов о дальнейшей судьбе Зойки Рыжей.

В тот же день, назвавшись инспектором пожарной части, Иосиф Зеликман обошел дом № 121 по улице Карла Маркса, в центре Сечереченска. Чекист спустился и в полуподвальное помещение, где квартировала Зоя Викторовна. Пробирался к ней по узкому темному коридору, примечая повороты и выступы. Операция могла быть и ночью — вести придется! Единственное окно, выходившее во двор, было зарешечено и запылено, и свет едва сочился.

Вернувшись в ЧК, Зеликман по памяти нарисовал план дома № 121 — выходы, окна, двери, коридоры. И отнес его Платонову.

...А у Васильева в комнате сидел знакомый стрелочник, совсем лысый, в холщовой рубаше навыпуск и степенно рассказывал:

— Стою у будки, чищу стекло. Подходит хромой гражданин: «Здорово!» «Здорово!» — отвечаю. «Прикурить не найдется?» — Подаю сирныки. Чиркает спичкой и мизинец отгибает, як тот барин. «Що з пальцем?» — спрашиваю. «Привычка» — и глаза отвел. Смикитил я: его благородие не хочет быть его благородием. Ну, черт с тобою! На том и расстались. А сегодня поехал к мосту, покопаться в огороде. И снова — здорово: барин мой — ось вин! На бережку покуривает, будто бы той стороной любит. А сам глаз не спускает с моста. дождался смены караульных и смылся. А тут, понимаете, на соседнем огороде мужичонка в клетчатой кепке топчется, что-то ковыряет. И на мост зеньки пялит. Фу-ты! Только мой барин потопал — этот незнакомый огородник следом. Чудеса! Говорю собі: Мыкита, справа нечистая. Крой швидче к товарищу Васильеву. Проверьте оцэ.

— И проверим, товарищ дорогой! Дякую за сообщение...

Стрелочник за двери, а на порог — Никандр Фисюненко. Весь в черноземе. Клетчатая кепчонка на макушке.

— Проследил-таки Войтовича! От Зойки Рыжей подался на станцию. Потом к мосту попер! — восторженно докладывал Никандр, вытирая руки о старенькие штаны в узкую полоску.

— Понимаешь, место чистое. Как следить?.. Пришлось на огород налечь. Удивится хозяин: нашелся дурак бесплатно грядки полоть!

— Идем, огородник липовый!

— Как все случайно выходит, Федор Максимович, — говорил Васильев в кабинете начальника дорожно-транспортной ЧК. — Дворник случайно подсказал. Стрелочник случайно увидел. Зойка Рыжая случайно...

Платонов размеренно вышагивал по кабинету. Это меня всегда раздражало — приходилось водить головой ему вслед.

— Случайность помогает тому, кто к ней подготовлен, Василий Михайлович. Открытие Войтовича в значительной мере обусловлено тем, что наш народ настроен против всяческой мрази. Он настроен помочь нам в борьбе с врагом. Наша борьба — его борьба! «Теперь не надо бояться человека с ружьем» — помните слова Ленина? Народ вложил нам в руки меч. А мы должны быть такими же мудрыми, сметливыми, бесстрашными, волевыми, как сам народ...

Чекисты зацепили шпиона и прилипли к нему — не разлить водой! Второй тенью его стали Вася Васильев и Фисюненко. У Платонова и Леонова стягивались в узелок все ниточки: где бывал Войтович, что делал, с кем встречался, где ночевал, куда заходил обедать...

...Тимофей Морозов поднял Леонова телефонным звонком среди ночи:

— Еду к вам насчет гостя!

А утром докладывает, сердитый, невыспавшийся, с красными от переутомления глазами:

— Этот самый Пащенко Борис Федорович получил мандат в паровозном депо. Зина Очерет сама печатала. Она машинисткой работает. А взял документ Мусий Якименко.

— Что за птица? — спросил Леонов, настороженно поводя черными усами.

— Был членом петлюровской Центральной рады. Теперь — машинист. Поет в клубном хоре...

Вошел Платонов. Чекисты встали. Он поздоровался, присел рядом с Леоновым:

— Продолжайте, Тимофей Иванович!

— На разработку поставлю Скрипниченко. Дельный хлопец. Проверен в деле. Из Самары приехал, большевик.

Платонов согласился, но посоветовал:

— Зина пусть в клубный хор запишется. Присмотритесь к драматическому кружку. С душком нехорошим самодеятельность...

— А ведь Якименко там главным закоперщиком! — хлопнул себя по лбу Морозов.

— Вот-вот, присмотритесь...

Уехал Морозов в Долгушино, а на нас нагрянули новые тревоги: Войтович вторые сутки не выходил от Зойки Рыжей. Самые различные предположения рождались: вдруг заметил слежку?.. А может, Зойка Рыжая сболтнула?.. А может, наши парни проморгали?..

Из Москвы, из центрального аппарата ВЧК, сигнал: вражеский лазутчик будет прорываться в столицу. Арестовать шпиона в Сечерченске!

— А где он? — нервничал Леонов.

— Не майся, Семен Григорьевич, — успокаивал Васильев. — Перед прыжком в Москву залег медведь. Чтобы следы запутать. И Зою не выпускает. А насчет нее не сомневайся: дивчина верная. Если дала слово — кремень!

— Как операцию проведем, так займись, Вася, ее устройством. Куда-нибудь работать. Нельзя терпеть такую...

— Старый режим сделал ее такой.

Чекисты говорили о Зое, а мысли каждого были заняты Войтовичем: где он?.. И вдруг влетает Никандр Фисюненко. Глаза — ярче солнца!

— Зойка кричала: «На мою голову свалился! Я не обязана тебя кормить! Выметайся!» У нее он, гад!

Гурьбой повалили к Платонову. Тот обрадовался не меньше нас. Собрал всех и еще раз уточнил детали операции. Решили брать на рассвете.

Участники заночевали в «Астории». И спал-то, наверное, один Васильев. Растянулся во весь рост на полу, подложив под голову кипу папок. Храпит — стекла дребезжат! В открытых окнах слышен шелест листьев акации. Вот промчался автомобиль с грохотом. По асфальту прошаркали запоздалые прохожие...

За стенкой слышались твердые шаги Леонова. Он по давней привычке мерил свою комнату, осмысливая еще и еще раз будущую операцию. Да и остальные участники поимки Войтовича думали о предстоящем дне. Ведь нам впервые пришлось столкнуться с настоящим шпионом! Я представил себе, как мы ворвемся в комнату, скрутим заспавшегося лазутчика...

Из «Астории» вышли ранним утром. От Днепра тянуло сыростью. На траве серебрилась роса. У всех нас пистолеты, гранаты. Два бойца из отряда ВЧК ступали заученно в ногу. Ранние прохожие сторонились нас, провожая любопытными взглядами.

Вот и приметный красный дом — громадина! Темные окна —

ни огонька! Тишина. Где-то в подвале — враг. Затаился, бить может, в данный миг выцеливает жертву. Вот-вот грохнет выстрел, и кто-то из моих товарищей упадет на асфальт. А может быть, я? А может, и не догадывается, спит беспечно Войтович?..

Зеликман на ходу еще раз объясняет, как расположены двери, где коридор.

— Напротив окна какая-то машина брошена. Щит из котельного железа. Там и устроить засаду! — жарко говорил он шепотом. Леонов молча кивал головой, придерживая гранаты в кармане брюк.

Щит валялся во дворе. Там оставили четверых. Из тени соседнего дома шепот Никандра Фисюненко:

— Не выходил. И Зоя не показывалась...

— Со мною Зеликман, Громов и вы! — Леонов глянул на бойца с винтовкой.

Спускаемся в подвал. Посвечиваем зажигалками. Иосиф — впереди. Он идет уверенно, а мы стучаемся об углы, цепляемся за неровности цементного пола. Чертыхаемся про себя. Вот и дверь комнаты. Простые нестроганные доски, но сколочены наглухо. Поторкались — изнутри на крючке. Семен Григорьевич отстранил Зеликмана и настойчиво постучал. Молчание. Леонов подергал за ручку. Женский голос:

— Кто?

— Проверка документов! — И Леонов постучал еще раз кулаком.

В комнате приглушенные голоса. Зеликман забарабанил кулаками.

— Открывайте!

Мы прижались к стенкам, погасили зажигалки и приготовили оружие. Щелкнул внутренний замок. Дверь приоткрылась.

— Ну, чего вам? — голос сипловатый, мужской.

Вместе с Леоновым наваливаемся на дверь. Боец, стараясь помочь, просунул в образовавшуюся щель винтовку со штыком. Но дверь оказалась на толстой цепи. Этого не установил Зеликман при осмотре. Мелочь, а испортила операцию в самом начале. Мужчина неожиданно вырвал винтовку из рук бойца и ударом всего тела прикрыл дверь.

— Вот гад! — ругнулся Леонов.

Боец растерянно смотрел на дверь, за которой очутилась его винтовка, и все еще не верил случившемуся. Мы дружно начали бить ногами, но доски были прочными. Внутри слышались визгливые крики Зои Викторовны:

— Откройте!.. Пустите! Полячишка гадкий! А-а-а!..

И тотчас за дверью ударили два выстрела. И громкий,

смертный стон. И еще выстрел. Зазвенело стекло. Это палила наша засада. Войтович пытался вырваться через окно.

Дверь не поддавалась. Леонов зажег подвернувшуюся под ногу щепку.

— Иосиф, беги за топором!

Зеликман быстро вернулся и с ожесточением начал рубить доски. Из комнаты стреляли. Мы ответили из пистолетов. В дверях образовались щели.

— Сдавайся!

И вновь стрельба. Во дворе показались перепуганные жильцы. Их вернули в квартиры. Из окон соседнего дома высунулись любопытные.

— Руби сильнее! — кричал Леонов.

Операция непредвиденно затягивалась, и он отослал бойца в ЧК с донесением.

Негаданно из комнаты Зои Викторовны повалил густой дым — пожар! Смерд тянул в коридор, как в трубу. Мы задыхались и слепли. Зажигалки погасли. В дыму и темноте стало невтерпеж, и мы отодвинулись ближе к выходу.

Послышалась учащенная стрельба во дворе. Это Войтович еще раз попытался выбраться из западни через окно.

Мы не могли уже дышать. Леонов крикнул:

— Давай за угол! Бросаю гранату!

Уши заложило от взрыва, перехватило дыхание. Нам ничего не видно. Стоим, отплеываемся в ожидании, пока хоть немножко осядет дым. Зеликман пробрался ощупью вперед.

— Дверь сорвало с петель! — кричит он.

Вбегаем в комнату. Крадемся, выглядывая Войтовича. Натякаемся на Зою Викторовну. Я наклоняюсь над ней, беру за руку. Сердце ее едва стучало.

— Неси на воздух! — приказал Леонов.

Я затопал к выходу, взвалив на плечи женщину. Слышу позади голос Зеликмана:

— Сдавайся!

Но Войтовича в комнате не оказалось. На поиски его ринулись другие чекисты. Тщетно! Валялась винтовка без затвора, пустые гильзы...

Из дымного смерда вывернулся Никандр Фисюненко.

— Там лестница на чердак!

Зеликман ругался, спеша за товарищем. Бежал туда и Леонов. Иосиф первым взбирался по лестнице. Но лаз был плотно закрыт. Торкнулся боец ВЧК — сверху выстрел. И боец свалился вниз мертвым. С грохотом упала его винтовка.

Стали совещаться, что делать дальше. Вскоре к дому на улице

Карла Маркса прибыла усиленная группа из губернской ЧК. Приехал и Платонов. Увидев труп Зои Викторовны, которая так и не пришла в сознание, Федор Максимович сдернул кожаный картуз.

— Доберемся до тебя, подлец!

Район оцепили бойцы отряда ВЧК. Закрыли все выходы из красного пятиэтажного дома. На соседних крышах засели чекисты. Платонов распорядился выпроводить жильцов со всего верхнего этажа. Встревоженные событиями, они уходили за цепь солдат.

А день разгорелся на удивление тихий, солнечный, теплый. Только бы гулять да любоваться природой! Голуби беспечно вертелись в голубой вышине. В акациях живкали воробьи. А люди вели жестокую беспощадную войну...

Зеликман поднялся по лестнице к самому люку.

— Сдавайся, Войтович! Ты окружен!

— Не тычь, быдло! — зло орал на чердаке шпион.

— Я полезу на чердак! — решил Зеликман. — Другого пути нет...

— Давай, Иося! — разрешил Леонов.

Как кошка, вскарабкался Иосиф под потолок, смелым рывком поднял крышку лаза и попытался пролезть наверх. Шпион из-за трубы метко выстрелил. Пуля угодила в переносицу чекиста. Брызнула кровь, окрасив лестницу. Зеликман мешком ссунулся вниз, свалив в коридор чекистов, находившихся на лестнице.

Нелепая смерть Иосифа повергла многих в уныние. Но первая растерянность сменилась злостью, ненавистью к шпиону. Сразу несколько человек бросились к лазу. Грозный окрик Леонова остановил их:

— Отставить!

Иосифа Зеликмана вынесли во двор. Солнце играло в его рыжих волосах. Мне все еще не верилось, что он никогда не подымется и я не услышу его жарких речей. Он так хотел жить!.. Мечтал строить коммунизм. И вот лежит, залитый собственной кровью.

Толпа зевак издали глазела, как мы несли нашего дорогого товарища. Что-то кричали. Опечаленные чекисты в скорбном молчании накрыли Зеликмана простыней. Стыдно было всем нам: один лазутчик взбудоражил город!

Руководство ЧК приняло решение: выкурить Войтовича!

Вызвали пожарников. Облили керосином чердачный марш и подожгли. Работали сильные насосы, обливая водой стены лестничной клетки на пятом этаже, чтобы огонь не перекинулся вниз.

Но Войтович и тут обхитрил нас. Он укрылся за брандмауэром — кирпичной перегородкой. Пока наше руководство раздумывало, как взять шпиона, Войтович под прикрытием нашей же дымовой завесы выскочил наверх и спрятался за кирпичным выступом. Он выворотил из стенки кирпич и швырнул его вниз на группу чекистов, собравшихся во дворе. Кирпич попал в голову Платонова. Наш Максимыч, обливаясь кровью и пошатываясь, покинул поле боя.

А пожар на чердаке разгорался. Железная крыша накалялась. Огонь обступал шпиона со всех сторон. И Войтович убедился: не вырваться! Хрипло закричал:

— Сдаюсь!

— Бросай оружие! — приказал Леонов.

На асфальт слетели два нагана с пустыми барабанами и кольт.

— Выверни карманы, сними мундир! — командовал Леонов.

Огонь вплотную подступил к шпиону. Дым обволакивал его. И он нетерпеливо кричал:

— Скорее!

Пожарники подняли на крышу раздвижную лестницу, и Войтович стал спускаться, прикрываясь мундиром от огня. Лестницу охраняли бойцы с винтовками. Вдруг Войтович размахнулся и бросил вниз мундир. От неожиданности бойцы отпрянули, а шпион издевательски захохотал во все горло:

— Хамье!

— Брось кривляться, паскуда! — гаркнул Леонов и пошел с кулаками навстречу Войтовичу. Войтович побледнел, припал на больную ногу и попятился:

— Не смеешь!

— А ты смел? Лучших наших товарищей порешил!

Трусливо озираясь, шпион залез в машину.

Сперва на допросе Войтович вел себя вызывающе.

— Кто вы: Войтович или Пашенко? — задал вопрос Леонов.

— Как вам угодно, так и считайте!

— Что ж, вы правы. Нам все равно, кого расстрелять, — спокойно отозвался Семен Григорьевич.

— Пся крев! В городе знают, кто отстреливался от вас. Огромный дом подожгли, чтоб полонить одного человека.

— Дом отремонтируем. Дома всегда люди строят, а не такие паразиты, как вы!..

— Ты знаешь, гад, кого убил? — взорвался Васильев.

— Не тычь, я с тобою свиней не пас! Одним жидом меньше!

Васильев даже задохнулся от приступа ненависти.

— Да. Иося — еврей. Он был полезным человеком на земле.

Он за счастье других погиб. А ты кто?.. Ты поляк, но Польша от тебя откажется. Порядочный человек руку не подаст!

— Он собирался продать разведданные французским штабистам. Даже не на Польшу работал. Поляк! — Леонов зашагал по комнате, вороша свой вороной чуб.

Васильев свернул самокрутку и жадно затянулся. Войтович сглотнул слюну.

— Позвольте папиросу.

Леонов достал из ящика стола пачку, раскрыл ее.

— Курите!

Шпион нервно вынул из пачки папиросу. Леонов поднес зажигалку.

— Дякую!

Глаза Войтовича блудливо метались от Леонова к Васильеву.

— Почему вы не выходили из подвала больше суток? — Леонов продолжил допрос.

— Нога подвела. Ходить не мог.

— В Москву собирались? — быстро спросил Васильев.

Войтович вяло усмехнулся и не ответил. Словно про себя заговорил:

— Честно скажу, не ожидал такой бедности от вас. Проститутка стала вашим агентом!

— Вам ли говорить о чести! Разве же честный человек станет стрелять в женщину?!

— Она выдала меня! Доверился шлюхе...

— Ваше благородие, Зоя Викторовна не выдала вас, а исполнила долг советского гражданина. Вы сами выдали, господин поручик! — Леонов выглянул за дверь и позвал бойца.

— Уведите!

...Лучший в Сечереченске катафалк был украшен черно-красными бантами и лентами, гроб обшит красным крепом. Следом шли женщины. Скорбно опущены головы. Шаги медленные. И один среди них мужчина — чекист Леонов. Высокий, плечистый, с непокрытой головой, он выделялся в процессии.

Зойка-Рыжая не собиралась так рано умирать и не приготовила свой последний наряд. Семен Григорьевич купил все необходимое. Пригласил старушек, чтобы они обмыли и одели Зою Викторовну. Заплатил за катафалк и венки, гробовщикам и могильщикам.

Леонов никогда не пил чай с Зоей. И не встречался наедине. Нет, он просто не мог спокойно пройти мимо несправедливости. А в судьбе Зои Викторовны он видел лишь цепь унижений,

оскорблений и надругательств. Пусть же хоть в последний раз у нее все будет по-человечески!..

Он проводил ее на вечный покой. Первым бросил горсть земли в могилу на гроб. И последним ушел с кладбища.

...А утром велел привести Войтовича снова на допрос. Постаревший, с землистым лицом, вошел тот к чекисту.

— Значит, вы отрицаете, что пробрались к нам вредить?

Войтович мотнул головой.

Леонов окликнул дежурного.

— Давай!

В комнату впустили стрелочника Никиту. Он вытер ладонью лысину и осмотрелся.

— Ваш барин? — спросил Леонов, кивнув на Войтовича.

— Вин!

— Он высматривал охрану моста через Днепр? Он записывал расположение постов?

— Вин!

— Дякую, Мыкита Леонович. Можете йти.

Войтович раздвинул плечи и, усмехаясь, сказал:

— Я стихи писал на берегу Днепра. Докажите обратное!

Порог переступил дворник, гремя костылями и отдуваясь. Тяжело опустил на скамейку у окна.

— Это жилец генеральской кухарки? Он давал вам деньги?

— Он самый, товарищ чекист! Я сходил по указанному адресу, а он мне деньги. Крадучись ходили к нему темные людишки, ушастый тоже.

— Спасибо, друг! — Леонов проводил дворника до двери. Вернулся к столу и строго спросил:

— Так кто же вы: Войтович или Пащенко? Как писать в протоколе?

— Как тебе угодно!

Дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошла девушка с монистами на загорелой шее. Через плечо тугие длинные косы. Внимательно пригляделась к лазутчику:

— Этому самому брал мандат Якименко. Этот человек ожидал его в садочке, — признала она.

— Благодарю, Зина. Поезжай домой.

— Будем играть в прятки? Или вы назовете себя? — Леонов ворошил свои буйные волосы. Его удивляло напрасное упрямство врага. Семену Григорьевичу были известны все данные о шпионе.

Чекисты распутали нитки петлюровского подполья на Украине. Задержанная лазутчица открыла резидентов. На допросе она рассказала и о роли Войтовича.

— Вас спрашиваю: кто вы? — продолжал допрос Леонов. —

Народ видел каждый ваш шаг. Вы шпион и убийца! Докажите обратное! Сколько бы вы ни молчали, от кары не уйти. Подпишите протокол допроса.

Войтович взял листки бумаги и тотчас порвал их.

— Этих свидетелей вы подкупили! Доказательств у вас нет. Дзержинский не верит домыслам. — Шпион нервно захохотал.

— Мы расстреляем вас за сопротивление властям и убийство сотрудников ЧК! — сказал Леонов, вызывая конвой.

Отправив арестованного, Семен Григорьевич углубился в изучение документов о провале последней авантюры Петлюры, затеянной им вместе со вторым отделом Генерального штаба Польши.

Специальный отряд полковника Михаила Палия переправился через Збруч накануне октябрьских праздников. Они рассчитывали соединиться с бандами Махно и Черного Ворона. Но в селах бандиты встретили отряды самообороны, и вместо хлеба-соли на них посыпались пули и гранаты. Запроданцы — так называли селяне закордонных налетчиков, — огорошенные негостеприимством населения, стали зверствовать. Сельсоветчиков убивали, вскрывали животы и заполняли их зерном. Села сжигали, оставляя людей без крова.

Чекисты, зная, что в среде запроданцев, перебравшихся через Збруч, есть случайные люди, обманутые и насильно мобилизованные, подбросили в отряд Палия много экземпляров газеты «Красная Армия», издаваемой Киевским военным округом. В газете сообщалось, что раскрыт контрреволюционный заговор. Назывались имена лазутчиков и их приспешников, расстрелянных по приговору. Извещалось также об аресте и расстреле петлюровской лазутчицы Ипполиты Бороонецкой и бывшего красного комбрига Леонида Федоровича Крючковского — атамана Крука. А на них-то у бандитов было столько надежд!..

Бывший комдив Крючковский тайно передавал петлюровцам планы советского военного командования, лекарства и медикаменты и должен был сдать пехотную бригаду петлюровскому полковнику Палию.

Чекисты раскрыли измену. Широкое извещение об этом через печать способствовало разложению закордонных налетчиков.

Войтович на допросах все-таки выдал часть связей, назвал некоторые имена резидентов и затаившихся контрреволюционеров. И операция, вызванная появлением закордонного гостя, развивалась. Особенно бурно и трагически закончилась она в Долгушине.

Тимофей Иванович Морозов сутками не уходил с оперативного поста ЧК. К нему стекались оперативно-секретные сведения. Устанавливали связи Якименко. Вызывали настроения драмкружковцев железнодорожного клуба...

В помощь долгушинским чекистам из Сечереченска откомандировали Юзефа Бижевича. У него было побольше опыта, а у Морозова — выдержки и хладнокровия.

В тесной комнатке станционного отделения ЧК Бижевич знакомился с материалами. Морозов смотрел в окно. Вечерние

косые лучи солнца пробивались сквозь дым, как сквозь темную тучу. Коптили паровозы. Курились трубы паровозного депо и бани...

— Можно? — В двери заглянул котельщик. Морозов узнал его по белесым бровям и громкому голосу.

— Заходите!

Мастеровой был в промасленной одежде. В комнате запахло металлом и машинным маслом.

— Прохлаждаетесь, господа! — сердито начал котельщик, косясь на пачку папирос, лежавшую на краю стола. И закашлялся, прикрыв рот широкой, огрубевшей в работе ладонью. — Ото будь воно неладно! Курить душа просит.

Морозов заулыбался, подвигая пачку.

— Курите.

— Дякую. — Колючий посетитель удовлетворенно затянулся пахучим дымом, крикнул с веселинкой: — Гарным тютюном балуетесь! Одним словом — господа!

Бижевич во все уши слушал. Нервные пальцы его барабанили по столу.

— Вы о чем это, товарищ? О каких господах?

— А ось чего. Приходят люди, а дела не делают — толкуются попусту. — Котельщик повысил голос, сердито надвигаясь на Бижевича. — Слесаря байки сказывают, а паровозы стоят! Ленин як казав насчет ремонта паровозов? Шаги коммунизма!.. А у нас шо? Анисий та Супрун соловьями заливаются насчет москалей...

— Как фамилии соловьев? — спросил Морозов.

— Крученный та Коваль. Поганые дела делаются. Машину за ворота, а вона обратно — ломается на полдороге. Бачилы, мабуть, уси пути заставлены вагонами. Вид чого така справа? Паровозов черт-ма! Кому такэ дило треба? Ворогам Радянської власті. А вы пузо чешете та табаки раскуриваете! Ленин сам на субботники ходит. А вы покуриваете, чеки-и-исты! А видкиля ветер дует? Крученный та Коваль при петлюрах с плеткой ходили. Кумекаете?..

Бижевич ерзал на скамейке от нетерпения, что-то быстро записывал, остро поглядывая на рабочего.

Котельщик поднялся.

— Так я пийшов. Кумекайте!.. Будь твоя ласка, папиросу ще.

Морозов от души расхохотался, подавая ему папиросу. Усмехался и рабочий, подмигивая Бижевичу. Когда за ним закрылась дверь, Юзеф Леопольдович вскочил, как на пружинах.

— Брать надо! Кто еще у вас на учете из петлюровцев?

— А может, не стоит горячиться, Юзеф Леопольдович!.. До самых корешков докопаться. А петлюровцы бывшие — вот они.

Тимофей Иванович подал Бижевичу папку.

Папка пополнялась ежедневно: возникали новые имена, новые предположения. И все же, по убеждению Морозова, отдельные железнодорожники случайно попадали под влияние националистов. Вот с такими и хотел разобраться Тимофей Иванович. Потому-то и оттягивал аресты. Его единомышленником был и Скрипченко, непосредственно изучающий Якименко и его компанию. Они сто раз, быть может, взвешивали все «за» и «против» прежде, чем занести человека в список подозреваемых...

А Бижевич торопил. Торопили и события. Красная конница гнала банды Тютюника и Паляя к границе. Малая война требовала четкой работы железных дорог. А составы застревали. И в Долгушине кто-то путал документы, заставляя вагоны с фронтовыми грузами неделями блуждать по тупикам. Кто-то передавал шпионские сведения бывшему петлюровскому офицеру Коржу, засевшему в лесах Криворожья, и его молодчики налетали, громили станции...

Морозов встретился с Зиной Очерет. Девушка возмущалась:

— То не самодеятельность, то гнездо гадюк! Поют фальшиво: Украина-ненька! А остальные — кацапы та жида. Аж противно слушать. Кажу Якименко: «Гарно шо Радянская Россия помогает гнать полячишек Пилсудского!» А вин мэни: «У Москвы свои заботы, а у нас — инши! Мы и сами краще москалей управимся со своими делами». За сценой собираются. Мов, комнату для библиотеки налаживают. А сами шушукуются. И новый завхоз с ними якшается. Кажуть, шо вин сам из махновцев. Проверьте, Тимофей Иванович! Вин робыв котельщиком в депо. Прикидывался, мабуть!..

Скрывая довольную улыбку, Морозов обещал:

— Проверим, Зина, все проверим. А ты, Зинуля, запоминай все, во все глаза смотри. Враги там, Зина!

— А мы спиваемо новую писню про паровоз та коммуу. Прийшли бы. Тимофей Иванович. — Девушка заулыбалась, и на щеках ее появились ямочки. Солнце заиграло в ее монистах.

Тимофей Иванович бережно пожал ей руку.

— До побачення, Зина!

Девушка перебросила толстую косу за спину и легко пошла, все так же загадочно улыбаясь. И Тимофей Морозов, улыбался, оставшись один. На сердце было хорошо. Ведь ему шел лишь двадцать третий год! И ни Морозов, ни сама дивчина тем более, не думали, что это была их последняя встреча.

Тимофей Иванович вызвал коменданта ЧК и приказал передать в клубную библиотеку все книги, реквизированные у контрреволюционеров.

— Сегодня же к вечеру отвезите.

— А кто там примет?

— Зина Очерет.

— Есть!

На следующий день был назначен общий сбор драмкружковцев в зале клуба. Пришло человек двадцать. И Зина пристроилась на последней лавке. Говорил Якименко:

— Наши ряды растут. Но мы должны привлекать больше железнодорожников, знающих украинскую мову. Вот вы, Крученый, наш активист, кого пригласили?

Анисий Ефремович встал, одернул форменный пиджак и назвал несколько фамилий.

— Де ж вони, Анисий Ефремович?

— Працюют, Петро Захарович. Они надежные.

Потом докладывали Коваль и Купирядно. Они вставали, как на военном совете. Называли фамилии. Зина — вся внимание! Якименко дошел и до Осликовского:

— Как разучиваются роли, Вацлав Казимирович?

— Усиленно. Но кое-кто провалился на первой пробе. — И Осликовский многозначительно посмотрел на своего руководителя, пощипывая бакенбарды.

В зал вошел новый завхоз. Глаза колючие, быстрые.

Якименко поспешил ему навстречу.

— Свои дела мы решим потом. Вот освещение слабое, товарищ завхоз. Нас на сцене зрители не видят.

— Уладим, Петро Захарович. Растет кружок?..

Якименко угодливо поклонился.

— Стараемся, товарищ.

— Ну и свет зробым. — Завхоз обратился к Зине: — Книжки получила, товарищ Очерет?

— Ага. Сортировать треба.

— Скорее делайте! Нужно народу нести культуру...

После репетиции Зина долго разбирала книги. И все припоминала фамилии, названные Якименко. Большинство из этих людей она знала давно. Неужели они пошли против Советской власти?..

Уже погас свет во всем клубе. Комната освещалась уличным фонарем, стоявшим под окном. Вот, наконец, последний томик водружен на место. Зина присела на табуретку и с радостью оглядела полки. Тишина в клубе. А вот откроется библиотека, и голоса в ней будут допоздна. И Зине представилось, как она выдает книжки и довольные люди уходят из клуба по домам. А прочитав интересную книгу, станут делиться с ней, с библиотекарем Зиной, мнениями. И хвалить: «Спасибо, комсомольцы, постарались!» А потом книг станет еще больше.

Зине дадут помощников, а потом ее пошлют учиться... И почему-то рядом с собою она всегда видела серьезного Морозова. Не улыбнется, брови нахмурены, слова строгие...

И вдруг в тишине девушке почудились голоса. Зина испуганно затаилась. И в самом деле, тихо говорили за фанерной перегородкой, в соседней комнате.

— Завхоз очень внимателен... Чего это котельщик ни с того, ни с сего в клуб подался?..

Зина приникла к стенке. Но голоса затихли. Девушка прокралась к двери. Снова голос:

— Осликовский казав, що Зинку вызывали в Сечереченск.

Очерет в темноте двинулась еще ближе к двери соседней комнаты. И тут заскрипела половица. Разговор замер.

— Кто тут? — встревоженно спросил Якименко.

У Зины отнялись ноги. Но она совладела со страхом.

— Это я, дядя Петро. С книжками вожусь. — Девушка шагнула назад и опрокинула стул. Грохот, как от взрыва.

— Що у тэбэ? — Якименко вошел в комнату. — Я тут со списком задержался. Пора домой!

Зина прикрыла свою дверь и взяла в руки томик Шевченко. Вот тяжело прошагал Якименко, хлопнул входной дверью. В соседней комнате слышались шорохи. Осторожное движение. Ушел второй. Кто? Зина в темноте не различила уходящего. «Нужно бежать к Тиме в ЧК!» — решила она, наскоро запирая библиотеку. Оглядываясь, спустилась по ступеням на улицу. Теплый воздух окутал ее. В вышине мерцали звезды. Вот одна покатилась по небу, искрами рассыпалась на горизонте.

За поворотом, где улица уходит к центру поселка, из-за акации надвинулся мужчина и потной ладонью зажал рот Зины. Второй мужчина ударил под ребро, и девушка задохнулась. Ее потащили в огород. Через грядки унесли к ставку. Передохнули. А затем под вербами, тихо склонившимися над водой, по-волчьи ступали убийцы. За околицей кинули Зину на траву. Девушка очнулась, пыталась подняться. Но рванули толстую косу, закрутили ее вокруг шеи. Били коваными сапогами.

— Тихо! — остановил один убийца. Прислушались, засев в густом бурьяне.

В отдалении гукал паровоз. Виднелись слабые огоньки станции. В заброшенных развалинах кирпичного завода стонал филин. Высокий мужчина вынул из-за пояса топор. Снова прислушались. На краю поселка девчата пели про коханую, обманутую чернобривым парубком, про калину, шо стояла в луге, при дороге...

Гыкнув, мужик опустил топор. Остановилось сердце

комсомолки.

Затолкали труп в мешок. Трусливо озираясь и держась за углы мешка, отнесли его в руины. Забросали битым кирпичом. Спустились к ставку и сполоснули руки...

Не сразу хватились Зины. Лишь на вторые сутки знакомые девчата всполошились: где Очерет? Побежали в депо, в клуб. В библиотеке книжки на полках, хустка на подоконнике. И в паровозном депо никто ничего не пояснил. Может, в Никополь к родителям уехала?..

— Не могла она это сделать! — Морозов переживал, заподозрив неладное. Распорядился перевернуть все Долгушино, а Зину найти. Бижевичу сказал:

— Она выполняла мое задание. Без разрешения не имела права покинуть боевой пост.

— Твоя беспечность, товарищ Морозов!

Но Тимофею Ивановичу и без того тошно: не уберег такую славную дивчину!

В ночь арестовали главарей подпольной националистической организации «За самостийную Украину».

— Взять всех! — неистовствовал Бижевич.

— Одураченных не стоит! — твердо возразил Морозов.

Бижевич вызвал по телефону Платонова и докладывал:

— По делу взяты под стражу: начальник станции Долгушино Осликовский Вацлав Казимирович, его заместитель Коваль Супрун Иванович, слесари паровозного депо Рыбченко Тимофей Иванович, Крученный Анисий Ефимович, машинист Якименко Петр Захарович, бывший член петлюровской Центральной рады. Нужно еще сажать, Федор Максимович, но Морозов либеральничает... Передаю ему трубку.

Морозов стал доказывать, что следует ограничиться разъяснительной работой о контрреволюционной сущности организации...

Платонов перебил его:

— Бижевич прав! Арестуйте всех, а потом разбирайтесь. Излишняя мягкость опасна, Тимофей Иванович. Вы знаете, что банду Тютюника лишь частично отгеснили за Збруч.

В наступившую ночь чекисты отправили в тюрьму еще тридцать человек. И все же Морозов остался верен себе: он вдумчиво расследовал вину каждого арестованного и попавших по недоразумению отпускал на волю.

Ведущие националисты признались в антисоветской пропаганде, в саботаже, в подрывной деятельности на железнодорожном узле. Именно Осликовский и Коваль были наводчиками банды Черного Ворона. Они передали Войтовичу

график движения поездов и снабдили его мандатом на имя Пащенко Бориса Федоровича.

А вот где Зина Очерет, никто из арестованных не признался. Однако и Морозов, и Скрипченко, и новый завхоз клуба — помощник чекистов были твердо уверены: исчезновение девушки — дело рук националистов!

Тимофей Иванович вместе с чоновским активом осмотрели каждый уголок в поселке. Никаких признаков! Только в доме Ковалья чекист Скрипченко наткнулся на сапоги с подковами. При внимательном осмотре в изгибе кожи обнаружили капельку крови.

На очередном допросе Морозов неожиданно достал из-под стола этот сапог.

— Ваш?

— Мой.

— А это что? — Тимофей Иванович ткнул пальцем в изгиб.

Коваль подскочил, как ужаленный, в ужасе закричал:

— Это он!

— Кто он?

— Якименко!.. Вин рубив... Заставил нести...

Откопали из кирпича останки Зины Очерет. Комсомольцы железнодорожного узла на плечах пронесли гроб через весь городок. Паровозы пели ей прощальную песню. Трижды прозвучали залпы из винтовок — с воинскими почестями хоронили отважную комсомолку. И пирамидку со звездой наверху, как бойцу, поставили.

Долгушинский железнодорожный узел стал работать без перебоев.

Морозову и его помощникам коллегия губчека объявила благодарность.

Бижевич, уезжая в Сечереченск, предупредил Морозова:

— Манеры кисейной барышни вас погубят!

— Побачим, Юзеф Леопольдович.

В станционное отделение ЧК пришел новый завхоз клуба — котельщик с острыми глазами. Сипло откашлялся. Морозов понял его по-своему и подал папиросу. Но котельщик наотрез отказался.

— Ослобоните меня. Не гожусь в чекисты! Не отвел смерть от такой дивчины!.. Колы побачив ихнее сборище в клубе, треба було не покидать ее одну. Эх, задним умом умные!..

Уговоры не помогли: мастеровой вернулся в свой котельный цех паровозного депо.

КОРОЛИ САХАРИНА

Наступили годы новой экономической политики. Перешедшая на мирные рельсы Страна Советов укрепила свои командные позиции в народном хозяйстве, хлопотала о тесной смычке города и деревни.

Настала пора изменить направление в работе чекистов. Контрреволюционеры и внешние враги, не одолев пролетарское государство в открытых боях, пустили в ход тайную антисоветскую агитацию, диверсии, шпионаж, искусственно разжигали недовольство среди населения, вредили и поощряли крупную спекуляцию.

6 февраля 1922 года Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) была реорганизована в Государственное Политическое Управление (ГПУ) Наркомата внутренних дел; в сентябре 1923 года, после образования Советского Союза, — в Объединенное Государственное Политическое Управление СССР — (ОГПУ).

В жестоких битвах с врагами погибли многие славные чекисты. Оставшиеся на боевых постах закалились, приобрели опыт. Но вот грамота у них — дважды два четыре!

— Было время, когда мы только своей большевистской преданностью и чекистской храбростью побеждали контрреволюцию, а теперь к этому нужно добавить отличное знание дела и хорошее образование — говорил Феликс Эдмундович Дзержинский. По его указанию были открыты дополнительные чекистские школы и краткосрочные курсы — цвет ВЧК пошел учиться.

И в нашем отделе оперативные работники усиленно занимались самообразованием. Бижевич и Васильев закончили экстерном семилетку. Юзеф Леопольдович поступил на рабфак. Мы с Никандром Фисюненко «добивали» техникум.

Новый курс ленинской партии нарушал тайные планы политических авантюристов и главарей белого движения. Они сопротивлялись.

Паразитирующий элемент шел в атаку: ростовщики, торговцы наркотиками, аферисты, воры, грабители, содержатели притонов, перекупщики золота и драгоценностей... Народная милиция имела полную нагрузку. Борьба с вражескими проявлениями не прекращалась ни на минуту. Крупные уголовные дела, связанные с валютными операциями и экономическими диверсиями, сотрудники ГПУ брали на себя.

С большим трудом выкраивали мы редкие часы на учение. Но выкраивали, потому что знали: в новых условиях лихим наскоком с оголенной шашкой дело не поправишь!

Почти все мои товарищи по ЧК женились. Первыми поженились мы с Аней Лебедевой. Это случилось 8 мая. Нам выделили комнату напротив вокзала. К тому времени меня назначили заместителем начальника отделения ГПУ. Через три месяца стал семьянином Тима Морозов. А уж на свадьбу Васи Васильева многие чекисты пришли с женами.

Только Бижевич да Леонов все еще были холостыми.

Как-то возвращался Бижевич к себе после ночной облавы на притон. Валютчиков не удалось поймать с поличным. Настроение самое мрачное. В темном закоулке услышал топот, потом приглушенное:

— Помо...ите...

Бижевич побежал на зов. За кустами акации кто-то барахтался. Мелькнуло белое пятно.

— Стой! — крикнул Юзеф Леопольдович, взводя наган.

— Дай ему по суслам! — громко приказал мужской голос. И черная фигура пошла навстречу.

Бижевич выстрелил. За акациями подхватились люди, перемахнули через забор. А на земле осталось что-то белое. Подоспел милицейский наряд, услышав выстрел.

Милиционер посветил зажигалкой. На земле распластана девушка в растерзанном платье.

Бижевич с силой подул ей в лицо — не шелохнулась.

— Без сознания, — определил милиционер, взявший руку пострадавшей. — Пульс есть — оживет!

Девушку привели в чувство, и она, прикрывая руками грудь, взмолилась:

— Не покидайте меня! Дом тут... за углом...

Бижевичу пришлось провожать ее. В душе он чертыхался: время позднее, а с утра предстояла поездка в Вехновцево — не выпиться! Носит же дуру по глухим углам!..

Девушка едва поспевала за широко шагавшим чекистом, всхлипывала, охала, постанывала.

— Вот... дом, — промолвила она, задерживаясь у резного крыльца с палисадником.

Но Бижевич не отпустил ее.

— Пошли! Протокол оформим.

В милиции он обратил наконец внимание на девушку. Смуглые щеки. Большие глаза. Коса венчиком на голове, и листки акаций в ней. И вся она какая-то беспомощная, изломанная. Юзефу Леопольдовичу стало жаль незнакомку. Он ругнул себя: нужно было оставить ее дома! Поручив дежурному составить протокол и доставить пострадавшую к ее родителям, он ушел домой. Но из головы не уходила случайная встреча. Виделись заплаканные глаза девушки. Ее маленькая грудь. Жалобно искривленный рот с пухлыми губами...

Через день Бижевич заглянул в милицию и попросил показать протокол.

— В самую пору вы тогда подросли: испоганили бы девку бандиты! — говорил милиционер, передавая Юзефу Леопольдовичу тоненькую папку.

И вот Вася Васильев приносит в отдел необычную весть: Бижевич гуляет с красивой дивчиной в городском саду!

Посвежела одежда на Юзефе Леопольдовиче, и сам он будто бы помолодел. И голос мягче, и обращение вежливое. Мы в ином свете увидели его, припомнили немало доброго за ним — Пологи и Долгушино, стычки с махновцами — храбрым малым показал себя...

Перед тем как идти к Платонову за разрешением на свадьбу он завернул ко мне:

— Недолго осталось холостяковать! Сошьет Зося подвенечное

платье, и идем в ЗАГС.

Но возвратился Бижевич в мою комнату белее мела. Пошатываясь сел на стул. Я встревоженно подал ему стакан с водой. И зубы его застучали о стекло.

— Или женись на нэпманше... или оставайся в рядах чекистов... — так сказал Платонов.

— Почему?

— Отец Зоси до революции держал магазин...

И Бижевич выбрал ГПУ.

После случившегося Юзеф Леопольдович еще больше замкнулся, не терпел возражений, придирался по всякому пустяку. Таким он пришел и на свадьбу к Васильеву. Сперва пил вино и, казалось, не пьянел. Затем негаданно для всех вскочил на табуретку и начал читать стихи:

Где предел для мира уготован?
Где найдет свободу человек?
Старый век грозой ознаменован,
И в крови родился новый век.

— Кто так гарно написал? — спросила раскрасневшаяся невеста.

Бижевич, бледный, поблескивал диковатыми глазами и читал:

Друга нет, напрасно, ах, напрасно
Звать его в кручине и слезах!
Нет его — и все, что в жизни красно,
Все звучит мне безнадежным «ах»!

— Крой, Юзеф! — Никандр подбодрял Бижевича. А тот вдруг пустился в пляс с припевками:

Ах, через мой двор,
Да через мой двор
Тетерка летела.
Ах, не дал мне бог,
Ах, не дал мне бог
Кого я хотела!..

Бижевич плясал, высоко поднимая ноги, резко приседал, кружился, как волчок, и все припевал, припевал грустным

голосом:

Ах, не дал мне бог,
Кого я хотела!..

Мы обступили его страшно удивленные. А в круг ворвалась невеста и пошла выстукивать каблучками, павой плыла за Юзефом Леопольдовичем.

— Жаль, музыки нет! — горевал Васильев, притопывая ногой.

— Еще за свадьбу потянут к ответу! — охладил его пыл Семен Григорьевич Леонов.

Это негромкое напоминание как холодной водой ошпарило Бижевича, Он, пошатываясь, прошел к столу, облизывая тонкие губы, и обессиленно плюхнулся на лавку. Смахивая обильный пот со лба, заговорил:

— Деньги полотера велики ли?.. А кормить семью нужно было. Вот с отцом и плясали вечерами, господ веселили...

Юзеф Леопольдович как-то виновато смотрел на нас. Наверное, он впервые был так откровенен с нами. И устыдился этой своей слабости. Стал прощаться. Поднял стакан с вином.

— За ваше счастье, молодые!

И выпил залпом, а на пороге по-польски пожелал:

Доброй вам ночи,
Перси и плечи,
Ясные очи,
Сладкие речи...

— Ну и чуда-а-ак! — озадаченно протянул Леонов.

Я понимал настроение Бижевича: он все еще любил свою Зося.

Никандр Фисюненко запел «Гей на гори та жєнци жнут...» Мы подпели, но с уходом Бижевича погасло веселье. Никандр объявил, что демобилизуется и поступает учиться на рабфак — инженером станет.

— Хреновый ты чекист! Столько врагов у революции, а ты в кусты! — журил его Семен Леонов. Хмельно жестикулируя, он насакивал на Никандра:

— Ленин тяжело болен. Нам нужно быть теснее! А ты дезертируешь!

Пришлось нам заступиться. Дескать, у Фисюненко к ученью способности. Может, нашим первым академиком выйдет. И мы тогда не ошиблись! Никандр Михайлович стал ученым. Долгие

годы был ректором Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта. И орден Ленина заслужил...

Ко дню свадьбы Васильева почти все мои товарищи уже продвинулись по службе. Тимофей Морозов возглавлял отдел ГПУ в Долгушине, Семен Леонов был старшим оперативным уполномоченным транспортного отдела ГПУ на Екатерининской железной дороге, Васильев — старшим оперуполномоченным Сечереченского отделения ГПУ, а я в этом отделении был заместителем начальника.

На станции гудели гудки. Басил паровозоремонтный завод. Ему вторило паровозное депо. Мы — к окну! Может, пожар?.. Может, налет бандитов?..

Народ гужом валил через пути. Переходной мостик загружен. Бегут с железными прутьями, с костылями в руках...

Васильев потрогал кобуру нагана.

— Гайда!

Мы выскочили на вокзал. Постовой милиционер пытался задержать толпу, но мастеровые депо, рабочие завода, стрелочники, путейцы густой толпой обтекали его, двигаясь к управлению железной дороги.

— Что случилось? — спросил я молодого парня в рваной спецовке. Он зло оглянул меня.

— Рабочих сажают!

В толпе вертелся Бижевич. Лицо бледное, глаза, как у хмельного.

— Забастовка!.. Понимаешь?.. Примечай, кто у них заводила! Контрреволюция поднимает голову...

А нам непонятно. Как забастовка? Почему?

Милиционер все так же растерянно суетился, размахивая наганом. Парень в спецовке взял его за руку.

— Убери игрушку! А то — ка-ак дам!!!

Возле управления железной дороги рабочие угрожающе кричали:

— Отпустите арестованных!

— На волю товарищей!

Из разговоров мы узнали, что начальник охраны железной дороги приказал устроить облаву на станции и всех задержанных с куском угля или поленом дров посадить в подвал. И пятнадцать рабочих очутились в кутузке!

В то время снабжение населения топливом было поставлено скверно. А зима надвигалась! Естественно, работники заводов, станции, депо, мастерских подбирали на путях куски каменного угля, а на предприятиях — отходы. И после работы несли домой.

Об арестах узнали машинисты и первыми дали сигнал тревоги.

Жиденькая цепочка чекистов, охранявшая здание управления железной дороги, не смогла противостоять толпе.

Появился Платонов. Оглянув море голов, тревожно подумал: «Быть беде!» Он знал, что в Сечереченске немало вражеского элемента: затаились недобитые офицеры Врангеля и Петлюры, точат зубы местные националисты... И дурацкий приказ начальника охраны лишь на руку всем этим недобиткам старого мира.

Федор Максимович поднял руку, прося тишины.

— Товарищи, успокойтесь! ГПУ разберется. Невинных мы тотчас выпустим!

К толпе рабочих уже примешались сынки лавочников и уголовники. Они сновали в бурлящем потоке и истошно кричали:

— Дави живоглотов!

— Свободу!

Рядом с Платоновым оказался Бижевич с горящими глазами. Выхватил из кобуры кольт.

— Расходи-и-ись! Стрелять буду!

— Ах ты, заморыш тонконогий! — Рабочий в кожаной потертой тужурке оттолкнул плечом Бижевича, отодвинул от двери также и Платонова, распахнул обе половинки входа.

— Пошли, хлопцы!

Чекисты протиснулись к двери, сцепили руки и плечо в плечо встали у входа. Но человек десять самых отчаянных бузотеров уже проскочили в здание. Загрохотали коридоры на третьем этаже. Вольница быстро нашла дверь начальника охраны.

— Тут он, гад! — Разъяренные люди набросились на начальника.

— Как смеете! Вон отсюда! — Начальник потянулся к нагану.

— Мы все смеем! — Рабочий в куртке поднял молоток и грудью пошел вперед.

— Выпусти наших товарищей!

За ним двинулись остальные, окружили стол. Начальник затравленно метнулся к окну, рванул створки.

— Карау-у-ул!!!

Внизу кипела толпа с поднятыми кулаками. Сзади рабочий с молотком тянул за рукав.

— Пошли с нами!

— В подвал его! — кричали другие.

Начальник в припадке страха выбросился с третьего этажа. Толпа раздалась, и он шмякнулся на асфальт. Над ним тотчас сомкнулись люди. Замелькали кулаки. В ход пошли костыли,

зубила, железные прутья...

Мы с Васильевым — в толпу. За нами — Леонов и Бижевич. И нам кое-как удалось заслонить тело начальника, хотя по нашим спинам молотили кулаки. Подросли бойцы войск ОГПУ, оградили штыками разбитого начальника охраны...

Толпа начала расходиться, пряча глаза и стараясь миновать чекистов.

Платонов приказал немедленно освободить всех попавших в облаву.

При расследовании причин беспорядка было установлено, что начальник охраны дороги согласовал свои действия с Юзефом Леопольдовичем Бижевичем. Партийное собрание отдела ГПУ на железной дороге с пристрастием разбиралось в этой истории.

Бижевич, объясняясь с товарищами, как всегда, ударился в крайность:

— Наш вождь и учитель Владимир Ильич Ленин указывает, что всякий гражданин, похитивший пуд угля, — враг народа! Если организм болен, то мы обязаны отсечь зараженное место!

— погоди ты, Юзеф Леопольдович! — возражал Леонов. — Как же это своя, Советская власть сажает рабочего?.. За что сажает? За комок угля! Какая это политика к бису!

Но у Юзефа Леопольдовича на этот раз нашлось немало сторонников. Они говорили, что завод растаскивают по кирпичу. А комок угля — тот же кирпич!

Леонов не сдавался:

— Я не против того, чтобы наказать за воровство. Но я против таких методов. Чекисты — не дубинка против рабочего люда!

— Что же, мы должны гладить по головке зачинщиков забастовки? Простить самосуд? — не унимался Бижевич, жарко сверкая диковатыми глазами. — В стране решается вопрос: кто кого?.. И мы, чекисты, в решении его — первая скрипка!..

Сторонники крайних мер не получили поддержки партийной ячейки: Бижевичу было указано на его неправильное настроение. А на следующий день его вызвал Платонов.

— Вот шифровка из Харькова. Срочно разобраться с этой волынкой. Вы заварили кашу, вам и разбираться!

Юзеф Леопольдович занялся «бунтовщиками». Не зря вертелся он тогда в толпе рабочих. В камеру приводили одного за другим железнодорожников. Первым был рабочий в кожанке. На допросах Бижевич все пытался: кто подстрекал? От какой организации действовали?.. Но арестованные дружно твердили:

— Все шли, и мы шли!

Однако через неделю Юзеф Леопольдович положил на стол начальника дорожно-транспортного отдела ГПУ толстую папку.

— Прошу утвердить!

Платонов сочувственно смотрел на Бижевича: глаза ввалились, лицо приобрело цвет высохшего лимона, тонкие руки нервно подрагивали. Он все время покусывал тонкие губы.

— Юзеф Леопольдович, не поехать ли вам на юг?.. Сейчас там благодать! Фрукты. Жары нет. Море теплое...

Бижевич воспринял его предложение с большим удивлением и ответил с достоинством:

— Пока есть враги на нашей земле, я не имею права на покой!

— Что ж, не настаиваю. — Платонов раскрыл папку и бегло прочитал первую страницу. Поднял глаза: — Оставьте, товарищ Бижевич. Познакомлюсь подробнее...

— Из центра торопят, — напомнил Бижевич.

— Сегодня же займусь.

До глубокой ночи читал Федор Максимович «дело». Под утро приказал доставить из камеры рабочего в кожанке. Вскоре дежурный чекист ввел арестованного. Лицо хмурое. Глаза отрешенные. Движения безразличные. Платонов узнал в нем машиниста.

Выезжал он когда-то с бронелетучкой на подавление махновских налетчиков. Однажды вывез чекистский десант из самого пекла. Если бы не расторопность механика, то наверняка погибли бы... И в награду Платонов снял тогда с себя кожаную тужурку и подарил машинисту.

— Как же ты, Емельян, попал в бунтари?.. Сворачивай цыгарку. Махра — что надо!..

Машинист скрутил папиросу, затянулся дымом и глухо отозвался:

— Попал, Федор Максимович... И признание подписал. Умеет сукин сын тянуть жилы!

— Кто?

— Та следователь Бижевич...

В кабинет Платонова привели и остальных арестованных по «делу» угольных беспорядков. Лишь на рассвете закончилась беседа...

...Рано утром не выспавшийся как следует Бижевич прибежал в тюрьму.

— Как бунтари? Следователя не звали?..

Комендант удивленно поглядел на чекиста:

— А вы не знаете?.. Платонов приказал развести их всех по домам. Я сам машину наряжал.

Бижевич только ахнул и заторопился в отдел ГПУ.

— Поедем к народу! — сказал Платонов, как только Бижевич

появился в отделе.

К концу рабочей смены были они на собрании коллектива паровозного депо. Пришли туда и «бунтари». Федор Максимович рассказал мастеровым о том, что делается в стране, о состоянии здоровья Владимира Ильича, о том, как дела за кордоном, об ультиматуме Чемберлена, а закончил неожиданно:

— Массовые беспорядки, случившиеся на узле, выгодны только Чемберлену и его помощникам! Что делать с зачинщиками — ваше рабочее дело. Скажете — посадить, посадим — вина их доказана. Ведь человека покалечили. Сами проучите — не возражаем!..

Рабочие одобрительно загудели:

— Справедливо решила чека!

И выдали «бунтарям» на всю катушку. Те со стыда не знали, куда прятать глаза.

Бижевич нервно покусывал губы, но молчал. Лишь на впалых щеках полыхал румянец. А по дороге в отдел ГПУ сказал:

— Потакаете преступникам, Федор Максимович! Я обязан доложить обо всем в центр. Ставлю вас в известность!..

— Слушай, Юзеф, чего ты добиваешься? — спрашивал Бижевича наш Никандр. Он к тому времени стал секретарем партийной организации ГПУ.

— Хочу, чтобы враги советской власти перевелись! В классовых битвах компромисса быть не может.

— А если люди заблуждаются?

— Или с нами, или против нас. Иного разговора я не признаю, товарищ Фисюненко, я обязан доложить в центр!

— Запретить вам не имею права!

Прибыл особый уполномоченный из Харькова. Проверил. Его мнение совпало с мнением Бижевича. Снова арестовали Емельяна. Платонова обвинили в либерализме.

В то тревожное время строгие выводы были необходимы: троцкисты и оппозиционеры расшатывали основы партии, отвлекали народ от хозяйственного строительства. Плодились нэпманы, крупные спекулянты и валютчики. Суровые меры к участникам беспорядков подсказывала сама жизнь. И все же нас, рядовых чекистов, последствия этой истории не удовлетворяли: горький осадок остался в сердце!

— Давай, Семен Григорьевич, напишем в Москву! — предложил я Леонову.

Семен Григорьевич долго раздумывал. Крутил усы, лохматил чуб, расхаживал по комнате.

— Посоветуемся с Фисюненко — партийная власть наша..

Секретарь партячейки Никандр Фисюненко одобрил:

— Сочиняй, Володя, письмо! Встречаюсь с семьей Емельяна — душа горит. Глаза опускаю. А какой, к черту, чекист, если он стыдится людям в глаза смотреть!

— И за Платонова обидно, — добавил Леонов. — А ведь Федор Максимович столько добра сделал Бижевичу! Конечно, можно посадить Емельяна. А какой вывод народ сделает?.. Не бей начальников! А начальники?.. Это же сволочь, а не начальник охраны!.. Выходит — чекисты выгораживают... Эх! Пиши, Громов!

Письмо ушло в транспортный отдел ГПУ. Я не находил себе места: какой будет результат?. Леонов каждый день спрашивал: ну, как?..

А тут в нашу комнату Никандр Фисюненко влетает:

— Ты послушай! Это черт знает что! Вызывает меня Платонов и подает бумагу. Читаю: представление на Бижевича! Куда, думаешь?.. В школу ОГПУ!

— И ты согласился? — Леонов пристукнул кулаков по столу.

Никандр упавшим голосом ответил:

— Подписал. Понимаешь, Федор Максимович стал перечислять. Боевой чекист — не трус. На следствии — остер. Отказался от нэпманши, не ушел из ГПУ. А если еще подучить человека?.. Трудно, друзья, возразить: правда все! Может, и верно Юзефу ученье на пользу пойдет?..

А я думал о Платонове: молодец! Поступок его — достойный! Переступить через собственную боль. Верить человеку. Он хочет, чтобы у Бижевича оттаяло сердце. Свою обиду он зажал в кулак. И за Никандра мне было радостно: не умеет он помнить плохое!..

В Москве рассмотрели наше заявление и сочли возможным снять обвинение с машиниста. Никакой он не контрреволюционер! Его выпустили из тюрьмы. Отменен был пункт о либерализме Платонова.

Мы несказанно рады были этой маленькой победе. Во мне утвердилась вера: есть справедливость! Втроем — Платонов, Фисюненко и я — побывали в доме Емельяна, детишек одарили гостинцами.

Но Федор Максимович чувствовал себя неловко в Сечереченске. И вскоре уехал к новому месту службы. Провожали его гурьбой и с великим сожалением: сколько вместе пережито!

Бижевич был страшно зол: вышло не так, как он полагал! Позднее Никандр говорил мне:

— Бижевич выпрашивал о настроениях в отделении вашем. Мол, Васильев и Громов — друзья. На какой платформе дружба! Я ему сказал: сволочь! Надо было в харю плюнуть, чтобы не заводил слежку...

— Подлый он человек! — возмущался Леонов, — Такого учи

сколько угодно — свиньей останется.

Уехал Бижевич в Москву учиться — мы не пошли провожать.

Не затерялся и его давний дружок Вячеслав Коренев. Однажды мы с Васильевым встретили его в городе. Идет в черном котелке, модном костюме с бабочкой. Зашеина стала еще краснее, а глаза — наглые.

— Здорово, братва! — облапил он нас, обдавая ароматом дешевого одеколона. Угостил «пушками» — дорогими папиросами.

— Непманом заделался? — полюбопытствовал Васильев.

— Рабочий класс! — Коренев снял котелок, манерно расшаркался. — На скотобойне бойцом. Трах-а-ах между рогов — нет жизни! Ха-ха-ха! А ты, Громов, сделался совсем мужчиной. Бреешь бороду, бас прорезался. Жинка-то ничего, гарная?..

Неприятно было слушать его громкий голос, видеть его притворные ужимки, и мы поспешно простились.

— Коренева удовлетворяет новая жизнь. А я не смог бы. Без ЧК нет мне жизни, Вася!

— Мы с тобою, Володя, однолюбь!

Размышлять над судьбой Коренева у нас не было времени: в управлении железной дороги открылось весьма неприглядное происшествие. На станциях пропадали вагоны с продовольствием. Служба сборов не поспевала расплачиваться с владельцами утерянных грузов.

Новый начальник ДТО ОГПУ Макал Алексеевич поручил расследование мне. В помощь выделил Васю Васильева. А от дорожного отдела — старшего оперативного уполномоченного Павла Бочарова. Друг мой вернулся из Москвы. Его как орденосца выдвигали в начальники, но Павел отказался — напросился на низовую работу:

— Теорию подкреплю практикой!

— Имейте в виду следующее, товарищ Громов. — Начальник ДТО ОГПУ поглаживал лысую голову, смотрел мне в глаза так, словно сомневался, справлюсь ли я с поручением. — Советская власть, большевистская партия взяли курс на индустриализацию, хотят дать работу всем и решить вопрос — «кто кого?» в свою пользу. На пользу народа, значит. А на деле — шахтеры сидят без хлеба! А где хлеб? Пропадает на железной дороге. Раздражение. Недовольство советскими порядками. Говорю вам все для того, чтобы вы не просто ловили мошенников, а видели в этом большую политику. Ясно?..

— Понятно, товарищ начальник! — Я встал и принял от него тощую папку с первыми сигналами о преступлениях и приказом о передаче следствия мне. Поднялся и начальник, толстый, с

одышкой, с чуть раскосыми глазами.

— Возможно, крадут вагоны давно. Будьте готовы к большой проверке. Железнодорожники, пожалуй, не сразу хватились. В этом есть свои плюсы и минусы. Плюс — мошенники, почувствовав слабину, обнаглели. Нам легче! Минусы — они наловчились замечать следы. Вам труднее!.. Справитесь, товарищ Громов?..

— Сделаем!

— Сделать надо быстро!

— Постараемся. — В голосе моем нет уверенности. Да и что удивительного: первое столь крупное и сложное поручение!

От начальства вышел с тревожным чувством. Мне радоваться бы надо — доверие! А я как представил, что наша задача равнозначна исканию в стоге сена иголки, то и оторопь взяла.

По Екатерининской железной дороге в сутки проходили сотни и сотни вагонов. А где и который из них потеряется?.. Сотни станций, тысячи документов — вот путь поиска!

В службе сборов приняли нас не особенно приветливо. Служащий подал мне пять пухлых папок с претензионными делами:

— Это — за неделю. А вот тут — за год. — Он подвел меня к громоздкому шкафу, распахнул дверцы. Полки были заставлены снизу доверху такими же пухлыми папками.

С тяжелым сердцем приступил я к чтению бумаг. В папках хранились документы на все без исключения пропажи. Пришлось отбирать. Я спросил: нет ли отдельно на повагонные отправки? Служащий неопределенно хмыкнул, оглядев меня через пенсне.

— Вам все равно делать нечего — копайтесь!

Это что же, издеваться?.. Окинул я его невзрачную фигуру критически. Форменная потертая тужурка. Кривой нос с резкими закрылками ноздрей. Глаза старческие, тусклые. До локтей чехолики, чтобы рукава не протирались. Типичный чиновник старого времени. Может, он соучастник грабителей?..

А работник службы сборов словно догадался о моем настроении.

— Гепеушник думает: этот старикашка помогает вору! Молодой человек, у меня сына-буденновца гайдамаки срубили, а дочурку врангелевцы изничтожили. Так что не треба поперед батьки в пекло суваться...

Я покраснел и смутился, а он мелко засмеялся, и плечики его так же мелко тряслись.

— Ничего, молодой человек. Хе-хе-хе... Вы начинаете путь по земле, а нам уж, извините, пора... Поможем, чем можем!..

— Я еще зайду... — бормотал я, поспешно складывая в шкаф

папки.

На втором этаже вокзала в отделении ОГПУ меня дожидались Васильев и Бочаров.

— Пропадают мука, сахар, макароны, рис. Претензии идут со всей Екатерининской, — докладывал Бочаров медленно, поучительно оттеняя самое важное. Его прервал Васильев:

— Со всей Сталинской, Павел Игнатьевич. Привыкайте, дорогуша...

В одно время с переименованием Екатеринослава в Днепропетровск и железную дорогу называли Сталинской.

— Не отвлекайся по пустякам, Вася! — Бочаров перелистал тетрадку, исписанную карандашом. — Вот вагон ушел из Винницы, а в Славянск не попал. Вот из Смелы не дошел в Бахмут сахар, а из Белой Церкви в Кривой Рог — мука..

— Когда же это было? — Я удивился: успел же Павел где-то узнать!

— В мае — июне текущего года! Зададим себе вопрос: можно украсть вагон без железнодорожника?..

Васильев скептически усмехнулся:

— Можно, если на заводе.

Ему не по душе были эти долгие рассуждения. Он человек действия. Но я осадил друга:

— Брось трепаться, Вася! Павел прав. Кто грузит и кто знает о грузе — вот среда преступников.

Бочаров расхаживал по комнате, морщил лоб и почесывал подбородок — манера Павла обдумывать дело. Он ткнул Васильева локтем:

— Ты, горячка, скажи — куда девать ворованное?.. Не ящик и не мешок, а тысячи пудов сразу?..

Тут и Вася утихомирился, с уважением протянул:

— Го-олова-а-а!.. Склады требуются.

А я уже прикидываю: отобрать документы на пропавшие вагоны, взять на учет складские помещения. В губернии десятки городов и сотни станций, и всюду склады. Терпение нужно, пока разыщешь. Васильев горяч и скор на руку — не по плечу ему такая задача.

И в это время в комнату бурей ворвался Леонов.

— Дзержинский умер!..

— Когда?

— Отчего?

— Получена телеграмма ЦК и ЦКК партии. Скоропостижно скончался от разрыва сердца. Громил сволочных уклонистов! А ему волноваться никак нельзя... Такой человек сгорел!

Леонов уронил голову на стол, почувствовав себя сиротой.

Мы привыкли связывать все хорошее в нашей жизни чекистов с именем Феликса Эдмундовича.

Нарушил молчание Бочаров.

— Давайте проведем операцию быстро! В память о Дзержинском.

В нашем положении долго переживать не приходилось: дело звало!

Павел был знаком с городами губернии лучше нас, и ему легче было связаться с местными чекистами, без помощи которых взять на учет склады не представлялось возможным. А я и Васильев должны были в архивах найти ответ: какова механика воровства?..

— Сухари вы! — неожиданно сказал Леонов, поднимая голову. — Деляги!

Васильев потянулся до хруста в суставах, охватил нас ручищами, притянул к себе и сказал:

— Пошли ко мне! Леонов, давай с нами!

Мы с Павлом Бочаровым завернули ко мне на квартиру и взяли с собою Анну Ивановну и мою дочку Светланку.

Женщины на скорую руку накрыли стол. В скорбном молчании мы почтили память великого правдолюбца, незабвенного Феликса.

— Душевный человек ушел! — вздохнул Бочаров.

В Москве Павел оправился от ранения, но по-прежнему был худой и нескладный. После гибели Оксаны стал еще более замкнут. Вмятина на щеке, полученная в Сибири, выделялась бледно-розовой маленькой розеткой с оборванным лепестком.

— За честность во всем! Феликс Эдмундович, по-моему, был самым честным человеком. Кристально честным! И верил людям. Сильно верил. По себе знаю... Помните, мне поручили дело Семена Олейника. Два дня дал тогда Платонов... Верите, я две ночи не спал, все распутывал клубок и выбирал, где ложь и где правда. Сам мучился. Каждый час ожидания в заключении — это час человеческого страдания. Ведь Олейник знал, что ему сулил Коренев. Смерти своей ждал. Эх, сейчас кое-кто легко относится... Поставьте себя на место арестованного. Посидите час за решеткой. Только мысленно вообразите: вас ждет смерть! И если это без вины...

Такие же думки тревожили и меня! Я обнял Пашку за плечи:

— Клятву не забыл?

Павел понял и крепко сжал мою руку. Ответил восточной присказкой:

— Человек с друзьями — как цветущая степь. Человек без друзей — как пустая горсть!

Работник службы сборов знакомил нас с порядком оформления документов:

— Отправитель вагонов составляет накладную, где указывает род груза, пункт назначения и получателя — организацию, учреждение, предприятие или частное лицо, которому предназначается товар. Если все благополучно, эти документы после раскредитования поступают в финансовую службу управления дороги. Ну, если пропажа — к нам, в бюро претензий. Вот, извольте, претензионные дела! — он растворил дверцы шкафа. И на нас глянули корешки, наверное, тысячи папок.

Василий Михайлович почесал затылок.

— Елки-моталки!

— А вы, молодые люди, газету «Правду» читали?..

По совести признаться, чтением не всегда удавалось заниматься. И в тот раз мы отвели глаза. Но старикашка был настойчив.

— Тут, товарищи, о Дзержинском пишут. — И подал нам «Правду».

Мы углубились в чтение.

«После Фрунзе — Дзержинский. Старая ленинская гвардия потеряла еще одного из лучших руководителей и бойцов. Партия понесла еще одну незаменимую потерю», — писалось в газете.

Каждое слово статьи отдавалось в моем сердце. Мы с еще большей остротой чувствовали, какая ответственность легла на наши плечи, плечи коммунистов. Стремление было одно — лучше делать свое дело! И с особенным рвением принялись мы разматывать клубок хитрых махинаций с кражей грузов.

Больше все-таки было мелкого воровства: чемодан, ящик, мешок, баул. И на все эти случаи утраты акт, объяснение и приказ. И все это в папках. И все это проходило перед нашими глазами! Не день, не два — недели ушли на разбор пыльного «добра». Меня то и дело тревожили в ГПУ:

— Скоро?

А что ответить?.. Копаемся дни и ночи. Находим накладные, по которым кто-то изменял путь вагонов. Переадресовка — на предъявителя. Это значило — получай, кто желает! Факты, как правило, давние, полгода, год, а то и два. Ищи ветра в поле! Росписи получателей — закорючки!..

— Организации, которым вновь назначались грузы, проверили? — поинтересовался начальник ДТО ОГПУ, по привычке потирая лысую голову.

— Руки не дошли, Макар Алексеевич.

И снова на меня уставились пытливые глаза: как же ты, товарищ, не сообразил?..

Васильев выехал в пункты, куда были посланы товары. Вернулся очень быстро. Докладывает:

— Вагон сахара следовал в Юзовку. Переслали в Знаменчу. Адрес новый — рафинадный синдикат. Но в Знаменче нет и в помине такой организации! А груз кем-то получен... Вот мука. Сперва назначалась потребиловке шахтеров, а потом — Бердянску. Союзу незаможников. В городе нет такого союза. А мука уплыла! Роспись в получении — загогулина!.. Хорошо воруется. Приятно иметь дело с умными людьми!..

Я с благодарностью думал о Макаре Алексеевиче, который подсказал нам пути поиска. Мои размышления прервал работник службы сборов.

— Два вагона макарон пропали! — кричал он по телефону. — Свежие акты поступили!

Какая-то сволочь крадет у людей еду. Наживается на наших трудностях. Лишает наших детей счастья. Это же убийство из-за угла!..

Злость подлых грабителей вела нас по кипам документов, заставляла торопиться, не давала покоя ни на минуту. В глазах рябило от цифр, букв, росписей. Ночами перегруженный впечатлениями мозг воссоздавал причудливые сплетения вагонов вермишели, заляпанных чернилами актов, детских ботиночек...

Но вот огромная, как скатерть, ведомость готова! Несем ее к Макару Алексеевичу. Даже беглый просмотр свидетельствует: почти все таинственно исчезнувшие вагоны изменяли путь в Сидельникове.

— Это логично: рядом Донбасс! — раздумчиво говорил начальник ДТО ОГПУ. — На шахтах частые перебои с хлебом. Детишки горняков месяцами не видят сахара и конфет. Хозяевам не из чего приготовить обед. Вот вам и политика! Хитро делается.

— Политика — это сконцентрированная экономика! — щегольнул Васильев.

Начальник ДТО ОГПУ скривил губы в усмешке...

— Похвальная цитата. А за всем этим — люди. Кто они?..

Бочаров обычно бывал всегда опрятным, а в дни поисков шайки грабителей являлся в отдел в мучной пыли, от него пахло ржавой селедкой или керосином. Ребята зажимали носы.

— Не в золотиноши ли ты, Пашка, пристроился?..

А Павел Ипатьевич делал свое дело планомерно и терпеливо. На ноги поставил весь чекистский актив. Обратился в партийные ячейки за помощью.

И вот у начальника ДТО ОГПУ на столе полный перечень подвалов, лабазов, амбаров, которые могли быть использованы для хранения ворованных продовольственных и промышленных товаров. Наибольшие возможности — в Бердянске! Морские причалы, береговые пакгаузы, купеческие лабазы..

Подводя первые итоги, начальник похвалил нас:

— Правильно ухватились! Пункт свершения незаконной операции найден — Сидельниково. Место, где могут прятать украденное, — налицо. Начнем второй этап: кто это делает?.. Ваше решение, товарищ Громов.

— Выяснить, с какими поездами прибывали исчезнувшие вагоны и с какими уходили на Сидельниково. Кто был главным кондуктором — они знают содержание поездных документов, следовательно — род груза.

Васильев ахнул:

— Да на каждом поезде по шестнадцать кондукторов! И еще смазчиков прибавь!

В те времена еще не было автоматических тормозов, на каждой площадке вагона в поезде ехал младший кондуктор. По сигналу машиниста он тормозил состав вручную.

— Как ни сложно, а проверять надо! — заключил начальник ДТО ОГПУ, согласившись с моим предложением. Потом сказал:

— Есть одно место, поедете учиться?..

Занятый думами о предстоящем деле, я не сразу понял, о чем спрашивает Макар Алексеевич. И он повторил:

— Учиться в Москву поедете?

Сколько раз думалось об этом! И в тот короткий миг все это, наверное, отразилось в моих глазах. Начальник тепло улыбнулся:

— Ясно! Заканчивайте операцию в срок и — в Москву!

— А срок? — встревоженно спросил я.

— Недели две — не больше.

— Так он же теперь загоняет! — Васильев шутливо толкнул меня: он был рад.

— Успеха вам, товарищи! — Начальник пожал нам руки. — А Павлу Ипатьевичу нужно заняться крупными селами, прилегающими к железной дороге. Преступники могли вывозить краденое не обязательно в города. Подстраховаться надо!

— Согласен, Макар Алексеевич.

И Павел Ипатьевич снова исчез на многие дни: Сталинская железная дорога пересекала сотни крупных селений. Проверить их не просто!..

В Сидельниково мы приехали под видом ревизоров из управления Сталинской железной дороги. Тут пересекались пути

четырех направлений.

Васильев взялся проверять восток и запад, а мне достался юг и север.

Опять кипы документов. И мы день за днем, час за часом прослеживали движение вагонов по станции. Приходилось сверять сотни фамилий. Васильев, копаясь в потрепанных бумагах, бурчал:

— Милое дело — кольт в руки, шашку — через плечо и на коня! Ясное дело — бей врага! А тут — черт-те что! Ползай, как крот...

Но ничего не попишешь: искать воров надо! Сроки истекают. Преступники на воле, грабят народ нагло...

Свалишься в кровать глубокой ночью, а перед глазами путаные линии графиков, полустертые фамилии, разноцветные строчки и полосы... И закрадывается сомнение: может, путь избрали неверный?.. Может быть, работа впустую?.. Пока копаемся, грабители пронюхали, что пахнет жареным, и убрались подальше от Сталинской дороги?..

— Ты, Громов, псих ненормальный! — отмахивался от меня Васильев и прятал голову в подушку. Через минуту храпел, будто мотор трактора захлебывался.

А я засыпал под утро со свинцовой головой и множеством сомнений.

Наконец сверяем свои записи: восток — запад и юг — север. Обмениваемся повеселевшими взглядами. Хлопаем друг друга по спинам. Радостно притопываем. Причина одна: Нестеренко! Во всех случаях переадресовки пропавших грузов фамилия главного кондуктора Нестеренко!

Смеется Васильев, тискает папки в шкаф.

— Хорошо ведут документы! Пойдем к начальнику станции, спасибо скажем.

Делаем озабоченные лица и вваливаемся в служебный кабинет — ревизоры! Начальнику станции приятно, что проверка прошла благополучно и его не шпыняют.

А наши сердца в Сечереченске: кто этот Нестеренко? Как назло, пассажирские поезда задержались где-то на перегонах. Мы — на тормозную площадку угольной вертушки и — с ветерком! Васильев всю дорогу песни орал. Сошли в Сечереченске, словно негры неумытые — черные от пыли. Бороды небритые...

Перешагнул порог: Аня обрадовалась, чмокнула в щеку, а малышку на руки не дала.

— В баню!

Светланка лепечет что-то, тянется к папке. И сердце мое

обволоклось теплотой. Приласкаться к жене, повозиться с дочкой..

В баню пошли вместе с Васей. Отпарились. Отмылись. Завернули в парикмахерскую.

— Освежить? — спрашивает мастер.

Мне виден Вася в зеркало. Взглядом спрашиваю: попробуем?.. Глаза у друга плутовски посверкивают. И я решаюсь:

— Давай.

Выходим на улицу, а от нас несет одеколоном, как от нэпманов. Озабоченно спрашиваю:

— А если секретарь партиячейки узнает? Одеколон — буржуазные штучки.

— Бис его знает, наверное, попадет! — Васильев насвистывает: «Смело мы в бой пойдем»...

Зашли к Васильеву. Клавдия Евстафиевна угостила крепким шипучим квасом — благодать! Вася просительно глянул на жену:

— На минутку по делу, Клавочка.

Клавдия Евстафиевна сердито отвернулась к окну, теребит фартучек, готовая расплакаться:

— Какая уж минутка!

— Ты же у меня умница, Клавочка! — подлизывается Вася и подмигивает мне: смывайся!

И мы за дверью.

— Ну, ты домой, а я — проверю! — Васильев кинулся к трамваю и на ходу вскочил в вагон.

У меня дома — песня та же.

— В кино Веру Холодную показывают, — говорит Анна Ивановна и вопросительно смотрит на меня. А я — на часы: Васильев должен вот-вот вернуться из губчека с данными о Нестеренко.

— Володя, годы уходят. А что я вижу с тобою?.. — Анна Ивановна сердито берет на руки Светланку. — И ночью тебя нет, и днем ты на работе. Девочка папку скоро не узнает... А годы уходят...

И впрямь — мне уже 24! Я казался себе стариком. Появились морщины.

— Будем, Нюся, ходить в кино каждый день!.. Кончим одно дельце... Сама знаешь, работать вполсилы не умею...

— Эх, ты, горе мое луковое! — сквозь слезы улыбается Анна Ивановна.

В окно ей видно было: в наш подъезд вошел посыльный из ОГПУ.

— Вас вызывают!

Подбрасываю девочку на руках, щекочу ее. Светланка

заливается смехом. Целую толстенские ручки...

В вокзальном кабинете Вася Васильев, чистый, побритый, наглаженный и пахучий, молча встал из-за нашего общего стола и серьезно докладывает:

— Живет в нагорной части. Улица Чичерина. Дом собственный. Во дворе сарай-каретник. Усадьба на две половины. Брат живет за стенкой. Дядьки — пахать вполне можно!

— Когда ты успел, Вася?

Друг мой подмигнул:

— Не зря хлеб едим с квасом!.. В доме три свиньи, двор полон кур и утей. Две ломовые лошади. Две телеги — площадки на резиновом ходу. Сбруя с колокольчиками — честь честью!..

Вот когда пригодились обширные Васины знакомства! Я изумлен его ориентировкой. Но для порядка спрашиваю:

— Не спугнул?..

— Да нет! Хлопцы мне рассказывали, «бракка» извозничья.

В дальнейшем было установлено, что в царское время братья Степан и Егор занимались частным извозом на товарной станции. После революции Степан Иванович подался на железную дорогу — дружки прежние устроили. Сначала был младшим кондуктором, потом — старшим и, наконец, назначили его главным кондуктором для сопровождения товарных поездов. А Егор Иванович все так же был ломовым извозчиком и якшался с нэпманами.

— Но они, по-моему, пешки — сомневался начальник ДТО ОГПУ, выслушивая наши доклады. — Ищите ферзей да королей!

— Это кто такие? — шепотом спросил Васильев.

— Есть такие фигуры в шахматах, — так же тихонько пояснил Павел Бочаров.

— Выдумают же буржуи! — чертыхнулся Васильев.

Когда мы вышли от начальника, Вася тронул Бочарова:

— В какой стране живут те маты и шахи?

Павел расхохотался:

— Игра такая умственная, чудак!

Васильев без улыбки отрезал:

— Нечего зубы скалить! Игру-у-ушка! Грабителей искать треба швыдче! Ко-о-рроли-и-и...

Честно признаться, и я не особенно разбирался тогда в этой игре. Как-то вечером Бочаров принес доску и фигуры деревянные, показал, как нужно ходить ими и какой смысл игры. В Москве выучился.

Нам игра не понравилась. Васильев повертел в руках резных короля и ферзя:

— Найдем и вас!

Бочаров посмеялся и достал из внутреннего кармана френча маленькую книжку в твердом переплете.

— Понимаете, друзья, генерал Слащов написал про врангелевский Крым. Оправдывается.

— А где он? — озабоченно спросил Васильев, готовый идти и арестовать генерала-палача.

— Служит в штабе Красной Армии! — срезал нас Павел. — Проклял свое ужасное прошлое, порвал с белогвардейщиной и в 1921 году попросился в Советскую Россию. Книжку его открывает письмо Дмитрия Фурманова. И вот одно любопытное место...

Павел пролистал книжку, нашел нужную страницу.

— «В области специальной вожаки врангелевцев, разумеется, были большими мастерами. И провели против нас не одну талантливую операцию, — читал Бочаров фурмановский текст. — И совершили, по-своему, немало подвигов, выявили немало самого доподлинного личного героизма, отваги и прочего. Красная Армия имела перед собою не случайный сброд и не военный кисель, а организованного, стойкого сильного, часто отважного и решительного, прекрасно обеспеченного врага, имеющего богатейший заморский тыл. Потому она и героическая, Красная Армия, что даже такого врага, а повалила, придушила, сбросила...»

Я слушал Павла и думал: как точно подметил писатель суть нашей борьбы с контрреволюцией. Чекисты не раз терпели неудачи, не однажды враги были хитрее нас. И все же в итоге наш, советский верх!

— Советую почитать, братцы, эту книжонку. Своего противника нужно знать, — говорил Бочаров. — Кому первому?..

Метнули жребий: фуражку на стол, в нее две бумажки! Васильев тянул первым. Развернул и с огорчением сказал:

— Везет тебе, Громов!

...Васильева мы посадили к дежурному по станции Сечереченск. Как только вызовут Нестеренко в поездку, чекист должен был дать в ОГПУ сигнал.

Раз сопроводили Нестеренко — ничего. Второй — опять без результата! Вел себя главный кондуктор как положено. Бочаров, ездивший наблюдателем, начал сомневаться: может, ошиблись и напрасно тратим время?..

— Эти братья батьку родного голодом уморили! — уверял нас Васильев. — Давайте караулить продовольственные поезда. Обязательно клюнут! Эти Нестеренко — живоглоты!

И он был прав. 10 августа Васильев забежал в отделение ОГПУ как угорелый.

— Пашка! В поезде жмых и кукуруза.

— Не подойдет, — все не верил Бочаров. — Кому нужен такой товар?..

Пока спорили, поезд тронулся. Мы пулей выскочили на перрон. Я вцепился в первую же тормозную площадку и с силой поднялся. Павел Бочаров бежал рядом с поездом, выбирая площадку, поймал подножку и повис на руках.

— Сорвется! — перепугался я, издали наблюдая, как Бочаров силится подтянуться. Он все же забрался на тормозную площадку.

До Сидельникова поезд не остановился ни разу, и мы спокойно доехали. Нестеренко вел себя точно так, как предусмотрено инструкцией: на ходу осматривал состав, подавал сигнал «тормози» младшим кондукторам, когда поезд шел под уклон... Но нас это не успокаивало. К тому времени чекисты точно установили, что Степан Иванович Нестеренко имеет свободные деньги. Его жена под большие проценты выдает ссуды нуждающимся соседям. А таких было немало. В Сечереченске, как и по всей стране, все еще действовали биржи труда с очередями желающих работать, немало людей довольствовалось случайными заработками. И бедные люди вынуждены были брать деньги займы, а Нестеренко наживался на чужом несчастье. Это и убеждало нас: главный кондуктор причастен к хищению грузов на железной дороге!..

...Вот побежали по сторонам полотна зеленые посадки — акации, остролистый клен попеременно с сосенками и кустарниками бузины. Скоро Сидельниково! Глаз не сводим с Нестеренко.

Поезд остановился на крайнем пути, обрамленном посадками. За ними — зеленая лужайка и на ней — столбы в штабеле. Я спрыгнул на ходу, нырнул в заросли желтой акации, обдирая руки о колючки. Павел Бочаров в отдалении остался следить за главным кондуктором.

Нестеренко, вместо того, чтобы спешить к дежурному по станции с поездными документами, скрылся вслед за мною в зарослях акации. У меня заколотилось сердце учащенно, как у охотника, увидевшего дичь.

С другой стороны, от Южного парка, на лужайку к столбам вышли двое мужчин. Хорошо одеты, мордасты. Встретились с Нестеренко как добрые знакомые. Присели на столбы. Высокий, с перекошенными плечами мужчина вынул бутылку водки из черного портфеля, а Нестеренко из своей кондукторской сумки — краюху хлеба и пучок зеленого чеснока.

— «Зря столько старания! — с сожалением думал я, видя как распивают водку на столбах. — Обыкновенные пьянчужки! Наверное, извозчики-приятель». Но что это?..

Из той же кондукторской сумки Нестеренко достал вагонные документы. Все трое о чем-то жарко заспорили. Главный кондуктор хлопал ладонью по накладным, стараясь, должно быть, убедить в чем-то своих сообщников. Те отрицательно качали головами. Перепалка длилась минут пять. Главный кондуктор подхватился и громко крикнул:

— Пить больше не буду!

И быстро пошагал к вокзалу. Мужчины выпили водку из горлышка, зажевали хлебом и перышками чеснока. Отряхнулись и пошли через станционные пути в поселок.

— Видел? — спросил я Бочарова. — Веди этих двоих!

А сам заспешил к вокзалу: не упустить бы Нестеренко. Он как ни в чем не бывало сдал документы дежурному по станции и ушел отдыхать в бригадный дом, «брехаловку», как называли его железнодорожники. Мне пришлось караулить.

Солнце припекало — веки слипались. Так и промаялся, пока Нестеренко не вызвали в обратную поездку. И опять я на вагонной площадке «вел» его до Сечереченска.

Васильев ждал меня в ОГПУ с огромным напряжением.

— Ну как, Володя?

Я рассказал ему все, что узнал и увидел.

— Короли, наверное! Жмых им не по носу, — оживленно говорил Василий Михайлович. — Пошли к Макару Алексеевичу!

Тот не разделил наши восторги.

— Мало похоже — водку жрут из горлышка. Жулики обыкновенные. Короли в тени стоят. Я так считаю. Вернется Бочаров — прояснится...

— Без фантазии наш начальник! — ворчал Васильев, вернувшись в отделение ОГПУ.

А мне нравилось спокойствие Макара Алексеевича, трезвость суждения его. И я перенимал его манеру. Даже побрил голову, чтобы поглаживать ее так, как это делает мой начальник.

День прошел — не вернулся Бочаров. Вторые сутки — нет Павла!

Мы всерьез всполошились — бандиты могли укокошить запросто! Послали запрос по станциям... Наконец, спустя трое суток, явился наш Бочаров.

Васильев с ходу атаковал его:

— Кто они?

Павел устало потянулся, плюхнулся на диван с продавленными пружинами, который стоял в углу нашей комнаты.

— Спать, братцы, хочу!

— Брось тянуть! — взорвался Васильев.

— Вася, не кипятись! Вел я их до Бердянска. Живут прилично — непманы. Обратился в горотдел ОГПУ. Помогнули: Кузьма Моисеевич Селиверстов — один, а другой, с перекошенными плечами, — Измаил Борисович Петерсон...

Я даже подпрыгнул на стуле.

— Кто?

— Петерсон, король сахара. Так зовут его в городе. В гражданскую войну тайно спекулировал сахаром и золотом.

Васильев припомнил:

— Брали его. Бижевича провел, как мальчишку, — выбил доски клозета и ушел, скотина. А вышки тогда ему не миновать бы! Вез три фунта золота...

Как же я не признал его в Сидельникове?.. Тогда он был ражен под мешочника, а теперь — шикарно одетый преуспевающий торговец. Отъелся, обнаглел.

Бочаров потирал красные от бессонницы глаза. Волосы не чесаны три дня. Простенький костюм измят и в пыли. Позевывая, Павел добавил:

— Был и третий тип. Шрам на лбу. Но упустил на вокзале в толчее. Как сквозь землю провалился! По-моему, то был Квач...

— Со шрамом не раз встречался! — воскликнул я, вспомнив Пологи и Черного Ворона. — Он на почтовом поприще подвизался. Ну, товарищи, Макар Алексеевич прав! Ферзи и короли за этим делом стоят. Если со шрамом — мой старый знакомый, то ниточки выведут нас за кордон. Помнишь, Вася, в 1920 году мальцы навели нас на «малину» Терентия? Ведь чуть не застукали почтаря! Ушел, гад, со Щусем. А когда брали Черного Ворона — вновь ушел...

— Ловкий — сколько лет не дается! — Стойко боролся Павел со сном, но не устоял. Мы прикрыли его шинелью, а сами пошли на доклад к начальнику, наше сообщение он принял заинтересованно.

— Как же они встретились в Сидельникове, если Нестеренко живет в Сечереченске, а его соучастники — в Бердянске?.. Договорились? Списались?.. — Макар Алексеевич смотрел строго, и мне почему-то думалось, что он все не доверяет мне. Да и в самом деле, вопрос его застал нас врасплох.

— Это наш промах! — резко заключил Макар Алексеевич и пристукнул по столу: — Взять на учет каждый шаг всех членов семьи Нестеренко. О бердянских — сам позабочусь! И еще одно. Осмотрительность! Ни в коем случае не спугните!

Возвращались мы к себе в отделение ОГПУ на вокзале, как в воду опущенные. Оказывается, узнаны лишь какие-то точки, по которым даже общую картину преступления пока нельзя

составить. А мы возомнили себя победителями!

Я казнил себя, наверное, больше, чем Васильев и Бочаров вместе взятые. Первое самостоятельное столь крупное задание и все — неудачи. Учили же меня, что даже маловажное дело нужно расследовать со всей тщательностью, предусмотрительностью, как самое крупное и тяжкое! Ведь члены семьи Нестеренко могли встречаться с тем же человеком со шрамом или другими участниками шайки. А мы следили только за кондуктором! «Зря доверили мне такое дело!» — пришел я к выводу.

— Лаптями были мы, лаптями и остались! — сердито сказал мне Васильев, когда поздно ночью шли домой. Чувствовал себя он прескверно.

А дня через три меня опять вызвали к Макару Алексеевичу. Шел я к нему с тоской на сердце: дело не продвинулось ни на шаг. Меня съедала мысль о том, что дельцы, наверное, продолжают воровать народное добро. И все по моей вине. «Откажусь, пусть наказывают, но поручат дело более толковому оперативнику!» — решил я окончательно.

— Садись, Владимир Васильевич! — Начальник ДТО ОГПУ занес руку над лысой головой и тотчас отдернул: — Фу ты! Понимаешь, заставляю себя забыть эту неприятную привычку. Жена уже посмеивается: «Почеши лысину!» А ты чего побрил голову?.. Врачи говорят, что частое бритье способствует облысению. Тебе, брат, нужен еще чуб!..

Я будто впервые за время совместной службы увидел своего начальника. Глаза светлые, улыбчивые, как озерки в тихую погоду. И губы припухлые, словно у мальчишки. Он расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки с двумя ромбами на петлицах и, мягко улыбаясь, спросил:

— Как дела, пинкертон?..

— Неважные, Макар Алексеевич. Поручите это дело..

Но начальник прервал меня, подвигая телеграмму:

— Это, пожалуй, по вашей части, товарищ Громов?

На форменном бланке было три слова: «Буду шестнадцатого Степан». Адресована депеша в Бердянск на имя Петерсона.

И сразу переменилось мое настроение. Я с чувством пожал руку начальника. А он всколыхнул свои глаза-озерки:

— Вы что-то говорили насчет дела? Поручить кому-то?

— Это я думал... решил... — путанно заговорил я, но начальник понял мое состояние:

— Не промахнитесь, хлопцы! Крупная рыба лезет в сети. Вас-то могли уже заметить. Придумайте что-либо, но не отпугните.

На крыльях летел я в отделение ОГПУ. Завалил Васильева на диван и почему-то стал тереть ему уши. Но Васю не так легко

побороть. В одно мгновение я очутился на полу. Васильев коленом на грудь:

— Признавайся, в чем дело?

— Сдаюсь!

Когда я рассказал ему о телеграмме и о предупреждении начальника, он проговорил:

— Есть у меня смазчик. Вместе когда-то стрелочниками трубили. В гражданскую — бандюков ловили. Он в бригаде Нестеренко. Попросим приглядеть.

— Действуй, Вася! Остороженько. Крупная рыба лезет в сеть. — Я погладил свою бритую голову. И тотчас отдернул руку. — Понимаешь, жена уже смеется: «Почеши лысину!» Ты, Вася, не вздумай брить!

— Я что, полоумный?..

Павел Бочаров заранее отправился в Сидельниково, чтобы взять под наблюдение лужайку со столбами. Мы были почти твердо уверены, что там обусловленное сообщниками место явки. А я все же рискнул еще раз проехать с Нестеренко в поезде...

Шестнадцатое августа выдалось на редкость солнечным и тихим. Встал я рано утром. Анна Ивановна с вечера приготовила завтрак — два яйца всмятку. Наскоро перекусив, взялся за кепку. Анна Ивановна вышла проводить меня, поцеловала в щеку.

— Ты найди возможность пообедать. Не мори себя!

А я мыслями сыт: наконец схватим преступников!

Оделся я во все гражданское, как рабочий парень. Серая с пуговичками кепка, брюки в клеточку и косоворотка с поясом.

Прилег в кювете, дожидаясь пока отправится поезд. Вот смазчик, которого Васильев предупредил обо мне, громко засвистел — сигнал! Вдали загудел паровоз — и мы поехали. Где-то впереди Нестеренко. Рядом с ним на площадке — смазчик. А еще дальше от головы состава — я. Беспокоюсь: все ли предусмотрели!...

На станции Игрень смазчик копался в буксе вагона до тех пор, пока не тронулся поезд. Придерживая большую масленку, смазчик побежал рядом с площадкой главного кондуктора.

— Поддержи! — крикнул он Нестеренко.

Тот подхватил масленку, а смазчик привычно вскочил на ступеньку.

— Ух, едва не угодил под колесо!

— Что там с буксой? — спросил главный и недовольно отодвинул от себя масленку.

— Подбивку завернуло. — Смазчик, как мы и условились, следил за каждым шагом Нестеренко.

Поезд набрал скорость. Качало вагон. Ритмично стучали

колеса. И смазчик весело посвистывал.

— Благодать-то какая!

Рядом с поездом бежали побуревшие к осени поля и левады, обсаженные вишнями да акациями, белобокие мазанки с соломенными крышами. Ветряк на холме хлестко вертел полотняными крыльями.

А Нестеренко, как видно, все это приелось. Он присел на лавочку посередине площадки, раскрыл кондукторскую сумку и стал перебирать документы.

— Сунуть як попало — и нехай! — ворчал он. — Не свое — делают, абы как. Этим девицам одни кавалеры на уме. А с нас — спрос... То не так, другое негарно...

Главный кондуктор сортировал документы, и смазчик заметил, что две накладные с дорожными ведомостями тот быстро опустил в карман форменной куртки. Уложив все бумажки на место, Степан Иванович благодушно подал кисет смазчику:

— Запалимо, щоб дома не журились!

Закурили и молча смотрели на густые посадки, пожелтевшим валом тянувшиеся вдоль железной дороги. Вдали поднимался в небо темный дым — признак города.

— Добре, що Сидельниково зараз. Живот крутит!.. Утром глечик кислого молока опростал. И вот гоняю почту! — жаловался Нестеренко, высматривая что-то впереди.

Едва поезд замедлил ход, как Степан Иванович подхватил сумку и бросился в кусты акаций. Крикнул смазчику:

— Сдавай поезд, я зараз!

Нестеренко поспешно перешел полянку и сел в кустах. А там уже был Селиверстов. Его с утра держал на глазах Бочаров.

Что-то коротко проговорив, Селиверстов бросил на колени черный портфель. В руках оказалась чернильница-непроливашка. Нестеренко торопливо вынул чистые бланки накладных. Селиверстов быстро заполнил их. А два документа из кармана главного кондуктора переложили в портфель. Вся эта операция заняла не больше пяти минут — рука набита!

Нестеренко подхватился и вышел из кустарников, одергивая тужурку и поправляя брючный ремень. Ушел и Селиверстов.

Как тень двинулся за ним наш Павел. А я — к начальнику станции.

— Можно проверить поездные документы?..

— А-а, ревизор. Здорово! Що зачистил, случилось щось?..

— Служба!

— Ото морока! И колы ото мы переделаем все дела?.. — Начальник станции принес документы.

Все они были в полном порядке. Печати, штемпеля, подписи

не вызывают сомнения. Лишь две накладные и дорожные ведомости к ним отличались тем, что были совершенно новенькими — не потеряны, не замазаны. Они были составлены на два вагона с ржаной мукой в адрес рыбокооп станции Бердянск. Получатель — предъявитель! Я ликовал; все идет, как мы и предполагали.

— Эти вагоны когда отправите? — спросил я начальника станции.

— К вечеру, товарищ ревизор.

Пока я возился на станции, Павел Ипатьевич «довел» Селиверстова до вокзала. Пришлось идти в буфет — делец был гастрономом: обедал часа три!

С первыми сумерками Селиверстов купил билет и с пассажирским поездом выехал к морю. В другом вагоне отбыл туда же и Павел Ипатьевич.

Мне же пришлось почти сутки мытариться в Сидельникове. Кто-то искусно толкал вагоны с ржаной мукой в тупики, потом включал в составы и снова отцеплял. И если бы я не следил неотступно за вагонами, то запросто потерял бы их.

Со вторым сборным отправили муку в Бердянск.

Еду опять на тормозной площадке. Можно соснуть. Прилег. В кармане что-то мешает. Полез: небольшой сверток. Развернул — кусок булки с салом! При свете луны теплым словом вспоминаю мою Анну Ивановну. Съел все до крошки!..

В Бердянск прибыли к обеду. Я заспешил в товарную контору, показал кассиру свое удостоверение ревизора и присел рядом.

У окошка уже стоял верткий, черный от загара рыбак в широкополой шляпе и лоснящемся пиджаке, с кожаными рукавицами под мышкой. Он настырно тарабанил в окошко кассира:

— Открывай!

Рыбак предъявил доверенность на право получения груза.

Товарный кассир — рябая, загорелая до черноты женщина в красной косынке — вертела в руках доверенность рыбака.

— Откуда у нас такая организация?..

— Страна растет, гражданочка! — Рыбак мелко засмеялся. — Отсталый вы, извиняйте, элемент. Политграмоте треба вам учиться!

— Бери квитанцию, грамотей! — обиделась женщина.

Ушел верткий клиент, а кассир обратилась ко мне:

— Убей, не знаю, где этот рыбокооп. Городок-то — два плетня на трех кольях!.. Вы, товарищ ревизор, не подскажите?..

— Раз груз прибыл, значит, есть такой получатель, — ответил я и поторопился к вагонам с мукой. Черт-те какой фортель

выкинут грабители!

Железнодорожники подали муку в морской тупик. Туда потянулись подводчики. За ними — грузчики засновали, словно муравьи. Пустые мешки у них на головах, как башлыки. Мешки с мукой понесли на телеги. Верткий загорелый рыбачок распоряжался, куда отвозить товар.

Бочаров успел предупредить местных товарищей, но им пришлось мобилизовать весь актив — муку увозили в шесть разных складов. Надо было «засечь» все пути ворованного!

Павел находился в кабинете начальника городского отдела ОГПУ и волновался:

— Селиверстова и Петерсона не упустили бы...

Начальник покручивал сивые усы и шурил хитроватые глаза:

— У нас все як ти часы! Перший биля морского порту, на лабазе. Мешки считает. То — Селиверстов. А другой — у куркуля, що витряк за городом мае. Мои хлопчики прицепились, так намертво!

— Человека со шрамом нет! — сокрушался через минуту Павел.

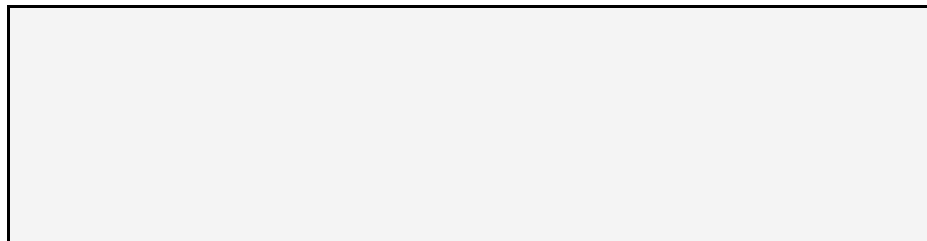
Я тоже лихорадочно думал о том же. Есть наводчик. Есть подручные. Есть, наконец, главные воры. А кто их вдохновлял? Частный ли это эпизод или кусочек какой-то большой цепи?.. Мне, рядовому чекисту, все это было неведомо. И я вызвал к телефону начальника дорожно-транспортного отдела ОГПУ. Доложил намеками обстановку. И Макар Алексеевич передал:

— Указание центра — заканчивать!

В ночь на 18 августа одновременно были взяты Селиверстов, Петерсон, кладовщики всех шести складов, подводчики, рыбачок в широкополой шляпе. Склады опечатали. Начались обыски и допросы. Нам представлялось, что операция закончена.

У преступников нашли иностранную валюту, золото царской чеканки, пачки советских червонцев. В лабазах были обнаружены тайные подвалы с мукой, зерном, сахаром, вяленым мясом, военным обмундированием...

А на складе, где распоряжался Петерсон, между мешками оказались ящики с гранатами и винтовками французского производства.

И тут мы фактически убедились: поспешили!

— Мабуть, трошки рано! — сожалеючи говорил мне начальник горотдела ОГПУ. — Акулы ушли! А тот, со шрамом, робыв в порту табельщиком. Петровский его фамилия. Жил у

рыбачки. С неделю как смотался — пронюхал, мабуть.

В кабинет четко вошел молоденький чекист, лихо щелкнув каблуками, доложил:

— У Петерсона взяли!

На стол начальника легли чистые бланки различных учреждений, заводов, организаций и крупномасштабная карта юга Украины. Начальник стал внимательно рассматривать вещественные доказательства.

Молодой чекист разругался. Глаза его сияли, и весь вид его говорил: «Вот какие мы ловкие!»

— Ладно, Петя! — Начальник горотдела ОГПУ махнул рукой.

Чекист покраснел, нахмурил жидкие бровишки и недовольно спросил ломающимся баском:

— Можно идти?

— А ты еще здесь? — Начальник обернулся сердито.

Чекист снова лихо щелкнул каблуками новых сапог и, печатая шаг, вышел.

Я как будто бы встретился со своей молодостью! И у меня было точно такое же желание показать себя бывалым рыцарем революции. И нарочитая подтянутость и жажда щегольнуть военной выправкой. Когда же это было?.. За плечами у меня семь лет работы в ЧК, ОГПУ. Это семь нормальных человеческих жизней!..

А начальник горотдела ОГПУ буднично разглядывал карту, покручивал светлые усы и не замечал моего настроения. Громко вздыхал:

— Поторопились, товарищ Громов. Злякалы врага. Хамсу похватали, а большая рыба разорвала сеть.

И я досадовал: следовало продолжать разработку операции! Но в то же время мы надеялись, что в центре знают больше и, пожалуй, не прекратили расследование. Это подтверждалось и тем, что из Харькова и Москвы требовали быстрее изолировать причастных к делу «королей сахара». А по-моему дело нужно было именовать: «операция человека со шрамом».

Позднее, в разговоре с начальником ДТО ОГПУ, я высказал свое мнение. Тот, по обыкновению своему, проницательно смотрел на меня:

— На вашем месте я меньше всего рассуждал бы! Враг усиливает нажим. Чекисты должны меньше разглаживать — это расслабляет волю. Некоторые товарищи докладывали, что вы вообще жалостливы. В Бердянске пытались защищать грабителей.

И я со страхом понял, что Бижевич когда-то не случайно расспрашивал о наших настроениях. Начальство ввело систему взаимной проверки чекистов! Действительно, в Бердянске я

настоял, чтобы отпустили подводчиков, которые вывозили муку. Их наняли и обещали хорошо заплатить. Нельзя же пристегивать всех к шайке грабителей!.. Нельзя поддаваться чувству подозрительности! И я не раскаиваюсь, что отпустил людей... Пришлось бы вернуться к этому делу, я повторил бы свои шаги!..

— Хорошо, я вас понял! — отрезал начальник ДТО ОГПУ и долго тер лысину. — Подумайте о том, что я вам сказал... И еще запомните одно: если чекисты арестовали человека, то он безусловно виноват! Так должно быть!

У братьев Нестеренко были изъяты крупные суммы советских денег. В каретнике под яслями открыли тайник, полный риса, сахара, масла, соли...

— Зачем вам столько продуктов? — спросил я у жены Степана Ивановича — рыхлой, болезненной женщины.

— Германии та хранцузы идут войной... У мэнэ диты!

— А у тех, кого ваши мужья грабили, не дети?

— Власть богатая — всем достанется!

— Кто же вам казав, що война будэ? — задал вопрос Васильев, участвовавший в обыске.

— Та кривой Измаил, що приезжав до нас.

Тем временем Павел Бочаров в сенях под половицей обнаружил клеенчатый мешочек. В нем различные железнодорожные штемпеля и печати. За божницей на полочке вместе с евангелием хранились чистые бланки доверенностей, накладные и дорожные ведомости.

На допросе Измаил Борисович Петерсон сваливал все на человека с шрамом:

— Он сам меня нашел. Пригрозил разоблачением. Присмотрел он и Нестеренко. Представился под фамилией Петровского. А у меня — семья! Побоялся. У Нестеренко — семья...

— Нестеренко сам о себе скажет! — оборвал его излияния Васильев. — Откуда у вас оружие?..

— Тайные подвалы завел Петровский. Ящики с оружием он привозил лично. Ходила молва, будто бы из Кривого Рога... Товары делил он несправедливо. Одну треть взятого в вагонах мы имели право реализовать. А две трети — пай Петровского. Закабалил он нас!

— Ах, бедные-бедные! — с издевкой поддакнул Васильев и сплюнул от негодования. Ему противно было смотреть на жалкого кривоплечего человечка, который оставлял шахтеров без хлеба, а детишек без сахара.

Глубоким вечером мы собрались в нашей комнате на вокзале Сечерченска. Могли быть довольными — операция завершена!

Но мы удовлетворения не испытывали.

Васильев яростно расхаживал по комнате и громко негодовал:

— Значит, шахи и маты ускользнули! Как же ты, Громов, промазал?.. Небось учиться торопился?..

— Приказ из центра, Вася.

— Из центра?.. Слухай, там же Бижевич учится. Проси по телефону Москву. Спросим: в чем дело?.. Друзьями мы с ним не были, но рядом воевали. А вон Павел даже в тыл белых вместе ходил.

— Бросьте, ребята, бузить! — Бочаров сверял по протоколам показания Степана и Егора Нестеренко. — На себя наклепаете. Из центра ОГПУ спросят: «Почему же вы, умники, не выловили всех?.. На месте виднее». Что ответите?.. То-то же..

— Ну, ладно! — остыл Васильев. — Пошли спать!

— Главное, грабеж прекратился! — заключил я.

Дельцов, связанных с Петерсоном и Селиверстовым, обнаружили в Мариуполе и Таганроге, в Днепропетровске и Сидельникове — целая разветвленная организация. Все они были наказаны на месте, а главных виновников затребовали в Харьков.

Приметы и характеристика Петровского — Квача были разосланы во все подразделения ОГПУ. Позднее мы запросили данные с границы: не пытался ли он просочиться за кордон? Нет! Хитрая лиса затаилась. А быть может, хозяева не разрешили ему покидать Советскую Россию?..

Однажды нас вызвали в Ленинскую комнату ДТО ОГПУ. За столом, украшенным букетами живых цветов, сидели начальник дорожно-транспортного отдела ОГПУ и секретарь партийной ячейки. Чуть впереди — военный с отечным лицом и орденом Красного Знамени на лацкане. Ему и было предоставлено слово. Он душевно поздравил всех собравшихся с успехами в борьбе с контрреволюцией. Награды. Благодарности. Именные часы. Почетные грамоты.

С ответным словом выступил Макар Алексеевич:

— В Донбассе раскрыта вредительская организация старых спецов. — Наш начальник волновался и немного заикался. Накануне торжества он участвовал в облаве на крупную банду и при взрыве гранаты получил контузию. — Руководили ею из Парижа. Деньгами снабжали оттуда же. Вредители ставили целью разрушить важнейшую топливную базу Советского Союза и тем самым сорвать индустриализацию страны. Враги народа затопляли шахты, устраивали взрывы и пожары, портили вентиляцию, а также срывали снабжение населения шахтерских

городов и поселков. Одним из звеньев этой контрреволюционной цепи было раскрытое нами дело «королей сахара».

Вася Васильев подмигнул мне: вот как оно повернулось! И мне все представилось в ином свете, а сознание выполненного долга теплом отозвалось в сердце.

А начальник ДТО ОГПУ громко продолжал, смотря в нашу сторону:

— Хорошо проявили себя чекисты товарищи Громов, Васильев, Морозов. Честь им и хвала! Особой благодарности достоин наш орденосец Павел Ипатьевич Бочаров. Скромный и напористый, храбрый и осмотрительный, он может служить примером образцового чекиста!

Зал отозвался дружными хлопками.

— Кое-кто из нас заражен беспечностью, товарищи. Для чекиста потеря революционной бдительности — смерть! Об этом прошу всегда помнить. Большевистская партия и лично товарищ Сталин учат нас непримиримости к врагам народа. Ищите этих врагов — классовая борьба продолжается. Чем ближе к разрешению вопроса «кто кого?», тем классовые битвы будут обостряться! Шахтинское дело показало, что нельзя верить специалистам старого режима. Нам нужны красные спецы! Объявлен призыв в науку...

Тогда же увиделся я и с Тимофеем Морозовым. «За верность делу революции и проявленную энергию» мой учитель и товарищ был награжден Почетной грамотой ОГПУ и серебряными часами. Меня отметили такой же наградой.

— Думаю подаваться в науку, Володя, — говорил мне Тимофей за стаканом вина. — Никандр Фисюненко Институт труда окончил. Завидно мне! И партия зовет учиться...

В тот вечер мы вспоминали товарищей, погибших в боях, чекистскую юность...

А потом настал час и мне расставаться с товарищами — я ехал в Москву, в школу ОГПУ.

— Жаль отпускать тебя, товарищ Громов. Правда, интеллигентности у тебя лишок, но хлопец ты гарный. — Макар Алексеевич потянулся было к своей лысине, но отдернул руку.

Я засмеялся. Улыбкой ответил мне и Макар Алексеевич, вспомнив, как я брил голову.

— В художественный театр проложи дорожку, — наказывал начальник. — Третьяковка тебе понравится. Словом, используй Москву на все сто! Вернешься — обо всем расспросим. Имей в виду!

Макар Алексеевич полжизни прожил в Москве и говорил теперь о ней с грустью, как о давно минувшем и прекрасном...

Уезжал и Павел Бочаров — его назначили руководителем одного из ведущих отделов ОГПУ на Украине. Товарищи тепло проводили его в Харьков.

ПРОВОКАТОР

Тимофей Иванович Морозов стал основательным семьянином: трехлетняя дочка каталась колобком по комнате, а шестимесячный Женя попискивал в люльке. Поднялся мой товарищ еще на одну ступеньку служебной лестницы: работал он начальником линейного отдела ДТО ОГПУ на железной дороге.

Жил Морозов со своей семьей в Заречье, в старом железнодорожном доме под столетними липами. Не раз я бывал у него в гостях. Отсюда он проводил свою Ксению Ивановну в родильный дом. Это было в тот год, когда Советскую страну и весь мир постигло великое горе — умер Владимир Ильич Ленин. До глубины души потрясла чекиста смерть вождя.

Шел он к жене по траурному Заречью. Красные флаги в черном обрамлении. Горестные лица людей. И разговоры негромкие, будто бы Ильич лежал рядом в гробу..

Он думал: кто же заменит Ленина? Ответ был один. Только

партия! Сплоченность рабочих и крестьян — вот в чем сила. И зачем эта нелепая смерть? Не стыдась, он утирал слезы.

В акушерской ему выдали белый халат. Видя заплаканные глаза его, медсестра успокоила:

— Все хорошо. Не переживайте!

Морозов сел на лавку. Вышла Ксения Ивановна. Он взял ее побледневшую руку.

— Оксана, дочку назовем Нинел.

Ксения Ивановна удивленно глянула на мужа:

— Выдумает же!

— В память о Ленине. Прочитай с конца. Что выходит? — Тимофей Иванович на листке бумаги написал слово «Ленин».

— Ни-нел... — прочитала Ксения Ивановна. И все же в глазах ее не было согласия.

— Послушай: Нинель! Звучно, мягко. В самый раз для девочки.

И молодая мать тихо согласилась:

— Нехай будэ, як ты сказал. — И повторила одними бескровными губами:

— Ни-и-ине-ель...

Вся жизнь молодой четы теперь была в ребенке. Первый раз Нинель засмеялась — радости на неделю! Прорезался первый зуб — и слез и ахов не счесть! Доченька впервые пролепетала: мама!.. Нинель сделала первый самостоятельный шаг. И вокруг все этим только и занято: событие!

Чекист Морозов был, как и его товарищи, занят по 15—18 часов в сутки. А девочку интересовали тысячи «почему».

— Я просыпаюсь — тебя нет. Я ложусь в постель — тебя нет. Почему? — спрашивала она отца.

В редкие часы отдыха Тимофей Иванович не успевал ответить и на половину ее «почему». И уходил в чекистское казенное здание с потеплевшим сердцем и тихой радостью в душе...

Морозов познакомился с Ксенией Бакай на комсомольском собрании в Кривом Роге. Веселая, бойкая, с косами ниже пояса. Певунья — поискать такую! Да и кто в восемнадцать не привлекателен?..

Встречались полтора года и, наконец, признались друг другу: раздельно жить дальше невозможно!.. И у Тимофея Ивановича прибавилось забот ровно в шесть раз. Отец Оксаны умер в 1914 году, и Варваре Ивановне — матери Оксаны приходилось крутиться вдвое: на руках пять ртов! Женившись, Морозов взял на себя всю тяготу содержания, ученья большой семьи.

И родственников у Ксении Ивановны было много. Не забывали они дом Морозовых, где всегда их встречали радушно и

хлебосольно.

Как-то летом — это как раз было при мне — в Заречье приехал троюродный дядя Ксении Ивановны, кряжистый токарь Прокоп Афанасьевич Хлопенюк. Грубый бас, громкий смех и совершенно седая голова. Именно про таких говорят: белый как лунь!

Привело его в Заречье отцовское дело — устроить сына в индустриальный техникум, в бывшее Александровское техническое училище. Хороших металлургов оно готовило — про его выпускников слава шла по всей Украине.

Когда выпили мы по доброй чарке, Тимофей Иванович, видевший родича первый раз, не утерпел:

— Прокоп Афанасьевич, сколько вам лет?

Дядя захохотал:

— Сорок, а что? Мабуть, седина... Давняя справа... з 1906 року.

Подбежала девочка с бантами в косичках и попросилась на колени к Морозову. Тимофей Иванович поднял ее, поцеловал.

— Что, Нинелька?

— Що ж, по-хранцузки назвали? — пробасил гость.

— В честь Ленина, дядя, — ответила Ксения Ивановна.

Родич вскинул льняные брови:

— Гарно!

— Так вы потемкинец? — опять спросил Морозов.

— Ни. В 1904 году броненосец «Потемкин» стоял у нас на рейде. Меня комитет нарядил снабжать матросов прокламациями. И нашу рабочую газету я проносил. Филеры охранки присмотрели. Попал в их поминальник! А в девятьсот пятом от железнодорожных мастеровых вместе с Иваном Бакаем, отцом Оксаны, выбрали меня в Совет рабочих депутатов. И снова на глазах шпикив царских. В конце ноября большевики проголосовали за вооруженное восстание. А меньшевики — против! Ну, значит, ночью являются архангелы:

— Пройдемете бриться!

Попал я в одиночку. Полгода измывались. От товарищей узнаю: «Потемкин» уплыл в Румынию. И революцию затопили в крови. Как-то среди ночи слышу лязг замков:

— Выходи!

Вывели во внутренний двор тюрьмы, поставили к стенке. И солдаты с винтовками напротив. Жандармский ротмистр спрашивает визгливо:

— Последний раз даем возможность остаться живым. Где спрятана типография?..

А мне уж все равно. Молчу.

— Скажешь? — беснуется жандарм.

Молчу. Повернули спиной к строю. И знаешь, Тима, волосы сами зашевелились. Спине стало холодно, будто бы к ней приложили пласт застылого железа. Стою, ноги дрожат. Мне было всего девятнадцать! Рванул, стал лицом к солдатам:

— Швыдче, каты!

А ружья наведены. Офицер махнул перчаткой. Гром ударил. На меня посыпалась кирпичная крошка. А померещилось — пули! И упал я...

Очнулся — снова камера. А потом — милость монаршья: вечная каторга. Повели этапом. Грязь. Лужи. А солнце. Глянул в лужу — старик! Эх, будь воно неладно!..

Гость замолчал. Выпили без слов.

— Слухай, Тимохвей. А насчет сына не поможешь?..

Неожиданный поворот в разговоре смутил Морозова. Родственникам Тимофей Иванович помогал и деньгами, и советами, и добрым словом. А тут... Он знал, что в техникум был большой наплыв учащихся. Имел ли он право использовать служебное положение?.. Как-то не вставал такой вопрос никогда. Замолвить слово за сына старого большевика... Но ведь как знают его, Морозова... Знают начальника отдела ОГПУ. И сработает страх, сила...

После долгого молчания Тимофей Иванович отозвался неловко:

— Обижайся, Прокоп Афанасьевич, не обижайся, но обходись без моей протекции.

Насупился гость. Катает шарик из хлеба в толстых пальцах. Неприятный вышел разговор. Пробасил.

— И то верно. Сам схожу.

А ночью Ксения Ивановна упрекала мужа:

— Мог бы позвонить в техникум... Старика обидел...

Тимофей Иванович шепотом говорил, что совесть чекиста не позволяет ему это делать.

— Ты перестала бы меня уважать, Оксана, если бы я стал именем чекиста спекулировать. А старик поймет!..

Утром Прокоп Афанасьевич вел себя так, будто бы и не было никакой размолвки.

В техникуме его встретил сам директор, холеный, длинный, как жердь, в роговых очках и с лошадиным лицом.

— Будьте любезны, проходите. — Солнце билось в его очках, и на стенке бегал светлый «зайчик».

Прокоп Афанасьевич рассказал, что привело его в техникум, а сам пристально разглядывал директора: что-то знакомое виделось ему в его облике!

— Откуда приехали, товарищ Хлопенюк?.. Из Солнечного?.. Там у вас прекрасное море! Что же сын в моряки не идет?..

— Стране нужны металлурги. Пятилетку строим. За четыре года надо управиться, а без своих спецов как справишься?..

— О, вы правильно понимаете текущие задачи! Оставьте заявление. — Директор обошел стол, пожал руку старого рабочего. Провожая к двери, продолжал:

— Денька через три-четыре заходите, товарищ Хлопенюк...

Вернулся Прокоп Афанасьевич сильно взволнованный. И тотчас к Ксении Ивановне:

— Тима колы придет?

— Сама не знаю. Быть может, за полночь...

Гость накинул пиджак на плечи и заторопился в отдел ОГПУ.

— Что случилось, Прокоп Афанасьевич? — встревоженно встретил его Тимофей Иванович.

— Мы считали, що вин погіб.

— Кто?

— Шварц Ганс Меерович. Учитель из гимназии. В стачком завода «Руссуд» входил, от социал-демократов.

— Ну и что же?..

— Потом был страшный провал — почти всю подпольную организацию охранка «повязала»... И Шварц попался. В общей камере сидел. Били на допросах. А потом ночью вызвали Ганса, и еще пятерых. С тех пор Шварца не видели. А по камерам пополз слух: провокатор!

Морозов заинтересованно слушал родича, но в душе уже прикидывал: есть ли доказательства?.. Кто подтвердит?..

— Он вас узнал, Прокоп Афанасьевич?

— Виделись-то мы с ним тогда мельком, на маевке. Он с речью выступал. Красиво говорил, зажигательно. А я и запомнил. А ему — где же! Толпа большая была. И я среди нее.

— А если то был слух пущен, чтобы опорочить Шварца?..

— Кто ж его знает. Если честный человек — не обидится... И потом — в приемной этого директора все по-германски балакают. Немцев одних набирает, мабуть. Балмочуть не по-нашему...

Тимофей Иванович рассмеялся, успокаивая родственника:

— Показалось вам, Прокоп Афанасьевич.

— Мэни, мабуть, и показалось, а тоби — не должно казаться! Тоби хворму надели, «шпалы» нацепили! — отрезал Хлопенюк.

Тимофей Иванович попросил Хлопенюка подробно написать все, что ему известно о Шварце. А сам стал собирать материалы о директоре индустриального техникума.

Шварц Ганс Меерович приехал из Николаева в Александровск (ныне Заречье) еще до революции и преподавал в гимназии.

Среди окружающих ничем не выделялся.

В ноябре 1917 года неожиданно пришел в ревком города и предложил:

— Откроем школу специалистов? Своих коллег я уговорю. Мы примыкаем к революции. Новой власти скоро потребуются свои техники!

Матрос с Балтики, сидевший за столом председателя ревкома, прохрипел простуженным голосом:

— Добро! Барахлишко какое надо, берите у буржуев именем ревкома!

Так Шварц стал первым красным директором технического училища в Александровске. От городской интеллигенции его избрали в Совет депутатов. Его ставили в пример старым спецам. И в те годы Ганс Меерович не один раз слышал за своей спиной злой шепоток бывших друзей:

— Предатель!

Но Шварц настойчиво делал общее дело. В дни всенародного траура он подал заявление в большевистскую партию:

— Желаю продолжать дело Ленина!

И его приняли. Он проявил особенное рвение в организации обучения трудящихся. По своей инициативе открыл студию рабочих и крестьян, где готовил малограмотных парней и девушек к поступлению в средние и высшие учебные заведения. Его авторитет в городе еще больше упрочился.

...Через неделю Хлопенок снова посетил директора. Еще внимательнее пригляделся к Шварцу. И вернулся раскаленным добела.

— Немчик дохлый! — загремел Прокоп Афанасьевич с порога. Бросил в угол картуз.

— Готовим кадры из своих горожан. Иногородних не можем обеспечить общежитием... — передразнил он Шварца.

— Отказали? — спросила Ксения Ивановна.

— А то! Извиняется, изгибается... Тыфу-у! Сразу видно: шкура!

Морозов тем временем запросил Харьков и Москву: нет ли в архивах каких-либо следов Шварца Ганса Мееровича?.. Одновременно отправил письмо в истпартархив города Николаева с просьбой сообщить подробно о провале подпольной организации РСДРП.

Уезжая, Прокоп Афанасьевич настоятельно рекомендовал:

— Проверь, проверь немчика!

— А вы разузнайте среди старых большевиков, что и как.

— Добре, Тима!

Ответы на запросы задерживались, и Морозов решил лично

посмотреть на директора. Повесткой пригласил Шварца посетить линейный отдел ОГПУ.

Явился длинный немец. Бирюзовые, под толстыми стеклами очков глаза, мягкие поредевшие волосы расчесаны на пробор. Манеры интеллигента, отменная предупредительность.

— Извините, но мы вынуждены были вас потревожить, — сказал Тимофей Иванович, приглашая Шварца к столу. — Почему все учащиеся вашего техникума говорят по-немецки?

— Простите, а что им остается делать?

— Не понимаю.

Легкая усмешка тронула тонкие блеклые губы Шварца.

— Дисциплина есть такая — немецкий язык! Экзамены — вот и практикуются.

— И вы владеете немецким?

— Уроженец немецкой колонии под Одессой! А что в этом предосудительного? Мы, немцы, мешаем Советской власти?..

— Разрешите задавать вопросы мне! — сухо прервал Морозов.

— Будьте любезны! Но я никак не уясню одного: зачем меня оторвали от дела, товарищ начальник?..

«Довольно смел и самоуверен!» — отметил Морозов.

Тимофей Иванович много видел людей, вызванных в чекистское здание, и научился различать состояние посетителей.

— Жалоба вот поступила. Мы должны выяснить...

— Насчет немецкого языка?

Теперь улыбнулся Тимофей Иванович, положил на стол перед собою заявление Хлопенюка.

— Был у вас такой Хлопенюк...

— Вы сами понимаете, не мог я принять Хлопенюка. Инструкции из губернии. А он — жаловаться. — Тонкие губы с родинкой под носом поджались, а блеклые глаза обиженно спрашивали: при чем тут я? Инструкция сверху...

Морозов внимательно рассматривал Шварца. Ничего необыкновенного в нем, на первый взгляд, не было. Едва заметные веснушки под близорукими глазами. На лбу три поперечные морщины. Виски серебрятся.

— Так пусть привозит своего хлопчика этот Хлопенюк. Поговорил бы... А то бегут сразу в ГПУ... — Шварц поднялся со стула во весь рост. — Позвольте откланяться?..

— Давайте ваш пропуск: отмечу, — Морозов отпустил Шварца.

Когда тот дошел до двери, Тимофей Иванович проговорил вслед:

— Кстати, Хлопенюку снисхождение полагается — член

партии с 1903 года, в Николаеве вступал.

Шварц задержался на мгновение в дверях и, как почудилось Морозову, испуганно оглянулся.

— Так я и говорю: пусть приезжает!.. Мы еще раз рассмотрим его прошение. Может, нам самим вызвать его? Адресок разрешите?

— Зачем же, мы сами сообщим.

Все произошло естественно, и в то же время Морозов видел: Шварц очень встревожен. Впрочем, любой гражданин, вызванный в ОГПУ, был бы озабочен и задал бы себе тысячи «зачем» и «почему».

Из Харькова и Москвы поступили ответы, но ничего нового к сообщениям Хлопенюка они не добавляли. В 1902 г. Шварц Г. М. был учителем в реальном училище, а затем — в женской гимназии. Посещал тайные собрания социал-демократов. Позднее попал в тюрьму, и на этом его след потерялся...

Но вот известие из партийного архива города Николаева и письма Хлопенюка были куда полезнее! Меньшевики в 1905 году способствовали разгрому социал-демократической газеты «Наше дело». Нашелся свидетель очной ставки Шварца в жандармерии с сотрудником тайной большевистской типографии...

Из опроса старожилов города стало известно, что узники центральной тюрьмы в 1907 г. видели в камерах на стенах нацарапанные слова:

«Не верьте Шварцу!»

Портовый рабочий, имевший связь с матросами «Потемкина», подтверждает слухи о предательстве учителя немецкого языка.

Предстояла новая встреча Морозова и директора индустриального техникума. В папке лежало постановление прокурора города о задержании Шварца Ганса Мееровича.

— Как же брать в тюрьму коммуниста? — задал себе вопрос Морозов. — Вдруг горком партии найдет возможным применить к Шварцу другие меры воздействия?.. Быть может, передать все материалы секретарю партийного комитета?..

Эти же вопросы Тимофей Иванович задал начальнику дорожно-транспортного отдела ОГПУ, срочно выехав из Заречья в Днепропетровск.

Макар Алексеевич принял его довольно холодно:

— Партийные органы сами заинтересованы в очищении рядов ВКП(б). Поставим их перед фактом. Больше самостоятельности. У вас под боком Днепрогэс. Соображаете? Ни одного подозрительного или сомнительного человека нельзя держать вблизи такого объекта! Повторяю вам: раз и навсегда зарубите

себе на носу, если чекист арестовал человека, значит, он, этот человек, виноват!..

Меня отпустили из школы на побывку: Анна Ивановна написала, что Светланка заболела и самой ей нездоровится...

В комнате тепло, уютно. Светланка лежит в затемненном уголке — корь! Я потихоньку рассказываю Анне Ивановне о Москве. Она слушает с открытым ртом — никогда не была в столице.

К вечеру Тимофей Иванович пришел ко мне домой. Анна Ивановна приготовила стол. Откровенно разговорились.

Морозов рассказал мне о ходе следствия по делу Шварца.

На первом же допросе Шварц признался в том, что он был завербован царской охранкой и работал по ее заданию. Именно на его совести провал подпольной социал-демократической организации в Николаеве.

— Весьма убедительно прошу вас, гражданин следователь, не сообщайте об этом в горком КП(б)У и моим сослуживцам. У меня семья. Детям жить, а чем они виноваты?.. Я — подлец! Со страху за свою никчемную жизнь первому жандарму выдал товарищей. Но мои детки. О, майн гот! — Белые руки Шварца тряслись. Холеные щеки обвисли, и блеклые глаза провалились. Какая-то смертная тоска таилась в них.

Морозову стало не по себе. Он налил стакан воды и подал арестованному, Шварц пил захлебываясь, капли полились на костюм, но Ганс Меерович не замечал ничего.

— И вас не тревожила совесть? Не вспоминались товарищи, которых послали на виселицу? Как вы могли спать спокойно, зная, что вашей рукой расстреляны лучшие люди партии?..

Шварц не поднимал головы. Угловатые плечи вздрагивали. Он ломал пальцы. Шварц напоминал мокрицу и вызывал чувство гадливости. Он дрожал потому, что его жизни снова грозила смерть. Ни идеи, ни убеждения — ничто не дорого было ему. Он хотел жить! Он боролся за жизнь, а не жил для борьбы.

Об аресте провокатора сообщили в Харьков и Москву. Там похвалили Морозова. Но из столицы примчался Бижевич, чтобы на месте лично допросить Шварца. Для Юзефа Леопольдовича это была практика: он заканчивал школу.

Прочитав протоколы допросов, Юзеф Леопольдович удивленно поднял голову:

— И только? А где сообщники?

Глаза бешено поблескивали. На затылке выступили капельки пота. Он расстегнул ворот.

— У него определенно есть организация в техникуме!

— Сомневаюсь, Юзеф Леопольдович! Такой слизняк вряд ли способен на активные шаги, — не согласился Морозов.

На новом допросе Шварц повторил свои показания. Но Бижевичу этого было мало.

— На кого вы работаете сейчас? — Бижевич впился диковатыми глазами в арестованного.

Тот не понял вопроса. Юзеф Леопольдович опять крикнул:

— Чей ты теперь шпион, падаль!

— Я работал честно.. С прошлым покончил.. Спросите любого в Заречье...

— Он покончил... Ха-ха-ха! Зато мы не покончили и помним твое прошлое! Царской охраны нет, а то ты бы всех нас отправил в тюрьму, сгноил на каторге! Кто входит в твою организацию?..

— Нет у меня организации.

— Кто помог тебе пробраться в партию?

— Никто.

— Честные люди не станут рекомендовать провокатора!

— Они не знали... Пожалуйста, не тревожьте их! — Шварц заплакал. Снял очки и без стеснения рукой вытирал слезы.

Провокатора увели, а Бижевич распорядился вызвать всех, кто рекомендовал Шварца в партию.

— Вот тебе и организация, товарищ Морозов. — Бижевич с удовольствием потирал руки. — В чем твоя беда, товарищ Морозов? Ты очень интеллигентен: ахи да охи! Почему да отчего.... Я об этом говорил, помнишь, в Долгушине. Настоящий чекист действует прямо: есть враг, значит, есть его окружение! Есть Шварц, есть три рекомендовавших его в партию. Они обязаны были знать, кого протаскивают в ВКП(б)!

Удивлению Морозова не было предела.

— Откуда вы все это взяли, Юзеф Леопольдович? Нам известно, что Шварц по слабоволию стал провокатором. За прошлое он должен нести кару. Но, в самом деле, товарищ Бижевич, при чем коммунисты, рекомендовавшие его в партию? Мы, чекисты, и то не знали о провокаторстве Шварца.

— Вот с этим предстоит разобраться, как это у вас под носом орудовали жандармские сыщики и шпионы! Вы не воспитали в себе чувство подчиненности, товарищ Морозов, потому возражаете мне. Чекист должен повиноваться до самоотречения. Скажут: твой отец враг! И ты без размышления должен арестовать отца!

— Ну, до такого я еще не дошел! — Морозов разнервничался и вышел из кабинета.

Бижевич с пристрастием допросил коммунистов, рекомендовавших Шварца в партию, и оставил их в тюрьме, а сам

обратился к прокурору за санкцией.

— Контрреволюционная организация у вас тут открыта! — говорил он прокурору. — Наши товарищи проявили близорукость.

Но прокурор, старый большевик и сам в прошлом чекист, отказался санкционировать арест коммунистов.

— Сходите в горком партии! — посоветовал он.

В горкоме КП(б)У встретили Бижевича весьма сдержанно и даже упрекнули:

— Вы у нас уже больше недели, а в горком почему-то не заглянули.

Секретарь — женщина в темной кофте и без левой руки — изучающе смотрела на представителя центра ОГПУ. А выслушав доводы Бижевича, сказала:

— Мы рассмотрим дело товарищей в партийном порядке. Перешлите, пожалуйста, материалы в горком. А Шварц Ганс Меерович уже исключен из рядов КП(б) Украины — поступайте с ним по закону.

Злой и непримиримый явился в отдел ОГПУ Бижевич, вызвал на допрос Шварца.

— Твои рекомендатели признались! Ваша шайка хотела взорвать Днепрогэс!

Шварц, постаревший сразу лет на десять, ссутулившись и опустив голову, вяло отозвался:

— Ничего я не знаю...

— Становись к стенке! — заорал Бижевич. — Пена запеклась на его губах. Глаза словно плавилась от бешенства. Он вырвал пистолет из кобуры.

— Смотри мне в глаза! Чей ты шпион? Считаю до трех! Раз!..

Морозов испугался: убьет без суда! Он понимал, что Бижевич вымещает на арестованном свою неудачу, срыгает злобу. Ведь Шварц теперь находится во власти чекистов. А в отделе самым старшим был Бижевич. Значит, Шварц во власти его, Бижевича! Но за жизнь арестованного отвечает в первую очередь отдел ОГПУ. И Морозов не выдержал:

— Товарищ Бижевич, вас можно на минуту?

Юзеф Леопольдович опустил руку с пистолетом и, пошатываясь, как пьяный, пошел на Морозова.

— Ну, чего тебе?

— Подпишите бумагу. — Это был предлог к разрядке.

Бижевич вытер вспотевший лоб, пробежал глазами протокол прошлого допроса и расписался. И снова к Шварцу.

— Ты выдал подпольную организацию?

— Я...

— В расход, сволочь!

Бижевич в изнеможении опустился на стул. Потом вдруг подскочил и с силой ударил кулаком Шварца! Тот упал, стукнувшись головой о край стола.

Морозов побледнел, схватил за руки Бижевича, бесцеремонно выталкивая его за дверь.

Тимофея Ивановича бил нервный озноб. Он приподнял арестованного, влил в рот ему воды.

Шварц очнулся, мутными глазами посмотрел вокруг, стал шарить руками, стараясь найти очки...

Морозов вызвал караул и приказал увести подследственного. Тимофей Иванович был потрясен: чекист бьет арестованного! А как же сентиментальные стишки? Для чего же он их помнит? Неужели в центре не знают, кто учится в спецшколе?

На заре Советской власти в Петрограде были задержаны заговорщики. При облаве они отстреливались и убили несколько чекистов. Когда заговорщиков привели в ЧК, морячок в бушлате, товарища которого только что сгубили враги, со всего размаха ударил белого офицера. И в это время вошел Дзержинский. Он коротко бросил:

— Оружие! — и протянул руку.

Матрос беспрекословно снял маузер, вынул из кармана две гранаты и все передал адъютанту Дзержинского.

— Под суд! — снова так же коротко и властно сказал Дзержинский.

На этом примере непримиримости к самовластию воспитывались чекисты и более позднего призыва... И вдруг такое... Бижевич вернулся в отдел лишь к ночи. Морозов не мог смотреть ему в глаза. А Юзеф Леопольдович вел себя так, как будто бы и не было дикой сцены расправы с арестованным.

— Юзеф Леопольдович, вы нарушили закон! — сказал Морозов, побледнев. — Бить арестованных не позволено!

— Они нас не только бьют, а убивают! — ответил Бижевич, листая бумаги в деле Шварца.

— Даже в начале революции чекисты не били арестованных! А теперь ведь другое время...

— Именно — другое... Мне кажется, что вы труды товарища Сталина плохо изучаете, товарищ Морозов. Классовая борьба усиливается, и мы не будем щадить врагов! Оформляйте быстро Шварца!

— Согласно закону, Юзеф Леопольдович, я обязан отправить Шварца в Солнечный, где совершено им преступление. Там продолжат следствие.

Бижевич смотрел на Морозова так, будто бы тот свалился с луны.

— Ну и дурень же ты, Тимофей! Мы тратили нервы, а кто-то получит наградные за эту сволочь...

Тимофей Иванович с омерзением слушал Бижевича, и ответил твердо:

— Закон для всех писан.

— Зако-о-оны! С такими, как ты... — Он не договорил, наклонился к столу и глухим шепотом продолжил: — Такие птички у нас на виду — тебе и не снилось! Враги чувствуют свой конец — играют ва-банк! Учти, Тимофей, нельзя ослаблять борьбу с врагами народа. И вот еще что. Это только тебе говорю. И среди партийных работников есть такие субчики, что хоть сегодня в тюрьгу! За ними наш глаз нужен. Ты присмотрись к своим горкомовцам. Секретарша мне сразу не понравилась!

— Она с Буденным прошла до Львова. Руку потеряла в бою с беляками!

— Все они теперь буденновцы!

— Чему же верить, Юзеф Леопольдович? — со страхом в душе спросил Морозов: он сознавал, что Бижевич учится в центре ОГПУ, знает много больше, чем местные работники.

— Себе! Только себе и своей совести!

— А Центральному Комитету? А Сталину?

— Ты меня не провоцируй, товарищ Морозов. — Бижевич ошалело отпрянул и с присвистом выдохнул: — Здесь свидетелей не было. Ты мне ничего не говорил, а я — тебе? Ясно? Не дорос ты, Морозов, до настоящего чекиста! Как ты решил со Шварцем?..

— И все же, товарищ Бижевич, разрешите мне отправить Шварца.

— Эх ты, шляпа! Дается возможность отличиться... Ну, черт с тобой!

Бижевич ушел, с силой хлопнув дверью, оставив Морозова в тяжелом раздумье.

Юзеф Леопольдович, закончив дело в Заречье, отпрапортовал бы начальству об успехе и, наверное, получил бы награду. Передав дело Шварца территориальным органам ОГПУ, мы, транспортники, теряли право на признательность за оперативность и розыск давнего преступника.

Кем стал бы Юзеф Леопольдович, если бы он не пошел в ВЧК? Мы могли представить его полотером, торговцем или слесарем. И он был бы таким, как все полотеры, продавцы или мастеровые, с их обычными человеческими слабостями. Может быть, труд поднял бы со дна его души и доброту и жалость к людям, залечил бы раны в сердце. Большая власть же над людьми, над их жизнью

и смертью, над свободой и неволей делает подобных типов страшными для окружающих. Злые люди с мелкой душой быстро начинают в таких условиях верить, что они родились повелевать...

Бижевич наговорил, наверное, начальнику ДТО ОГПУ много неприятных слов, потому что Макар Алексеевич имел крупный разговор с Морозовым. Начальник отдела ОГПУ рассуждал трезво и логично:

— Не советую вам поднимать шум и вдаваться в тонкую психологию. Провокаторская морда достойна кулака большего, чем у Бижевича. Десятки лет прикидывался, подлец, честным служащим!.. Он, конечно, получил сполна. А Бижевич, насколько мне известно, хорошо зарекомендовал себя в центре. Не учитывать это — глупо!

— Но ведь он превышает полномочия, предоставленные нам законом! — попытался вставить свое Морозов. — Он же учится и должен знать кодекс.

Макар Алексеевич будто бы и не слышал его.

— Тимофей Иванович, а может быть, нам и в самом деле кончать тут с этим Шварцем?..

— Вы, Макар Алексеевич, начальник — решайте. Но закон... Что будет Бижевичу за рукоприкладство?..

Начальник ДТО ОГПУ досадливо потер лысину, пристально взглядываясь в глаза Морозову и стараясь отгадать его мысли.

— Он прикомандирован из центра...

— Я не могу работать с ним в одном отделе! — твердо сказал Тимофей Иванович.

Макар Алексеевич задумался, потом вдруг пригласил Бижевича. Тот вошел чистенький, приглаженный, но с хмурым, озабоченным лицом.

— Вот Тимофей Иванович недоволен вами.

Морозов резко встал:

— Зачем же так, Макар Алексеевич? — Обернувшись к Юзефу Леопольдовичу, раздельно добавил: — Я не намерен работать с вами!

— Ты, Тима, что, очумел? Из-за какого-то контрика поднимаешь шум до небес! — Бижевич недоуменно пожимал плечами.

— Если я соглашусь дальше вести дело Шварца вместе с вами, то я беру ответственность на себя за ваши незаконные действия...

Макар Алексеевич передернул плечами:

— Ладно, идите оба. Я подумая!

Морозов положил на его стол бумагу:

— Вот мой рапорт. Прошу реагировать срочно! — И первым вышел за дверь. Бижевич нагнал его.

— Ну, чего ты кипятишься? Ну, погорячился. Так эту гадину убить мало!

Тимофей Иванович коротко отозвался:

— Против совести не приучен идти.

Макар Алексеевич принял соломоново решение: отстранил от ведения дела Шварца и Морозова и Бижевича — Тимофей Иванович выехал в Харьков. Вскоре мы узнали о его новом назначении.

Болезнь Светланки затянулась: пошли осложнения! И мне разрешили временно поработать в отделе ОГПУ железной дороги.

— Примите Шварца. Его вел Морозов. И заканчивайте скорее! — распорядился Макар Алексеевич. — Остались небольшие формальности...

Однако жизнь распорядилась по-своему. Никто — ни Морозов, ни Бижевич, ни Макар Алексеевич не подозревали, как ловко прикидывался простачком Шварц. Ему важно было, чтобы чекисты посчитали его лишь провокатором. Потому-то и слезы лил, быстро во всем признаваясь...

Ко мне в отделение ОГПУ пришел учащийся индустриального техникума. Белобрысый, с продолговатым лицом и светлыми глазами. На ногах поношенные сандалии, ворот вышитой украинской рубахи свободно распахнут. Руки сильные, рабочие. Но на лице виноватая, невеселая улыбка.

Я пригласил его сесть.

Он заговорил с таким выражением, будто бы окунулся в ледяную воду.

— Пожалуйста, не пишите сразу... Мне трудно... Записывают когда, путаюсь здорово.

— Ваша фамилия?

— Пашканг... Сергей Пашканг.

— Немец?

— Из колонистов... Это отец. А мама — русская. Они умерли... У вас есть время?.. История моя длинная, извините...

— Слушаю, слушаю!

Исповедь Сергея была удивительной. И в то же время закономерной для молодого человека, воспитанного Советской властью и Ленинским комсомолом.

...— Родился я под Одессой. Наша местность населена почти сплошь немцами. Обрусели они, но жили по старым традициям: села распланировали по шнуру, аккуратные палисадники, культурные огороды, много цветов. Земля содержалась хорошо,

немецкие села славились высокими урожаями. По воскресеньям, принарядившись, люди шли семьями в ближайшую кирху, а после службы пили пиво домашнего приготовления... Словом, жили строго по немецкому обычаю.

Отец мой был дворянином... Бедным дворянином — разорился в конце прошлого века. На земле работал наравне со всеми хуторянами. Отличался начитанностью, глубоким знанием земледелия.

А мать происходила из крестьянской семьи. Оба они были отзывчивыми и понимали людское горе, пользовались уважением в округе.

Я был в семье единственным сыном. И все же меня не баловали — с самого раннего детства я узнал, как добывается хлеб. У нас жила прислуга, и дом был большой, кирпичный. Имели мы и хороший выезд.

После революции отобрали усадьбу. Папа расстроился и увез семью на станцию Никольская. Как я уже говорил, отец был всесторонне образованным человеком, и его вскоре назначили начальником этой станции. Отзывы о его работе всегда были лестными.

Но как-то на станцию случайно заехал человек из-под Одессы и признал отца. Они были давними соперниками: в молодости оба ухаживали за моей матерью! Отец оказался более счастливым, а его соперник затаил ненависть и выжидал удобного момента для мести.

Увидев отца в форме железнодорожника, он побежал в профсоюз станции:

— Вы пригрели змею! Дворянина начальником держите!

И наше благополучие опять нарушилось. Отцу разрешили лишь ремонтировать пути, грозили упечь в Сибирь, всякий раз попрекали прошлым и насмехались...

Папа умер в 1924 году. — Студент сдерживал слезы.

Я подал ему стакан воды. Пашканг виновато смотрел мне в глаза: затрудняя, мол, вас.

— Извините, папа добрый был... Настало очень тяжелое время. Мама мыла полы на вокзале, а я пас селянский скот. Из школы меня выгнали — сынок буржуя!.. И мама умерла... Меня приняли в свой дом дальние родственники мамы. Так очутился я в Заречье...

По правде говоря, меня сначала озадачила история юноши. Зачем он пришел к нам? Мы не препятствовали его учению.

Холодок настороженности, с каким я встретил Пашканга, должно быть, пугал его. Паренек все больше волновался, на щеках его пылал румянец. Он пил воду и все извинялся.

— Горьким оказался хлеб дальних родственников. Не мог я быть нахлебником... Подал документы в техникум, мало надеясь на успех. Но Ганс Меерович очень хлопотал за меня. Это сам директор техникума! Приходил в наш дом, смотрел как живу... И приняли. И стипендию установили повышенную... Я вас не задерживаю? Я скоро закончу...

— Слушаю, Сергей! Не торопись.

— Понимаете, в школе я вступил в комсомол, — продолжал свой рассказ Пашканг. — Ходили в походы. Собирали книжки для деревенских школ. Учили неграмотных. Учились стрелять. Интересно было! Но о том, что я урожденный дворянин... смалодушничал... Не сказал ребятам. И что я немец — не сказал. И что у нас было когда-то поместье. В школе сошло... А вот в техникуме...

Замолчал мой собеседник, отпил воды. Я догадался: в техникуме началась строгая проверка и все открылось. Его судьбой занялись чекисты!

— Да. Меня исключили из комсомола, как чужака, скрывшего свое прошлое. Но вы же должны понять! Если бы я признался... А мне так хочется быть механиком!.. И нет у меня никого на свете. Куда же мне податься? Я советский человек. Мне все дорого. И улицы, по которым я хожу. И дом, где живу. И Украина. И могилы моих отца и мамы. Это же моя Родина! Разве виноват я, что мой отец был дворянином?

— Но при чем тут НКВД? — спросил я и нетерпеливо глянул на часы: приближался доклад у начальника управления.

Пашканг заторопился:

— Позвольте доскажу... Из комсомола вытурили. Теперь из техникума собираются... Встретил меня Ганс Меерович и говорит:

— После занятий, Пашканг, зайдите ко мне.

Ну, думаю, прочитает приказ и — до свидания, прощай, техникум. Прощай, мечта!

Но Ганс Меерович встретил меня ласково. Усадил на диван. Обнял за плечи.

— Будь мужественным, Сергей! Ты — немец. А немцы — натуры крепкие. Расскажи про своих родителей.

Путаясь и глотая слезы, я повторил то, что было сказано на комсомольском собрании. Меня захлестывала жалость к себе. Давно никто не говорил мне теплых слов. Я не мог сдержать себя и плакал навзрыд.

— Успокойся, Сергей. — Ганс Меерович прошел до дверей и плотно прикрыл их. Распахнул створки окна. Тихий шум улицы влетал в кабинет. Директор снова заговорил доверительно:

— Без комсомола жить можно. Наши воспитанники не все

уходили от нас комсомольцами, а свою дорогу в жизни проложили. Не горюй! Немцам трудно жить в России, но еще горше в самой Германии. Там Версальский договор — петля на шее нашего с тобой народа. К немцам несправедливы потому, что мы — культурная нация. А в России — варвары! Ты сам видел, как отличаются наши хутора от украинских деревень. У нас — аккуратность, разумность. У них — грязь и бестолковщина!

Пришлось прервать Пашканга: часы звали к начальнику Управления! А меня уже заинтересовал рассказ студента.

— Перекурим, Сергей! — сказал я, подвигая к нему пачку «Красной звезды». Он закурил, а я сходил к начальнику Управления НКВД и когда вернулся, мы продолжили беседу.

Пашканг немного освоился и дальше рассказывал более складно и уверенно.

— Наш народ высокообразованный, с вековой культурой: Вагнер, Гете, Лютер, Бисмарк... — Ганс Меерович очень пристально смотрел мне в глаза и с проникновенностью убеждал:

— Гордись, Сергей, что ты родился немцем. Наше отечество нуждается в жизненном пространстве. В фатерлянде порвали Версальский договор! Немцам самой судьбой предрешиено быть властелинами мира. Извини старика. Размечтался... У тебя свое горе, а я к тебе с риторикой. Извини. Но горе одного немца, где бы ни жил он, сливается с горем немецкой нации. Иди, Сережа, я думаю, что отстою тебя на педагогическом совете... Побывать бы тебе в фатерлянде — навек остался бы сердцем там!

Я поблагодарил Ганса Мееровича, как только мог. Он протянул мне руку помощи в самое несчастное для меня время.

И все же на сердце осталась тревога: педагогический совет не обязательно послушается Ганса Мееровича! Конечно, я мог бы пойти работать. Но ведь всего через один год я стал бы механиком. Так и мучился: неужели оставят недоучкой?

— Плюнь, Серега, на все! Вали на Днепро. Там на любом пароходе нужны механики. У тебя три курса — это не каждый имеет! С руками отхватят! — Это совет добрых хлопцев.

Но были и такие, которые со злорадством приплясывали:

— Пусть хлебнет горячего! Небось драл три шкуры с мужиков! Дворянчик недорезанный!

И я решил твердо, если исключат из техникума, то покончу с жизнью!

Снова вмешался Ганс Меерович. Как-то отозвал в сторону и тихо сказал:

— Вечерком загляни ко мне на квартиру. Только сделай так, чтобы о посещении никто не знал. А то потом на педсовете трудно будет защищать. Скажут: по знакомству! И можно не

отстоять...

Ганс Меерович Шварц жил в центральной части Заречья в одноэтажном каменном особняке, обнесенном плотным забором. Вокруг белая акация и каштаны. Под окнами — сирень.

На мой стук явилась горничная в крахмальном переднике. «Как в старое время», — подумал я и назвался.

Она заученно улыбнулась.

— Битте! Вас ждут...

Громко сказала:

— Ганс Меерович, ваш гость!

Из боковой двери вышел хозяин в тяжелом домашнем халате.

— О, Сергей! Ферцайнен зи... Извините: принимаю в таком костюме. По-домашнему. Проходите.

В гостиной за столом, накрытым льняной скатертью, сидел мой однокурсник — Фриц Рихтер. Мы его звали просто Федя-доносчик! Долговязый, рыжий, с бегающими глазами. Его не любили на курсе за ябедничество. Мне стало неприятно, что он увидел меня в доме директора.

Фриц встал, пожимая мне руку.

— Я откланиваюсь, Ганс Меерович.

Он вышел, и в прихожей послышался приглушенный писк горничной.

— О, Фриц шалит! — улыбнулся хозяин.

На круглом столе лежали красочные журналы на немецком языке. Вощеная бумага. Цветные крупные фотоснимки.

— Позвольте? — спросил я хозяина.

Ганс Меерович снова мягко заулыбался:

— Битте, мин херц. Приятно оформлены, не правда ли? Умеют немцы — культура!

— Где выписали, Ганс Меерович? — опять спросил я, обратив внимание на номера и свежую дату выхода журналов.

— Подарок добрых друзей. Утверждал учебные планы в Наркомпросе. Встретились... Еще пахнут типографской краской. — Шварц нюхал журнал, закрыв глаза. Подбородок, гладко выбритый, упирался в бархатный воротник халата. Волосатые пальцы гладили поблескивающую обложку.

— Аромат фатерлянда... Божественный аромат! Нет ничего дороже Родины, Сергей...

— В Германии фашисты, Ганс Меерович, — напомнил я.

Ганс Меерович расхохотался от души. Его мясистые щеки надулись, пухлыми руками он хлопал себя по коленям.

— Ты хорошо изучаешь обществоведение, мой мальчик! А жизнь — не только книги и уроки. — И уже серьезным тоном продолжил, усаживаясь в кресло: — Немцы борются за новый

порядок в Европе. В каждой борьбе есть элемент риска, есть частица жестокости... А журналы тебе нравятся?

— Замечательная бумага. Красивые фотографии. Жаль, прочитать не могу — дома у нас говорили больше по-русски.

— Скверно! Немец никогда не должен забывать, что он немец. И свой язык знать! Сюда могут прийти германские войска и каждого немца спросить: верен ли ты нации? Что ответишь ты, Сергей?

У меня завихрилось в голове: какие войска? Зачем они придут на Украину? Кто их пустит? К чему я должен быть готов? Ведь фашисты злейшие враги всех людей! Может быть, директор хочет испытать меня перед педагогическим советом? Может быть, он не верит мне, видит во мне тоже лишь отпрыска дворянина?

А директор техникума наставительно говорил:

— Твоего отца, Сергей, довели до могилы. Муттер умерла безвременно. У вас забрали все богатство. Тебя вот преследуют. Чего тебе еще ждать от большевиков? Ты должен поклясться мне в верности немецкой нации. Завтра с чистым сердцем я буду отстаивать тебя...

— Я так хочу быть механиком! — невольно вырвалось у меня заветное желание. — Пожалуйста, помогите мне, Ганс Меерович! Я для вас сделаю... До смерти буду благодарен!

— Ну, спокойнее, спокойнее, мой мальчик. — Ганс Меерович кликнул горничную.

— По чашке кофе.

Когда за горничной закрылась дверь, Ганс Меерович подмигнул мне:

— Пьешь?

Я смутился. Никогда в жизни я не брал в рот спиртного. Ганс Меерович одобрил:

— Молодец! Набирайся силы. Нашему отечеству нужны здоровые мужчины. А я не прочь пройтись по коньячку... У меня уже все позади. Я дряхлый ревматик. Вот о смене забочусь...

Горничная внесла поднос, на котором были две чашки и кофейник, прикрытый белой салфеткой.

— Мальцайт! Приятного аппетита.

Кофе был обжигающе горячим. Ганс Меерович отпивал маленькими глотками коньяк и потягивал кофе. С наслаждением чмокал полными губами.

— Одну десятую глотка коньяка и большой глоток кофе — вот высшее наслаждение. В моем возрасте, конечно! — Шварц хохотнул. Белая накрахмаленная салфетка топорщилась на его груди, как щит.

— Обрати внимание, мой мальчик, на такое обстоятельство.

Ленин был крестьянским вождем. К нему шли ходоки. Он землю передал крестьянам. А Сталин — за рабочих. Он зажимает и гробит крестьян! О, это большой просчет коммунистов: они отбивают интерес к земле и за это жестоко поплатятся...

Я не ощущал вкуса кофе. Мысли, как испуганные воробьи, метались в голове. Может быть, все эти удивительные и странные разговоры — старческие чудачества добрейшего Ганса Мееровича? В те часы не мог я думать, что Шварц выступает как агент фашистов. Это пришло мне на ум позднее, ночью, когда ворочался на жестком топчане в сенцах моих дальних родственников...

— Значит, договорились, Сережа? — Ганс Меерович встал и запахнул тяжелый халат. — Надеюсь, наш мужской разговор останется в этих стенах, не так ли?

Я поспешно кивнул головой: хотелось скорее выбраться на свежий воздух, избавиться от сверлящих, преследующих глаз Ганса Мееровича.

И думалось, что добрейший директор может удушить, если не послушаться его. И я очень испугался... Но мне так хочется учиться!

После бурного заседания педагогического совета Ганс Меерович пригласил Сергея и еще на пороге кабинета прочувствованно пожал ему руку.

— Поздравляю! Дело сделано. Ты остаешься в техникуме. Даже партийцев мне удалось убедить. Вот пример того, когда немец идет с немцем плечо к плечу — результат радует. Смешно было бы — за отца, к тому же давно умершего, отвечать сыну. Смешно!

Ганс Меерович дружил с осторожностью всю жизнь:

— Не следует нам встречаться часто. Мои пожелания ты будешь узнавать от Фрица Рихтера. Выполняй их хорошенько. Гут?

— Яволь! — ответил Сергей и признательно пожал пухлую руку директора.

— Ездил я с Гансом Мееровичем под Одессу, — продолжал свой рассказ Пашканг. — Гостили у колонистов. Немного пожили в Мариуполе. Ганс Меерович весьма доволен был поездкой.

Пашканг назвал мне имена колонистов, выразивших готовность служить фатерлянду. От Сергея же я узнал фамилии воспитанников техникума, которых посетил Ганс Меерович.

Пашканг передохнул, закурил и встал.

— Не думайте, что я продал Шварца, лишь бы остаться в техникуме. Не то слово, извините. Это Шварц так сказал мне на прощанье: «Смотри, не продай энкеведистам! Я к тебе всей

душой».

У меня это не шкурничество... Я могу и работать. Моя боязнь... Родина не пострадала бы... Ну, не могу выразить. Насчет войны он... Как же это убивать ребят? А он фашистов ждет! Нехорошо так думать и говорить про человека, который в моей жизни много значит...

— Ты очень хорошо сделал, Сергей! — Я крепко пожал руку Пашканга.

— Теперь можете писать. Я высказал все...

И мы еще долго говорили с Пашкангом. В заключение я обнадежил парня:

— Думаю, что техникум ты закончишь успешно. И механик из тебя получится — на большой палец!

— Данке шен! Большое спасибо! А как же Ганс Меерович?

— Как с ним быть, решит начальство.

— Велика же правда нашего дела, если проникся ею даже сынок дворянина! — с пафосом говорил начальник отдела НКВД, когда доложил о приходе Пашканга. Мне было радостно от сознания того, что Сергей Пашканг нашел в себе силу и волю прийти в НКВД. Старый, матерый враг России не разгадал в крепко обиженном нами, внешне пугливом парне настоящего патриота Страны Советов...

— Ну, Громов, молодчина! Спасибо! — Макар Алексеевич пожимал мне руку. А мне было просто неловко: ведь Пашканг без моего участия раскрыл Шварца!

Начальник отдела ОГПУ еще и еще всматривался в список агентов, завербованных Шварцем.

— Но как играл роль — заслуженный артист! Понимаешь, Громов, и все же мы доверчивые. Чуть не упустили шпиона! Да, возрадуется Бижевич...

На новом допросе Шварц все так же отрицал свою причастность к шпионской организации.

Одного за другим вводили на очную ставку агентов врага. Они уличали Шварца, и он наконец признался во всем.

Родители Ганса Мееровича, да и он сам, в прошлом были тесно связаны с иностранными фирмами, которые эксплуатировали богатства юга Украины. Зная о предательстве Шварца, немецкая разведка принудила его дать обязательство верности рейху и приказала:

— Верно служи Советскому Союзу!

И он во всем следовал приказу. Записался в сочувствующие большевистской партии. За усердие был назначен директором техникума. И тогда Шварца нашли и дали новый приказ:

— Каждый немец, выпущенный вами из техникума, должен

иметь свою цель! Главное — военные заводы. Но пока активные действия запрещаем!

Завербованные Шварцем дипломированные механики оседали в цехах, в конструкторских бюро крупных заводов юга Украины. Они брали на прицел активистов. Составляли тайные справки о мощности предприятий. Вызнавали партийные секреты. Приглядывались к людям, выбирая себе заранее будущих помощников. Так образовалась подпольная, довольно разветвленная сеть «законсервированных» агентов фашистской Германии.

Конечно, Юзеф Леопольдович весьма обрадовался: казалось, что жизнь подтвердила его прозорливость! Он отослал в Москву пространный рапорт и ожидал громкого судебного процесса над организатором гнезда шпионов.

Но подвел Шварц: однажды утром в отдел ОГПУ сообщили из тюрьмы о том, что Ганс Меерович повесился в камере.

Особая инспекция расследовала случай самоубийства арестованного. Всплыл наружу рапорт Морозова. И вместо благодарности Бижевич получил выговор в приказе по Наркомату внутренних дел...

ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ

Село Сухаревка беспорядочно раскидано, в низине, над оврагом. Белобокие хатки едва просвечивают в зеленой гущине садов. Чудилось мне, что однажды захмелевший великан вытряхнул из мешка домишки — куда попало, там и прилепилось жильё.

Одинокая мазанка с подсолнухами, нарисованными над оконцами, ютилась у самого обрыва под старым раскидистым грабом. Вдоль тына кудрявился буйный хмель, и, как сторожа, выглядывали разноцветные мальвы. На кольях сушились глиняные глечики.

Жила в той мазанке вдовая Настя, еще статная, со свежими губами, украинка. Муж ее затерялся на кривых махновских стежках, попав, наверное, под острую саблю котовца. И могила его ведома лишь свинцовым ветрам да черной земле Украины.

Сельсовет назначил нового почтальона, и Настя приняла его в свою мазанку. Постояльца звали Леонидом. В сельсовете он записался под фамилией Ставского. Бородку отпустил, чуб спадал низко на лоб. Походка солдатская, прямая. Глаза невыразительные, холодные, будто бы морозомхватило их. Костистое лицо закалилось на солнце: Леонид ежедневно ездил

на казенных дрожках к поездкам. Привозил в село письма, газеты, телеграммы...

Председатель сельсовета предложил Ставскому учить грамоте мужиков. И он учил. Но на речи был не щедр, больше сам слушал. Кто он и откуда явился, селяне не интересовались... Молва о нем пошла хорошая.

И хозяйке по нраву пришелся жилец. Вскоре по Сухаревке пополз шепоток: Настя заимела приймака! Скрывать случайное замужество не имело смысла — она полнела в одну сторону.

Настя вспыхнула словно костер, в который бросили охапку сухих смолистых сучьев, — жаркая, неистовая затопила ее страсть. Она дышать не могла без своего Леонида.

— Бросай службу, голубок мий! Проживем и так, — умоляла она Леонида. — Корова есть, куры есть. Сад маемо, две десятины земли. Я не хочу, щоб ты уезжал от меня, голуб мий сизокрылый...

А Ставский упорно отказывался:

— Деньги лишними не бывают!

«Ради нашего первенького старается!» — смирялась она на время. И с улыбкой прислушивалась, как малое существо бьет ножками под сердцем.

Леонида вызывали по служебным делам в Днепропетровск, и тогда Настя не находила себе места в хате. Ей мерещилось самое ужасное — Леонида убили!.. И млела от счастья, завидя вдали пегую почтовую лошадку и своего «голубя» в дрожках.

Настя подурнела: припухли губы, на лице появились оранжевые разводы. И ей думалось, что Леонид завел «любовь» на стороне — слезы еще больше портили ее лицо. Леонид же становился все раздражительнее. Ночами уходил неизвестно куда. Настя ревниво ругалась, и тогда Леонид сутками не бывал дома. Уехав за почтой, старался засиживаться с дежурным по станции — время убить!..

В Сухаревке — два семафора и три пути. Вокзальчик в два окна. Заводов поблизости не было — поезда не останавливались; лишь почтовый на минутку притормаживал. Тягуче тянется дежурство — и железнодорожники рады случайному человеку. Отвести душу в разговорах...

Как-то выходило так, что Ставский угадывал в дежурство Ильи Захарченко, болезненного, с одышкой человека.

Керосиновая лампа копит — стекло почернело. Почистить — лень. И в желтоватых сумерках медленно течет беседа. Дежурный по станции живет в селе Сухаревке, в соседях со Ставским. Потому беседа откровенная. Трудная житуха! У Ильи — особенно. Десять ртов на руках. Свои да брательника...

— Вот мужика в общую упряжку тянут, — глухо говорит он, пожевывая во весь рот. — Коллективизация — кто же ее знает... Эти тракторы всю землю завоняют. Будет ли хлеб?..

Ставский отзывается желчно:

— Общих баб дадут, а мужиков, як тих жеребцов — в стойла.

— Брехня, мабуть, — тянет Захарченко и ухмыляется. — Жинку яку хошь... Хи-хи-хи... К бису! Хлеба досыта, а баба и своя надоедает...

— На митингах кричат: за рабочий народ. А на шахтах що робыться? Газами травят! Завалы устраивают. — Ставский тербит нечесаную бородку и холодными глазами вглядывается в собеседника.

Захарченко слышал о волнениях на шахтах. Он вздыхал и соглашался: да, непорядок!

— Слухай, мабуть, англичане войной собираются. На наших послов напали. Прикончат они большевичков!

А Илья думал по-своему: «Чего он сердится на власть? На готовое хозяйство пришел к Насте. Мужик ее нагребил — в селе все знают. Пользуйся в свое удовольствие! Иное дело он, Захарченко. Брат против красных воевал. А его жинка с детишками — на шее... Вертись!..»

Ставский же, будто отгадав думки дежурного, спросил в упор:

— Що Карпо делает?

Захарченко поперхнулся дымом и закашлялся долго и надсадно. Отдышавшись, деланно подивился:

— Який Карпо?

А у самого мысли метались напуганными птицами: «Откуда узнал?» Брат Карпо тайком только вчера вернулся. Хочет повиниться. Терпежу нема: жинка с мальчишками измучилась. И самому обрыдло бегать...

Ставский неприятно засмеялся, растягивая тонкие губы:

— Ты що, не знаешь своего брата? Який в Крыму був. Ховається зараз в клуне. А ты утаиваешь бандюку!..

— Та набрехав хтось... Перший раз слышу...

— Брось, Захарченко, сам бачив.

Вдали загудел паровоз, Илья торопливо засветил ручной фонарь. Руки тряслись: вдруг Ставский сообщил в милицию! Что он за человек?.. Передать Карпу, пусть бежит... А куда он побежит?.. Горячий, напуганный — сразу попадется!..

Ставский вышел вслед за дежурным по станции и молча заспешил к почтовому вагону. Сонный раздатчик сунул ему в руки ведомость. Ставский расписался, приняв сумку с деньгами, тощую пачку писем и газет. Бросил все в дрожки, прикрыл попоной. Тронув вожжи, крикнул Захарченко:

— До побачення, Ілля!

И покатиł по пыльной улочке, растворяясь в темноте.

Настя стояла на пороге мазанки. Солнце освещало ее всю. Румяное со сна лицо, полные, сложенные на высокой груди руки — все дышало здоровьем. А на сердце не было покоя. Думалось: уедет Леонид за почтой и не вернется! И всякий раз так. Предчувствие угнетало...

Леонид вышел из-за хлева с охапкой свежей травы, положил ее в возок и застелил поношенным рядом. Пегая лошадка перебирала ногами, и Ставский похлопал ее по крупу:

— Стой, лахудра!

Оборотился к Насте:

— Вернись поздно!

Кинул свое сухое тело в дрожки, и лошадь тронулась, помахивая коротким хвостом. Стукнул о колесо кнут.

Настя покорно, как привязанная, шла рядом. Глаза ее с грустью ласкали костистое, бородатое лицо Леонида. За воротами она оперлась на плетень, увитый буйным хмелем.

Пыль, поднятая колесами, закрыла повозку, потянулась серым клубом, скатилась в леваду и заволокла кустарники. Замер лошадиный топот...

Настя тяжело вздохнула, смахнув нечаянную слезу, и еще раз посмотрела в ту сторону, где скрылись дрожки. Пыль уже осела. Над кустарником парил ястребок. Она опечаленно пощупала свой округлый живот: под сердцем вздрагивало дитя.

И не видела Настя случившегося в леваде.

Из густых кустов на проселок выбежал колченогий мужик в постолах. Грязные онучи его были переkreщены серыми веревочками. Он поднял холщовую сумку над головой:

— Постой, чоловиче!

При Леониде в возке был денежный мешок. Почтарь опасливо вырвал из кобуры наган:

— Прочь с дороги!

Но мужик уже хватко держал пегашку за уздцы.

— Леонид, привет!

Ставский грязно выругался, пряча наган. Он узнал в мужике колченогого Щуся.

— Дурак! Мог пристрелить.

Колченогий обошел возок, забрался с ногами на рядом. Привалившись спиной к Леониду, чтобы видеть все сзади, распорядился:

— Трогай!

Дорога была пустынная, увиливала в глубокий овраг. Среди

зарослей лещины и колючей акации Щусь промолвил:

— Поговорить треба.

— Говори! — настороженно промолвил Ставский.

— Долгий разговор. Если вечером у тебя? Не опасно?..

— О чем балачки?

— Тебе привет от дяди... из Херсона.

Ставский весь просветлел, услышав начало пароля, схватил Щуся за узкие плечи.

— И ему кланяйся. Тетка жива?

— Сердце болит, но шустрая.

Леонид тряс Щуся еще и еще, прижимал к груди. Столько пережито в ожидании! Щусь ловко спрыгнул в траву, пошел рядом с повозкой.

— Так условились?

— Приходи, Наум, после заката солнца. Три раза стукни — я встречу. Ты давно оттуда?..

Щусь растянул вывернутые губы в ухмылке.

— Вечером скажу. Баба надежная? Не побежит в ГПУ?

— Дура! Захочу — ноги оближет.

Наум согласно махнул рукой и скрылся в кустах орешника.

Ставский разволновался: наконец-то! Посланец из Парижа оказался старым знакомым. Стал перебирать в памяти, о чем сообщить «туда». И не утешился. Чекисты загребли почти всех агентов. Ликвидировали банды. Сами селяне помогают вылавливать остатки. Из Бердянска сам едва унес ноги! Оружие пропало. Спекулянты засыпались. Фу ты! И мыслить стал по-воровски. Он, офицер гвардии!

Ставский заскрипел зубами и мерзко выругался. Ударил кнутом пегашку.

— Давай, стерва!

На станции обернулся с почтой быстро. Домой гнал лошадь кнутом.

По пути в магазине взял бутылку водки. От нетерпения скуластое лицо покраснелось, во всех движениях — нервозность! Ставский растерял былую выдержку: постоянное напряжение, ежеминутная опасность разоблачения, очевидность провала заговора в Донбассе, долгое молчание парижских хозяев — все это истощило ум его и сердце...

Настя, издали увидев родной возок, поспешила навстречу. Открыла ворота, ввела лошадь во двор и стала распрягать ее. Пегашка, натерпевшись за дорогу от хозяина, пыталась цапнуть Настю за руку. Леонид похохатывал. Настя безмерно была счастлива, видя, может быть, впервые улыбающееся лицо Леонида.

Пообедав и вздремнув, Ставский ушел в огород и вернулся лишь к вечеру. Обратился к Насте:

— Дядько Охрим обещал товару на сапоги. Съезди-ка к нему, привези.

Настя готова была для Леонида хоть на край света идти. Без слов запрягла пегашку.

— Не засиживайся, ждать буду, — предупредил Ставский.

Настя — уж на возке, подобрала юбку и ласково отозвалась:

— Жди, мий голубь.

Ставский хорошо знал, что она сможет вернуться лишь к третьим петухам — до дядьки Охрима десять верст!

Щусь явился в полной темноте. На троекратный стук вышел Ставский.

— Где ты?

Осторожный махновец отмолчался, выглядывая из-за плетня. Вполголоса спросил:

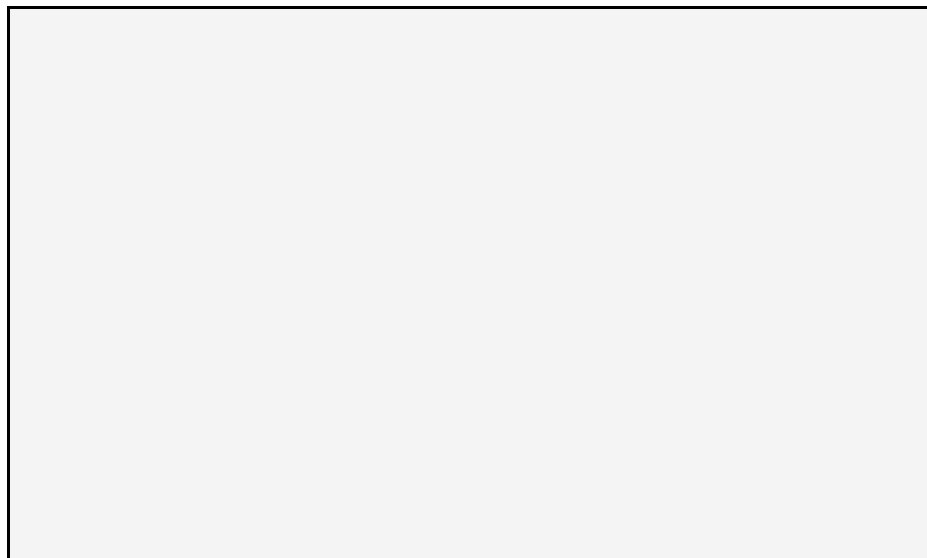
— Жинка дома?

— Отослал.

Гость бесшумно пересек двор и на крыльце замер, прислушиваясь — нет ли голосов в хате, потом только юркнул в сени.

Ставский предусмотрительно заранее занавесил окна и накрыл на стол. В слабом свете семилинейной лампы поблескивали две бутылки. На сковороде шипела яичница.

Пили стаканами. Говорил больше гость, изрядно охмелев. Ставский же чем больше пил, тем заметнее бледнел и яснее обрисовывались его скулы, мрачнело костистое лицо. Слушал он со злобным вниманием.

Щусь говорил с придыхом:

— В Париже — цвет русского офицерства. Двадцать пять тысяч! И мы придем за головами большевичков! Придем!.. Знаешь, с братом Николая второго я на «ты». За девочками вместе волочились...

— Какой брат?

— Двоюродный. Дмитрий Павлович, который Распутина прикончил! Митя мой подцепил богатейшую американку. Купается в вине и удовольствиях. По Швейцариям ездит... Эх, Леня, жениться бы, как Мдивани! Князь такой, грузинский генерал. Отхватил Барбару Хэттон!..

— А она кто?

— Красавица! Гусыня с золотом. Из церкви молодых вели до самого дома по коврам! Пили трое суток... Вот Антон Иванович Деникин — сволочь! Нашего брата, казака, не допускает в свои дворянские клубы. Это — чекист в мундире!..

Ставский оскалил острые зубы, грохнул кулаком по столу.

Щусь отодвинулся.

— В Париж хочу!.. Я озверел, мужиком стал. Сплю с толстой бабой. Нюхаю вонь, как последнее было!

Он задохнулся в припадке ярости, глаза побелели, и на лбу вздулся красный шрам. Выпил. С хрустом жевал лук.

— Бить! Вешать! Резать! Жечь! Где же Кутепов? Где Врангель?..

— Э-э-э, Ставский, у тебя нервишки! Понимаю — нелегко. А мне легче?.. Там косятся — конским потом несет. На границе — пуля стережет и овчарка вынюхивает... Священное дело освобождения России от большевистского режима требует всех наших сил, дорогой Леонид Захарович.

Щусь осоловело пожевывал свои вывернутые губы и зло плевался.

— Не падай духом, Леня! Помнишь, в малине Терентия нас прижали?.. Ушли!.. Платон Нечитайло в лесу не ушел, а мы ушли!.. Из Бердянска ты ушел?.. Ушел!

— А тебе откуда известно? — вспылil снова Ставский.

— Парижу многое известно! — Щусь прищурился.

Ставскому показалось, что гость представляется пьяным. А может, он проданся ГПУ и водит за нос?.. От такой мысли похолодело в груди!.. Леонид подвинул лампу к самому Щусю, пытаясь взглянуть в него.

— По-дружески советую: не рвись в Париж! Там недовольны тобою. Зачем ты связался с Петерсоном, мелким спекулянтом?.. Для нас он — ничто! Дело провалил. Где оружие, с таким трудом переправленное через границу? У чекистов! По чьей вине? По твоей вине!..

«А кто для вас кто, дураки? — остервенело думал Ставский. — Обжираетесь, бабничаєте. Повертелись бы тут, рядом с ГПУ...»

— Генералу Кутепову совсем неясно, зачем ты забрался в эту Сухаревку? Вдали от больших центров, где решаются государственные дела. Вдали от рудников и заводов... Нет, тобою недовольны.

— Передай генералу Кутепову, что, при всем моем уважении, он глуп как пробка! — сорвался Ставский и снова стукнул кулаком так, что бутылки опрокинулись. Щусь подхватил их.

— Тише, Леонид!

Щусь имел задание узнать настроение Ставского, проверить его надежность и лишь потом передать важное задание.

— Трудно, Наум, чертовски трудно! Наши люди открываются чекистам. Отказываются выполнять приказы... Не верят нам. Где же обещанная помощь союзников?.. Куда девалась добровольческая армия?

— О налете британской полиции на «Арокс» в Лондоне ты знаешь? Порваны торговые и дипломатические отношения. В

Китае надвигаются дела — скоро узнаешь и ахнешь! Генерал Кутепов подбирает армию. Вы — здесь, а мы — оттуда!.. Товарищи большевики за мужика берутся. А он за землю в горло вцепится большевикам!

Ставский нервно расхохотался.

— Дети! Как есть дети. — Он взял Щуся за руку и потащил к двери.

— Пошли к крестьянам! Пусть они послушают тебя, освободителя!

Щусь упирался, хватаясь за маузер, спрятанный под мышкой. Ощерил желтые лошадиные зубы:

— Не дури!

— Не трясись! Противно...

Ставский бросил гостя, вернулся к столу и вылил в рот стакан водки.

— Ну, говори, что вы там еще придумали в своем Париже.

Гость встревоженно размышлял. Ему не нравилась расхристанность Ставского. Но долго быть в Советской России ему совсем не улыбалось — на Украине многие помнили Щуся, ведущего атамана батьки Махно. Случайная встреча — и прощай, голова! Лишь за большие деньги он рискнул идти на связь со Ставским. И он шепотом заговорил:

— Гепеушники взяли наших товарищей на шахтах. Добрались и до Москвы. Парижский центр требует активизации саботажа и диверсий. И вы, Леонид Захарович, могли делать больше, чем делали до сих пор.

Послышался скрип колес, конский топот. Кто-то отворил ворота.

Щусь отпрыгнул к двери, обнажая маузер. Всполошился и Ставский, прикрутил фитиль семелинейки.

— Жинка, должно быть...

— Смотри, Ставский, прикончу первого тебя! — Щусь указал маузером на двери:

— Вперед!

В сенях Щусь притаился.

Настя вошла в хату, так ничего и не заметив. Но, увидев закуску и бутылки на столе, она с подозрением кинула:

— С кем это?..

— Товарищ по службе был.

— В спиднице товарищ! — И заплакала, опускаясь на лавку.

— Не придумывай! Лошадь распрягу та в огороде привяжу...

— Я сама, Леня...

— Зачем же, ты устала.

И тепло ей стало от таких слов. И она, отбросив подозрения,

стала убирать со стола.

В огороде Ставского дожидался Щусь. Скороговоркой выпалил, будто бы не был во хмелю:

— Криворожскую руду покупают поляки. Задержите поставки — вот вам цель! О выполнении задания узнаем в Париже по разрыву торговых отношений между Пилсудским и красной Москвой. А тогда, я не сомневаюсь, — Париж! Женщины, вино, деньги...

— Кто делать будет этот разрыв? — угрюмо спросил Ставский, стреноживая пегашку. Вспышка надежды, вызванная появлением посланца из Парижа, угасла, и на душе Ставского снова за клубилась тоска. «В прошлом году убили Войкова в Варшаве, а толку?» — думал он.

— Ты же сам передавал в Париж о том, что имеешь сеть резидентов и верных людей. Или то были слова?

Ставский не успел ответить. Во дворе раздался голос Насти:

— Леня, скоро?..

— Та треножу...

Молча пожали друг другу руки. Прошли несколько шагов вместе. Щусь шел с маузером наготове. На прощанье тихо сказал:

— Ну, бувай! Пароль прежний. Желаю удачи!..

— Ле-е-еня-а-а!

— Вот мразь! — Ставский выругался, направляясь в хату.

Илья Захарченко ничего не знал об этой встрече. Спали и сельсоветчики. Спали и чекисты. А Щусь, прицепившись на ходу за тормозную площадку, на товарном поезде покинул Сухаревку.

Илье Захарченко было не до того. Он решал свою трудную задачу: как быть с братом? Почтальон, конечно, не случайно завел разговор. Может, хотел предупредить: будьте, мол, осторожнее! Если почтарь знает про Карпа, то и другие соседи могли увидеть брата и донести в милицию.

Илья направился было к клуну, чтобы поговорить с Карпом. «А куда он денется? Затревожится и глупости не избежит. Опять путь в милицию!..» Илья вернулся на крыльцо. «А если самому рассказать чекистам?» От такой мысли бросило в жар: «Родного брата предать!» И в тот же миг другая думка: «А если донесут, все равно попадет туда же. Самому сообщить, снисхождение будет. Да и не съедят же его чекисты! Захарченки — не куркули и не помещики. А что воевали против красных, так разве же мало таких было? Не всех же под расстрел. Даже в Сибирь пошлют, не навечно же! А на то время, пока Карпо будет в тюрьме, Илья останется за хозяина: поскрипит, обеспечивая семью брата. Так и так этой участи не избежать!

Глубокой ночью приехал Илья Захарченко в Верзовцево. Дежурный по станции показал ему домишко, где я жил с семьей. Он несмело постучал в окно.

Я привык к ночным побудкам и вмиг очутился на ногах. Прихватив кольт, вышел в сенцы.

— Кто там?

— До вас. Побалакать треба. Дежурный из Сухаревки.

Пришлось одеваться и идти в оперативный пункт. Выслушав его признание, я так, между прочим, поинтересовался, нет ли у почтара шрама на лбу?

Захарченко ответил не сразу, припоминая облик соседа.

— У него чуб. И борода. А, мабуть, мае вин и шрам. — Не это занимало Илью. — А Карпу богато присудят?..

— Все же есть или нет шрам?

— Та есть! Есть косой шрам... А що Карпу?..

Что я мог ответить этому человеку? Вину Карпа Захарченко не знал. Покажет следствие.

— Постарайтесь, щоб поменьше... Трое у его. Та жинка хвора. Силой его взяли. То Петлюра, а потом — гайдамаки...

— Если лично не замешан в расстрелах и грабежах, быть может, отпустим к семье. В крайнем случае, получит условный срок.

— Постарайтесь... Я сам заявил. Так я поеду, а то утром на дежурство заступать.

Отпустив Захарченко, я тотчас доложил обо всем в дорожно-транспортный отдел ОГПУ. Там подняли с постели Макара Алексеевича, и он приказал мне:

— Ставского арестовать немедленно! Захарченко — тоже! На помощь вам выедет Леонов.

Не заходя домой, я сел на товарный поезд и помчался в Сухаревку.

Ставский, обдумав, как лучше выполнить задание, начал поиск помощников. И обратил свой взор на брата Захарченко.

Карпо обосновался в клуне, в старой соломе. Прорыл нору, а внутри расширил ее. Образовалось подобие просторной пещеры. Настелил овчины. Жена принесла рядно. Спал он днями, а ночью выползал из укрытия и прогуливался, чутко, как зверь, прислушиваясь. В темноте к нему прокрадывалась жена, и в тесной норе они жарко шептались, обсуждая будущее. Оно рисовалось им нерадостным. Покидая мужа утрами жена умоляла его выйти с повинной к властям. Он сперва соглашался, но, представив себе тюрьму, далекую Сибирь, зарывался еще глубже в соломенный омет...

Ставский хорошенько все проведал и глубокой ночью, когда Карпо выполз по нужде из своей схроны, нырнул в нишу и затаился в темноте.

Вот уже слышно сопенье Карпа, близкий шелест соломы. Кряхтя и позевывая, Карпо ввалился в свое логово. Что-то поставил у входа и засветил зажигалкой свечку. По-звериному отпрянул, почуяв, что не один в норе. Поднял обрез.

Ставский натренированно ударил его под локоть, и обрез выпал из рук Захарченко. Ставский навел наган.

— Сидай, Карпо! Хлебай свой кулеш, если хочешь. Поговорим. Нам известно — хлопец ты смелый. А я люблю храбрых!

Обросший, черноволосый Захарченко оторопело достал ложку и черпал из котелка, принесенного с воли. Зверковатые глаза не отводил от обреза, прижатого ногой Ставского.

— Кто ты? Чого тобі треба?

— Дело есть подходящее, — откликнулся весело Ставский, будто бы они были знакомы давно. — Согласен помочь?..

Карпо уже освоился и принялся с жадностью хлебать холодный кулеш. Он понял главное: это — не чекист! Чекисты навалились бы гуртом и пикнуть не дали бы... На добрые дела так не приглашают! Значит, этот собирается втянуть его в какую-то опасную игру. А опасности Карпу осточертели! И он решил противиться.

Ставский же посчитал, что Карпо сдался и обдумывает цену, чтобы не продешевить.

Молчали. Слышно было потрескивание горевшей свечи да чавканье Захарченко. Первым нарушил тишину Карпо. Он стукнул ложкой по котелку и сказал:

— С меня хватит! У мэнэ диты та жинка. Блукают по людям, як ти голодранци.

— А если я заявлю в ГПУ? — опять с веселинкой спросил Ставский. — Он был уверен, что Захарченко в его руках.

Карпо недобро повел зверковатыми глазами исподлобья и прорычал:

— Я сам утром пойду в милицию!

— Дурень! Расстреляют без суда. А дитей та жинку в Сибирь пошлют. Иди, иди, дурень!

— Бреешь! — Улучив момент, Карпо рванул обрез, но Ставский опередил противника и наотмашь ребром ладони ударил его в висок. Как сноп свалился на солому Карпо. Ставский быстро обшарил его карманы, однако ничего не обнаружил, кроме табачной крошки. Обрез сунул подальше в солому.

Очнувшись, Карпо злобно прошипел:

— Ловкую руку маешь. Що тобі треба?

— Пойдешь со мною!

— А если нет?

— Имей в виду, мы и детей не щадим! И рука наша длинная.

Изжарим на костре!

— Не лякай! Подумать треба. Утром скажу. Дэ знайты тэбэ?

Ставского это не устраивало. С огорчением он стал понимать, что этот надломленный, загнанный в подполье человек именно теперь может побежать в милицию. В норе он уже присмотрелся, запомнил Ставского, узнает его по голосу и укажет гепеушникам. Но если его запугать, взять обязательство сотрудничать с белоэмигрантами, то он может стать хотя бы на время послушным.

— До утра ждать не могу! Пошли!

Карпо кошкой бросился на Ставского, впился пальцами в его кадык. Покатались оба, опрокидывая котелок с кулешом. Ставский никак не мог оторвать крепкие пальцы Захарченко, задыхался, захлебываясь своей же слюной... А Карпо все давил, понимая, что в смерти пришельца его спасение.

И тогда в соломенном омете глухо щелкнул выстрел. Захарченко разжал пальцы, схватился за живот. Гость оттолкнул его обмякшее тело, сунул наган за пояс и торопливо выполз из норы, предварительно уронив свечку.

Затрещала солома, и из логова заструился дым. Слышались еще стоны, надрывный кашель. В темноте норы мигнуло пламя. И протяжный, будто бы волчий вой:

— А-а-у-ooo!!!

Задами усадеб Ставский добежал до мазанки над оврагом, тихо проник в сени и стал в темноте нашаривать мешок. Опрокинул ведро.

— Кто там? Это ты, Леня? Дэ ходишь? Солнце, мабуть, встает...

Настя спросонья прошлепала босыми ногами до дверей.

Ставский не отзывался, молча хватал свою одежду, толкал ее в мешок. Туда же бросил паляницу хлеба и шматок сала.

Настя всполошилась:

— Що зробылось?

Переваливаясь с ноги на ногу, как отяжелевшая утка, придерживая большой живот, она вышла к Леониду.

— Куда, мий голубок, собираешься?

Ставский завязывал мешок, чертыхался; наконец, закинул его за спину. Поняв, что ее Леонид уходит надолго, быть может, навсегда, Настя всхлипнула:

— Бросаешь? Лучшую нашел? Я тебе не нужна?

Она припала на колени, обвила руками его ноги и завывала по-собачьи:

— Не пущу-у-у!!!

С силой ударил ее Ставский рукояткой нагана по голове, отбросил с дороги, попав грязным сапогом в живот, и выбежал.

Настя ойкнула, согнулась и затихла. Из-под нее черным растекающимся пятном показалась кровь...

На дворе было светло, как днем. Уже горела крыша клуни, кидая ввысь золотые искры. По всей Сухаревке лаяли собаки, хлопали двери.

— Рятуй-и-ите-э-э-э!!! — Это в хате Захарченко дурным голосом закричала женщина.

Через огороды, прямо по грядкам, пригибаясь и оглядываясь, бежал Ставский прочь от мазанки над оврагом. «Может быть, зря ухожу? Кто узнает, что я был у Карпа?» — думал Леонид, сбегая в овраг. Но, вспомнив свой разговор с дежурным по станции Сухаревка, прибавил ходу.

В ту недобрую ночь мы втроем были в Сухаревке: из Сечереченска приехал Леонов с милиционером. На станции наметили план операции и пошли к мазанке тем же оврагом, что и Ставский. Только случай отвел нашу встречу.

Спустившись ложбиной к селу, мы увидели огромное зарево. В красной заре пожара отыскивали мазанку Насти. Двое остались под окнами, а я — к двери. Присвечивая ручным фонариком, рванул дверь на себя и едва не упал: она была незапертой! В комнате светло от близкого пожара. В его багряных отблесках увидел я Настю на полу. Ночная окровавленная сорочка была разодрана на груди. Волосы разлохмачены. Безумными глазами она смотрела на меня.

— Леня!.. Ле-е-еня-а!...

Я окликнул товарищей: искать Ставского в Сухаревке уже не было смысла.

— Ото поганец! — зло сказал Леонов, подзывая милиционера. — Бегите в село за фельдшером. Родит жинка...

— Что же делать, Семен Григорьевич? — спросил я Леонова.

— Брать Захарченко! — невозмутимо ответил он.

Население Сухаревки толпилось вокруг пожара, вытаптывая огород, ломая плетни и бестолково шумя. Более расторопные образовали цепочку и, передавая из руки в руки ведра, лили воду в огонь. Другие мужчины забрались на крыши ближних хат. Палками и свитками гасили они обильные искры и мелкие головешки, долетавшие по ветру от клуни Захарченко.

В кругу на земле билась женщина. Ее обступили хуторянки.

Сочувственно покачивали головами. А женщина истощно кричала:

— Ка-арпо! Ка-а-арпо-о-о! На кого ж бросив детей?.. Пропать тебе! Народыв щенят, а кто же кормить будэ?.. Карпо!..

А меж людей вертелся Илья Захарченко и все спрашивал:

— Брата не бачили? Карпа не видели?

Селяне пожимали плечами: они знали, что Карпо Захарченко в бегах и удивленно смотрели на Илью: рехнулся с горя!

Досужие жинки вызнали: Карпо в клуне был! И люди еще больше заволновались, с горечью и ужасом глядя в огонь, ожидая, что Карпо выскочит из пламени...

Лишь под утро погасили пожар. Курились головешки. Гарью забивало дыханье.

Люди бродили, понутив головы. Мужчины разворошили пепелище до конца и внизу нашли обгоревший труп мужчины. Его отправили в Днепропетровск. Илья опознал в нем своего брата.

Экспертиза заключила, что Карпо был убит до пожара. А о том, что произошло в клуне, мы долго не знали.

На меня навалилась очередная неприятность: опять упустил человека со шрамом! Последовал срочный вызов к начальству.

— Что же это у вас делается, академик! — нелюбезно встретил меня Макар Алексеевич.

Я недавно вернулся из Москвы, где учился в школе ОГПУ, и в нашем отделе быстро прилепили мне этого «академика». Я начал объяснять обстановку на участке, но начальник отдела перебил меня:

— Где искать вашего Ставского?.. По имеющимся сведениям, Ставский и Петровский, что создавал склады оружия в Бердянске, одно лицо. И Квач-почтарь — он же! А для нас с вами он остается человеком со шрамом. Найти и узнать его связи — вот задача!

— Найдем! — горячо уверил я начальника. Трижды пересекались наши дороги с этим хитрым врагом. И трижды он уходил от меня. Начальник хорошо знал это.

— Слова, Владимир Васильевич! Враги усиливают атаки, а мы, как слепые кутята. Классовая борьба будет обостряться. Так учит нас партия и товарищ Сталин. Так оно в жизни и есть. Сами видите. Думаю, что в Москве, в школе вам это лучше меня объяснили?..

Я согласно кивнул головой. «Все партийные документы так говорят, — думал я, выслушивая наставления Макара Алексеевича. — Выходка троцкистов в десятую годовщину Красного Октября чего стоит! Пытались провести праздничную демонстрацию трудящихся под своими флагами... В деревне кулак поднял голову. Участились убийства советских

активистов».

— Для ориентировки, Владимир Васильевич. Белая эмиграция ждала и пророчила падение Советской власти. И не дождалась! Тогда наиболее ярые заводчики и тузы финансовые образовали в Париже «Общество бывших горнопромышленников юга России» и «Общество кредиторов бывшей старой России». Цель — вредительство в России! А немного позднее, с 1926 года, — партию «Торгпром». Задача у них одна — экономическая диверсия против большевиков. Воротилами фактическими во всех этих обществах и организациях являются: Нобель, Манташев, Третьяков, Рябушинский, Гукасов и другие миллионеры, выброшенные из России. На услужение к ним пошли бывшие офицеры царской армии. Русский общевойсковой союз объединяет и сохраняет кадры офицерства белой армии для борьбы с нами. Он ставит на карту боевиков, шпионов, диверсантов. Их засылают к нам, в Советскую Россию. Главный в этом Союзе генерал Кутепов, контрразведчик. Кроме него — бывший начальник штаба Врангеля генерал Шатилов. Генеральный секретарь РОВСа — полковник Мацылев и еще кое-кто помельче. Почему я говорю вам обо всем этом? Потому, Владимир Васильевич, что шапками таких не закидаешь. Нам предстоит трудная борьба с тайной контрреволюцией. Вам знать это особенно важно: вы, главным образом, вели бои с бандитами и меньше сталкивались с внешними врагами.

— Ясно, товарищ начальник! — Я встал, но Макар Алексеевич махнул рукой: сидите! А сам расхаживал по ковру.

— В Париже выходят три русские ежедневные газеты эмиграции. «Возрождение» финансируется Абрамом Гукасовым, бывшим бакинским магнатом нефти. Редактор ее Петр Струве. «Последние новости» делаются Милюковым.

— Кадетским вождем? — удивился я. — Конституционные демократы царя-батюшки.

— Да. Тот самый Милюков и те самые царские демократы. Есть еще «Дни» — это партия Керенского, эсеров, как понимаешь. Все они описывают большевистские кошмары и злобно клеветуют на красную Россию. — Макар Алексеевич потер лысину, вынул из кармана таблетку, сглотнул ее и запил водой.

— Изжога, будь она неладна! Так вот. Ставский-Петровский-Квач, або Скиба, надо полагать, офицер РОВСа, агент белой эмиграции. И не может быть непричастным вот к этому. Читайте!

Я взял из его рук шифровку Центра ОГПУ. В ней сообщалось о том, что в Щекетовке на станции произошло два взрыва. Приказывали срочно расследовать.

— Почему нам? — удивился я.

— Руда. — Начальник отдела взял у меня депешу, вложил в папку. — С Польшей мы заключили торговую сделку. Продаем криворожскую руду. В Щекетовке поляки перегружают ее в свои вагоны. У них колея уже нашей. Так вот, польские грузчики копнули руду — последовал взрыв. Через сутки — опять! Поляки подняли шум. Грозят расторгнуть соглашение...

— Так мы-то при чем? — снова спросил я.

— Товарищ Громов, имейте терпение! Об этих взрывах в Щекетовке во все колокола зазвонили польские реакционные газеты. Подняли вой три эмигрантские газеты в Париже. Им вторят в Харбине: «Враждебные акты большевиков! Красный террор вместо торговли!..» Руду поставляем мы. И нам надо быстро во все вникнуть, Владимир Васильевич. Вникнуть и пресечь! С чего бы вы начали, товарищ Громов?..

Задание меня ошеломило. Где Щекетовка и где мы!.. Руда проходит сотни верст, пока попадет на перегруз. И я растерянно молчал. Макар Алексеевич пришел на выручку:

— Конечно, взрывы могли быть случайными. Скажем, на шахте пироксилиновый заряд не сработал, попал случайно в руду, а при перегрузке его ткнули лопатой. При такой версии встает вопрос: почему нет взрывов внутри страны? Почему их не было, пока не торговали с Польшей? Почему их не было в царское время? Конечно, случаи были как величайшая редкость. Значит, версия случайности отпадает. Остается исследовать путь руды по железной дороге и сам рудник. Остается обострение классовой борьбы как причина. Так и условимся на все время операции — это диверсия! Уверенность в работе будет — и цель яснее. Берите, товарищ Громов, командировочное предписание.

— Начну с шахт Красного Лога! Так я вас понял, товарищ начальник?

— Действуйте! Местным товарищам я позвоню. Докладывайте ежедневно.

— Может, человека со шрамом встречу.

Макар Алексеевич улыбнулся.

— Может быть. Все может быть, академик!

— Ясно, товарищ начальник!

— Кстати. Центр намерен прислать Бижевича. Он наш шеф, а дело срочное. Одним словом, помогать приедет...

Меня не обрадовала эта весть: начнутся обычные попреки. «Притупилась бдительность! Враги народа распоясались, а вы миндальничаете!» И все это в истерическом тоне, с угрозами и намеками. Но я промолчал: приказы не обсуждаются.

По пути на шахты я остановился в Верзовцеве: взять пару белья в командировку. У порога нашего домика на песочке играла

Светлана, а жена занималась вышивкой в тени под акацией.

— Здравствуй, Светик!

Дочка засмеялась, побежала навстречу. Я подхватил ее на руки. Она потянулась к карману — там всегда находила конфеты.

Узнав о новом самостоятельном поручении, Анна Ивановна обрадовалась:

— Выполнишь хорошо, выдвинут и переведут в большой город. Хорошо бы в Днепропетровск! — Ее тяготила жизнь в Верзовцеве, маленьком поселке, где она не могла устроиться на работу.

Конечно, о сути моего задания Анна Ивановна не знала. У нас так было заведено: она ни о чем не расспрашивала сама, а я только в пределах возможного посвящал ее в свою работу. И в тот раз она стала собирать чемодан без лишних расспросов. Только уточнила:

— Когда вернешься?

Я и рад бы ответить, но сам не знал. Взрывы в Щекетовке быстро не расследуешь: на легкое я не рассчитывал!

Анна Ивановна закашлялась. Я замечал, что жена все чаще кашляет. Спросил:

— Что с тобою, Нюся?

— Наверное, ветромхватило. Попарюсь в бане и пройдет.

В дверь постучали, и к нам вошел пропыленный Илья Захарченко. Он осунулся. Задыхался еще тяжелее, чем прежде. Смерть брата доконала его.

— Побалакать бы, товарищ чекист...

И мы ушли в оперативный пункт ОГПУ. Захарченко едва шагал. В груди у него свистело и хрипело. Я пожурил его:

— Зачем ехали в таком состоянии? Насчет брата разговор?

— Ни. Що его трясты — убили так убили...

На прежних вопросах я спрашивал его: не Ставский ли застрелил Карпа? Илья горячо возражал: Ставский, мол, сам был настроен против Советской власти. И Карпо воевал против Советов. Ворогами они не были, а скорее — союзники. Теперь же я не услышал в его голосе уверенности.

— Думаешь — Ставский?

— Кто ж его знает. Мабуть, у них старые счеты...

В оперативном пункте Захарченко долго и надсадно откашливался — совсем сдал человек! Говорил с хрипом. «Что же срочное привело его в ОГПУ?» — ломал я голову.

Оказалось, что в Сухаревке видели почтаря на станции. Смазчик спросил: куда едешь? Ставский ответил: за продуктами. Шахтеров, мол, снабжают лучше. Захарченко к билетному кассиру. Та отвечает: да, почтальон брал билет до Красного Лога

через Долгинцево.

— В поезд Ставский садился с мешком, товарищ чекист. Вот за этим я и ехал к вам. Сказать про поганця!..

Меня потрясла самоотверженность этого человека: больной, в горе, обремененный большой семьей, Захарченко думал о поимке врага! Я поблагодарил Илью, проводил до поезда. А сам ругал себя на чем свет стоит! Нужно было в день пожара поискать Ставского в Сухаревке. Утешился тем, что, быть может, в Красном Логе встретимся. И в то же время думалось: Ставский не такой дурень, чтобы открыто ездить на виду у чекистов. Он не мог не знать, что пожаром интересуются в ОГПУ. Загадочное исчезновение почтара также не пройдет незамеченным. Враг постарается запутать следы. В душе я пожалел, что получил новое задание: мне очень хотелось поймать Ставского-Петровского-Квача!

В Красном Логе мне дали в помощь молодого расторопного чекиста, в недавнем прошлом рудокопа. Гришка-гирнык звали его в городском отделе ОГПУ.

По натуре Гриша оказался веселым хлопцем. Он хорошо знал людей и шахтное хозяйство, был уроженцем города — для меня находка! И начальник горотдела ОГПУ, обсудив план расследования, сказал мне:

— Лучшего помощника вам не знайты!

Из всего нашего разговора о взрывах в Щекетовке Гриша сделал неожиданный вывод:

— Треба навести порядок на шахте. Мени дядя казав: Грицько, балуються пидпальники!

— Диверсанта нужно искать! — напомнил я.

— Гарно. Шукать так шукать диверсанта, — с улыбкой согласился Гриша. — Начнем с забоев. Не слабит спуститься в шахту?

— Это очень глубоко?

Гриша рассмеялся, на щеках образовались ямочки, а черные брови — взлет! Он хлопнул себя по коленям и встал.

— Увидишь, друже.

Мы с ним были почти ровесники и перешли с первых встреч на «ты».

Из горотдела ОГПУ мы поехали на бричке с мягкими рессорами. А конь что зверь! Собаки с визгом бросались под колеса, Гриша хлестал их кнутом. Привстав на передке возка, он дергал вожжи и гикал. Его бесшабашность, какое-то вызывающее легкомыслие будило во мне протест. «Но, может быть, мы очерствели в своей повседневности? — думал я, трясаясь в

дрожках. Сознывая важность порученной нам операции, я не одобрял поведения моего помощника. На замечание он ответил:

— Веселые люди долго живут. А мне треба коммунизм побачить! Чуешь, коммунизм!

Вокруг поднимались высокие конусы терриконов, замысловатые вышки и наверху — колеса-прялки. Вертятся да канаты наматывают.

— А не оборвется? — по наивности спросил я.

Гришка-гирный суеверно сплюнул через плечо и строго отрубил:

— Не трепись, дурень! Шахты не любят пустозвонов...

Оба мы почувствовали себя неловко и без слов вошли в контору шахты. Гриша отрекомендовал меня как ревизора горного надзора из Харькова.

Начальник шахты встретил нас без восторга. Седая голова, стриженная под ежик, часто подергивалась — в обвале побывал когда-то. Руки, словно железные, — двадцать лет держал обушок! Под глазами — мешки.

— Чем обязан?

Я стал расспрашивать о делах на шахте. И начальник будто

бы оттаял. Не скрывая своей гордости, говорил:

— Руду на экспорт поставляем! Первая в стране шахта, как полпред. Смотри, враг, що может рабочий человек! Сам шахтер продает руду капиталисту. Зубами лязгает буржуй от злости, а берет нашу руду! А руда — это золото. Так що добываем золото!..

— Взрывами? — спросил я.

Начальник не понял тайного смысла вопроса, да он, наверное, и не знал про Щекетовку.

— А инше як? Бурим, шпуруемо, закладываем пироксилин и взрываем.

— Меня интересует организация взрывных работ.

— И чекистов тоже, товарищ Райс? — начальник шахты обернулся к Грише.

— Взрывы, Павел Пантелеймонович, не шутка! — Гриша поднялся, давая понять, что беседа окончена. И начальник это понял.

— Вы, товарищ Райс, гарно знаете шахту. Провожатых, надеюсь, не потребуете. А насчет остального я распоряжусь.

В копровой мы облачились в костюмы горняков. Взяли лампы-шахтерки и напялили каскетки. Мой товарищ чувствовал себя как рыба в воде. Форма будто бы на него специально сшита, а я в брезентовке и ступить как следует не мог. Гриша, глядя на мою мешковатую фигуру, смеялся от души.

Вот и клеть. Мокро. Внизу темнота. И вдруг пол качнулся, клеть ринулась вниз. Сердце остановилось. Тошнота подступила к горлу, и я невольно схватил Гришу за руку. Тот крикнул в ухо:

— Глотай слюну — легче будет!

У шахтного ствола нас встретил седоусый приветливый кладовщик. Поздоровался за руку. Заговорил с Гришей:

— С чем пожаловал? Мать здорова? Гарно. А поросенок одыбал чи ни? — Узнав насчет нашей миссии, повел за собою в дальний штрек. На ходу я спросил Гришу:

— Родня?

— Дядько мий.

На складе был образцовый порядок. Пироксилин, бикфордов шнур, запалы — все содержалось строго по инструкции.

— Не пирожки выдаемо. Разумием, що к чому, — говорил старый горняк, покручивая усы.

Я проверил книги и ведомости, прочитал рапортички о расходе взрывматериалов. Порядок!

— В забоях так же ведут дело, как у вас?

— Там — справа тэмна. Вон сам бригадир. Эй, Панко, до тэбэ хлопцы!

Валкой походкой поразил меня бригадир — морской волк под

землей! Мрачно глянув на Гришу, он буркнул:

— Що тобі?

— Вон ревизор! — Гриша указал на меня. И мы тронулись.

С бригадиром побывали в дальнем забое. Пospели к самой отпалке. Воздух спертый ударил в уши, и почти одновременно грохнул взрыв. Пыль — дышать нечем!

— Сколько шпуров бурили? — крикнул Гриша. Бригадир пожал плечами:

— Мабуть, шість.

— А сколько зарядов взорвалось?

Опять пожатие плечами. Так же отвечал и запальщик:

— Хто ж его знає, хіба тут підсчитаєшь!

Халатность ударила нас по сердцу. Если взрывник враг — делай свое дело! Никто не учтет. Пироксилин в обертке легко вынести из шахты. Несработавшие заряды свободно могли попасть вместе с рудой и на платформы, и в домны, и на обогатительную фабрику...

После нашего короткого доклада у начальника горотдела ОГПУ тот озабоченно сказал:

— Пойде́мте в горком партии, синки!

Секретарь горкома КП(б)У сразу понял серьезность обстановки. Я рассказал ему о взрывах в Щекетовке.

— Звонили нам из Харькова. Может, соберем актив да доложим? — Секретарь поправил на плече портупею, разогнал складки под ремнем.

Мы согласились с ним.

И собрание актива коммунистов состоялось. Большевиков обязали лично отвечать за наведение порядка на шахте. Администрация ввела строгий контроль за взрывами, за расходом пироксилина.

Но где же диверсант?

В Днепропетровске и в центре ОГПУ были недовольны нашими оперативно-чекистскими мероприятиями.

— Що вы там чикаєтесь? — кричал в трубку начальник ДТО ОГПУ. — Это не просто халатность! Преступление — так организовывать добычу!

Вернувшись к себе, я еще и еще раз перебирал в памяти людей, занятых добычей и перевозкой руды. Начальник шахты — человек, преданный Советской власти. Горняк сам. В гражданскую воевал плечо в плечо с Котовским. Такой не изменит революции! Кладовщики — проверены! Взять дядю Гриши Райса. Коренной шахтер. Коммунист с 1912 года. Арестованный жандармами, сидел в царской тюрьме за политику. Этот — отпадает...

А тем временем в Красный Лог нагрянул Юзеф Леопольдович

Бижевич. Выслушав наши сообщения, взорвался с первого шага.

— Вы — шляпы! Налицо диверсионно-террористическая организация. Кладовщик выдает пироксилиновые шашки. Подрывник прячет, а потом уносит с собою. Еще кто-то сует их в руду. Просто, как репа! Начальник шахты потерял революционную бдительность. А вы слюни распустили. Диверсанты очень рады, что вы усмотрели лишь халатность да митинги митингуете.

Явившись с заранее составленной версией и схемой операции, Бижевич подал список начальнику городского отдела ОГПУ:

— Арестовать по списку!

— А если злого умысла все-таки нет? — Начальник горотдела ОГПУ сомневался в разумности предложенного Бижевичем. — Тут в вашем списке половина коммунистов. Я их хорошо знаю. Неужели они стали врагами?..

Бижевич криво усмехнулся. На его петлицах светился ромб — знак высокого полномочия. Юзеф Леопольдович наклонился к столу:

— Значит, Иисус Христос делает взрывы? Пока вы тут цацкаетесь, в Щекетовке снова убило двух поляков. Невинных рабочих — пролетариев! Весь мир кричит о щекетовских взрывах. Лучше пересажать весь ваш Красный Лог, чем подрывать престиж Советского государства. Судьба страны выше личного! Мне просто странно, что вам, опытным чекистам, приходится толковать о таких истинах!

— Но ведь могут попасть невиновные! — возмутился Гриша.

Бижевич с сожалением глядел на Райса.

— Вы молоды, и вам простительно. Запомните: лес рубят — щепки летят! Халатностью начальства мог пользоваться враг. Вот вы, товарищ Громов, мнетесь, а проверили людей, причастных к пироксилину?..

Я не смог ответить утвердительно.

Надо отдать должное, Юзеф Леопольдович развил бешеную энергию: каждый шаг шахтеров стал известен нам. Правда, насчет ареста по списку он не заикался: в горькоме КП(б)У его охладили, и прокурор города воспротивился.

В ходе повторной проверки всплыл на свет некий Станислав Юркин. Наше внимание привлекли некоторые подробности его биографии. В прошлом офицер саперных частей. Побывал в белогвардейской армии Булак-Булаховича. Теперь, естественно, старался не вспоминать о прошлом. Жил с женой в центре Красного Лога. Работал бригадиром взрывников в смене. Жена спекулировала на местном вещевом рынке.

— Взять под наблюдение! — приказал Бижевич. — И еще усерднее занялся изучением прошлого и связями Юркина. Меня послал взять производственную характеристику на этого бригадира.

Начальник шахты обидчиво заметил:

— Зачем обманывал старика? Ревизо-о-ор!

А Юркина характеризовал положительно. Дисциплинирован. Отличный специалист и знаток рудного дела. Сочувствующий большевикам. Усовершенствование предложил.

— За него, пожалуй, смог бы поручиться! — заявил в заключение Павел Пантелеймонович.

Чтобы не вызвать излишних пересудов, я попросил характеристику и на других бригадиров. И всех их аттестовали положительно.

Бижевич, просмотрев характеристики, обрадовался как дитя:

— Вот вам организация! Вы забыли уроки шахтинского дела. Там тоже коммунисты были замешаны. Начальник поручился за Юркина! Этот Юркин явный враг! А в горкоме шляпа на шляпе сидит и шляпой погоняет. Этот благообразный трясун — начальник шахты — главарь диверсантов!

Я доложил Макару Алексеевичу мнение Бижевича.

— Перегибает Юзеф Леопольдович! — ответил он. — Ты его знаешь.

Бижевич подробно информировал центр ОГПУ, и там приняли всерьез его сообщение. От нас потребовали быстрого раскрытия диверсионной шайки. Сечереченские товарищи стали нажимать на меня.

Конечно, легче легкого было последовать по схеме, разработанной Бижевичем. И за решеткой оказались бы ни в чем не повинные люди. После резкого разговора с Юзефом Леопольдовичем я обратился к начальнику горотдела ОГПУ:

— Как дальше поведем операцию?

— Проверять Юркина! — ответил твердо начальник.

Он держал тесную связь с городским комитетом КП(б)У, пользовался его поддержкой. Бижевичу не разрешили взять под стражу ни одного коммуниста!

Вскоре к нам попало письмо, адресованное Юркиным в поселок Баплей на имя Петрусенко Леонида Пименовича. Текст его был весьма подозрителен:

«На шахте у нас, Леня, были дорогие гости.хлопот наделали и беспокойства. И ты что-то забыл нас. Продуктов стало больше. Тебе закуплено масло. Ожидаем в гости!»

«Гости» на шахте — это, конечно, чекисты. Так поняли мы предупреждение Юркина неизвестному нам Петрусенко. Письмо, безусловно, ушло по назначению. А в Баплей спешно выехал Семен Григорьевич Леонов.

В этом маленьком рабочем поселке Леонов двое суток наблюдал за почтой. Письмо на имя Петрусенко получил паренек лет восемнадцати, работал он стрелочником на железнодорожной станции.

И тут Семен Григорьевич допустил просчет. Уверовав в то, что именно этот паренек связан с Юркиным, он под вечер задержал стрелочника. Тот был страшно удивлен и простосердечно во всем признался:

— Письмо передал чубатому Петру. Жинка у него ревнующая. Вот он и не получает сам письма. Мэнэ просыв, магарич поставил.

— Петро с бородой?

— Ни.

— Шрам есть на лбу?

— А кто его знае?.. Я один раз бачив.

— Живет где твой Петро?

— А хибя ж я знаю!

Понятно, в Баплее никакого Петрусенко не было. Леонов огорченный вернулся ни с чем. Ну и разнос учинил ему Бижевич! И правильно учинил. Не рядовой чекист-новичок, а старший оперативный уполномоченный провалил операцию!

— Тебе кур щупать, а не в ОГПУ работать! — неистовствовал Бижевич. — Караульте дом Юркина, Мышь не должна попасть в дом без вашего глаза!..

Макар Алексеевич ориентировал всех чекистов железной дороги: ищите опасного лазутчика-диверсанта.

Человек с косым шрамом на лбу затерся в народе! И тысячи глаз чекистов и их добровольных помощников из актива ощупывали незаметно каждого, кто хоть чем-то в малейшей степени был схож со Ставским-Петровским-Квачом-Петрусенко.

И вот на Вежецкую, в дом Юркина, пришло письмо из Днепропетровска.

«Масло съешь сам. Продукты побереги до моего приезда. Леня».

Это «масло» не давало нам покоя. Смысл его открылся при трагических обстоятельствах.

Темной ночью Юркин вышел из дома. Оглянулся и теневой стороной направился к шахте. Гриша Райс, дежуривший в тот час у квартиры бригадира, пошел следом.

В то глухое время у движка, который откачивал воду из

шахты, нес вахту старичок-моторист. Вечером он хватил стакан самогонки. За полночь сон пробрал его. Богатырский храп царил в дощатой будке, которая ограждала восстанавливаемый шахтный ствол.

Именно в эту будку и пробирался Юркин. За плечами его Гриша рассмотрел небольшой мешок.

У входа в будку на столбе горела тусклая лампочка. Ветер раскачивал ее, длинные тени ритмично колебались.

Чекист увидел, как Юркин прошмыгнул внутрь. Райс перебежал светлую полосу и приник к щели. Долго не мог различить, что делается в будке. Наконец в полутьме рассмотрел Юркина. Тот вынимал что-то из мешка, укладывал на трубу, опускающуюся вниз ствола, привязывал веревкой. Гриша не сразу сообразил, что делает враг. Можно ли его задержать? Ведь приказ гласил: наблюдать за каждым шагом Юркина!

А Юркин навязал пакеты на трубу, раскрутил шнур. Его намерение не вызывало больше сомнения: взрыв!

Гриша, отбросив все наставления, кинулся к двери. На пороге столкнулся с Юркиным. Тот узнал его, отпрыгнул назад и выхватил пистолет. Ударил выстрел, пуля прошла рядом с головой чекиста.

А на полу по бикфордову шнуру бежал с шипением синеватый огонек...

Райсу удалось выбить пистолет из рук Юркина, и они, сцепившись, покатались по доскам.

А сторож все так же храпел, скрючившись в углу будки.

Юркин был сильнее Гриши-гирныка. Ухватив за горло, он душил, рвал связки чекиста. Он боролся за свою жизнь. А Гриша Райс думал об одном: погасить синий огонек! Последними усилиями чекист оттолкнул врага и ударил его ногой в пах. Юркин задохнулся и безвольно раскинул руки.

Райс пополз к трубе, где темнел большой пакет взрывчатки. Если не погасить синий огонек, произойдет непоправимое: разрушится ствол, выйдут из строя водооткачивающие устройства! После взрыва вода хлынет в действующую шахту, утонут люди. Все это Гриша хорошо понимал...

Но он не успел доползти до огня. Лишь накрутил на кулак шнур.

Юркин очнулся, тихо подкрался к чекисту и с силой ударил его ногой в голову. Доски, прикрывавшие бездну шахты, раздвинулись, и Райс рухнул вниз. Кулак он так и не разжал, и синий огонек мигнул глубоко в темноте. Бикфордов шнур оборвался под тяжестью его тела. Вслед за Гришей во тьму пропасти полетел и тяжелый пакет взрывчатки.

Юркин, с трудом переводя дыхание и отплеываясь, сдвинул доски на место, подобрал свой пистолет и ошалело выскочил из будки...

А пьяный сторож все храпел, стонал в дурманящем сне.

...Чекист, который пришел сменить Райса, не обнаружив товарища на посту, поднял тревогу.

— А Юркин на месте? — гневно спрашивал Бижевич, полыхая дымчатыми глазами, как хмельной.

— Дома. Недавно выходил по нужде, — докладывал наблюдатель.

— Мальчишки! В трибунал вас за нарушение приказа! — орал на меня Юзеф Леопольдович. Он уже предположил, что Райс покинул самовольно пост. Мечась по комнате в горотделе ОГПУ, он обещал мне самые строгие наказания.

— Поиски Райса продолжайте, а Юркина пока не трогайте! — приказал он мне в заключение разноса.

Бижевич, не добившись санкции на арест руководства шахты и лиц, причастных к хранению и расходованию взрывчатки, запросил центр ОГПУ: можно ли репрессировать их без согласия местных властей и органов ОГПУ? Для пользы дела, мол, пойти на крайность. Москва и Харьков отмалчивались, и наш Юзеф Леопольдович ходил мрачнее грозовой тучи, срывая свою злость на нас, грешных.

А Юркин утром спокойно зашагал на шахту. Гриши все не было. На его поиски сотрудники горотдела ОГПУ ухлопали весь день — попусту! Тогда нам и в голову не пришло, что с Гришей может что-то случиться.

Мне не довелось участвовать в поисках Райса. Дела на шахте отвлекли. При очередной контрольной проверке готовых к отправке железнодорожных платформ в руде дважды находили «колбаски» пироксилина. Случайность или диверсия?

Бижевич лично занялся расследованием, а я отпросился в оперативную группу по разработке Юркина и «его». Под «ним» я подразумевал человека со шрамом. Без него, по моему мнению, не обошлось.

И вот я в потрепанном колушке и теплой ушанке топаю по перрону вокзала. «Он» в письме обещал приехать, значит, вокзала не минует. На другой платформе — переодетый в гражданское Вася Васильев. Мы обшариваем глазами каждого пассажира — выход с перрона один.

Пассажиры шумливые, суматошные, спешили в город, как на пожар. Мелькали лица, пиджаки, свертки, мешки, снова разгоряченные лица — и все до ряби в очах.

Издали в толпе я заметил селянскую свитку, рыжую

мерлушковую шапку, приплюснутую на затылке. И бесцветные глаза. А из-под шапки — краешек розового шрама на лбу. Кровь отхлынула от моего лица, огнем заплескалась. Не упустить! Не выдать себя!

«Повел» я рыжую шапку — то был ожидаемый гость. Вася Васильев, увидев меня, глазами спросил: зацепил? Я наклонил голову: следуй за нами!..

Ставский петлял по заснеженным улицам. Проверялся: нет ли слежки? Неожиданно завернул во двор.

Зная, что позади Васильев, я спокойно прошел мимо ворот. Ставский очутился снова на улице. Так и шли: впереди я, потом Ставский, а за ним — Васильев.

Враг вывел нас на «барахолку». Потолкавшись в ряду перекупщиков, Ставский оказался рядом с худой, крикливой женщиной. У нее на руках вязанные платки.

— Купи, красивый, жинке! — позвала она на цыганский манер Ставского.

— Сперва надо иметь жену! — отшутился Ставский и подмигнул женщине.

— За этим дело не станет! — бедово отпарировала она.

Ставский махнул рукой: а ну вас! И направился в молочный ряд, расталкивая барахольщиков.

— Злякався, красивый! — крикнула ему вслед женщина.

Выпив за прилавком горячего молока, Ставский опять вернулся к торговке.

— Мне нужно пять таких платков.

Торговка обрадованно затараторила:

— Можно. Можно. Пять... Домой треба. Тут недалеко. Одно удовольствие пройтись.

Ставский балагурил, зорко оглядываясь:

— С такой жинкой — хоть на край света....

И они ушли. Вслед за ними и мы с Васей Васильевым очутились у дома Юркина. Я был на седьмом небе: мое предположение оправдалось!

Ни торговка, ни Ставский до самого вечера не показывались из хаты.

После гудка вернулся с работы Станислав Юркин.

Начальник горотдела ОГПУ приказал усилить посты вокруг усадьбы Юркина.

В горотделе ОГПУ ребята волновались: брать или следить дальше? Ведь столько труда положено! Помня указания Макара Алексеевича о выявлении всех связей Ставского, я предложил воздержаться от ареста.

Бижевич больше отмалчивался: его не особенно волновал

Ставский. Ему не терпелось доказать, что в Красном Логе образовалась диверсионно-террористическая организация.

Из центра подстегивали: раскрыть организацию! И Юзеф Леопольдович с усердием искал повод обвинить в пособничестве врагу партийных руководителей и хозяйственников города. Его большое самолюбие взяло верх над рассудком.

В разгар изучения связей Юркина он среди ночи поднял с постели начальника шахты, принудил ехать в горотдел ОГПУ. В кабинете следователя спокойно объявил:

— Я обвиняю вас в подрывной деятельности... Ты — враг!

Начальник шахты гладил свой ежик. Голова подергивалась чаще, чем обычно. Но ровным голосом отозвался, позевывая со сна:

— Выпейте воды, товарищ чекист.

— Серый волк тебе товарищ! — В уголках рта Бижевича появилась пена. — На ваших шашках подрывались наши заграничные интересы. Виновник — ты!

Начальник шахты пристукнул кулаком по столу.

— Хватит! Если это арест, то покажите ордер. Если это провокация, то берегитесь!

Бижевич знал, что начальника шахты ценят в Харькове, о нем знает Москва. И распахнул двери:

— Иди, подумай! Если еще хоть одну шашку найдем в руде, то считай, что твоя песенка спета!

Поздно вечером из хаты вышмыгнула простоволосая жена Юркина. Торговка постучалась к соседям. В окне появился свет:

— Чого тобі, Марфа?

— Пусти переночевать. Мой бушуєт...

— Опять пьяный?

— Не говори! Еле убежала.

Дверь захлопнулась, пропустив внутрь Юркину. И вскоре у соседей свет погас.

В хате Юркина не было и признаков драки и попойки. Окна плотно занавешены. На столе следы закуски. Юркин докладывал Ставскому, робко поглядывая на своего шефа. Тот неожиданно прервал его:

— Достал пироксилин?

— Пять зарядов.

— Маловато, черт возьми! — Ставский пересел с лавки на табуретку, нервно похрустывая пальцами.

Юркин дрожал от страха: ему чудилось, что вот-вот постучат и спросят: где Гриша-чекист? Он до боли в сердце боялся сказать об этом гостю. Ставский строго-настрого велел ему проявлять

рвание на работе, ничем не компрометировать себя.

На Юркина закордонные хозяева возлагали большие надежды: хороший специалист, грамотен, умен — может у большевиков далеко пойти! Таких людей Советы весьма ценят. И только вынужденно Ставский пустил в дело Юркина: чекисты перекрыли другие пути к взрывчатке. «Масло» же он приказал использовать на месте потому, что не мог быстро приехать, запутавшись в Сухаревке и заматавая следы. Он не предусмотрел, того, что Юркин столкнется при использовании «масла» с чекистом.

Юркин же решил про себя: если схватят гепеушники, то все свалить на Ставского!

— Станислав, ты помнишь Александра Павловича Кутепова?

— Это из контрразведки? Неприятный человек!

— Дошли слухи, что его выкрали из Парижа чекисты. Верные люди сообщили... И вот чую: ходит смерть по моим пятам!

— Эх, Леонид Захарович, житуха наша жестяная! — вздохнул Юркин, готовый признаться во всем. Но вспомнив, что за непослушание полагается кара, сглотнул слюну.

— Все мы ходим под богом... А помните, как беззаботно жили в Пятигорске? Веселье, вино, красивые женщины. Когда это было — вечность назад!

— Поживем еще, Станислав. Нужно вдалбливать большевикам мысль о том, что рудники истощились. Нет, мол, смысла развивать промышленность. Бесперспективно! Пусть разбираются лапотники... Всеми силами надо тормозить дело. А там — наши вернутся.

Ставский вдруг подсел к хозяину и доверительно спросил:

— Так почему же мало пироксилина?

— Жесткий учет ввели, Леонид Захарович. Чекисты на каждом шагу. А когда придут наши? — Ставский заронил в душу Юркина надежду: может быть, чекисты не успеют напасть на след преступления?

Ставский же не питал такой надежды. Он ставил единственную цель перед собою: скорее и побольше взрывов! А потом — Париж! Судьба Юркина его несколько не волновала.

— Куда послал «масло»?

Юркин торопливо, с боязнью, рассказал как сорвался взрыв шахтного ствола, историю с Гришей.

Ставский осатанел, заметался по хате в одном белье. Шипел, как рассерженный гусак:

— Ты дурак! Если ты на воле, то благодари чекистов. Они еще дурнее тебя! Окончательные дураки! Почему, почему ты, сволочь, вчера не сказал? Мы наверняка окружены. Попались, как

последние дураки!..

Торопливо натягивая брюки, он выключил свет и выглянул в окно. Не приметив ничего подозрительного, приказал:

— Разведай!

Юркин, совершенно разбитый страхом и ожиданием расплаты, поплелся к двери. Уронил в темноте табуретку.

— Тише, олух! — прошипел Ставский. — Стреляй, если опасно! Да быстрее шевелись, растяпа!

Вокруг было тихо, и Ставский немного успокоился, начал собирать пожитки. Его помыслы сводились к малому: скорее уйти из Красного Лога. Путь в этот город теперь заказан. Придется в пути следования до Щекетовки встречать руду. Терпеливые эти поляки: столько взрывов, а не расторгают сделку! Одна трепотня в газетах... А что делать с Юркиным? Проваленный агент — груз не только ненужный, но и опасный. А если оставить его для приманки чекистов? Что он знает? Кроме доставки пироксилина — ничего! Пусть ОГПУ следит за Юркиным, а тем временем он, Ставский, унесет ноги. Но дверь нужно хлопнуть! А что будет с Юркиным? Черт с ним!..

Юркин, оглядывая двор и садик, лихорадочно думал: «А если выдать гепеушникам Ставского. Он — птица не простая! За его голову могут простить меня... Нет! Лучше просить Ставского переправить за границу. Друзья по кадетскому корпусу, воевали в одном полку. Должен помочь!»

Хозяин опасливо вернулся в хату. Лицо посинело от холода и нервного напряжения. На цыпочках, с оглядкой вошел в горницу: он уже не доверял Ставскому — прикончит!

— Спокойно, Леонид Захарович. — И просительно добавил: — С собою возьмите. Или за границу переправьте. Боязно тут!

Но Ставского совсем не занимали переживания агента.

— Ты твердо уверен, что чекист утонул?

— Слышал всплеск.

— А сторож спал?

— Храпел.

— Следы оставил?

— Думаю, что нет. Гильза после выстрела у меня...

К Ставскому возвращалось полное спокойствие и рассудительность.

— Твое счастье и жизнь в твоих руках. Сторожа убери! Раз. Взорви ствол! Два. Пока откачают воду, чекист сгниет. Понятно?..

Юркин заскулил, хватая шефа за руку:

— Возьмите с собою! Не возьмете, сбегу сам. Сейчас сбегу!

Ставский ударил его по щеке.

— Тихо, дура! Не вздумай бегать. Чекисты не поймают, мы тебя прикончим! Понятно? Нашу руку ты, Станислав, знаешь. Твоя задача прежняя, если, дай бог, грозу пронесет стороной. Внедряйся, затаившись. Исполдволь настраивай начальство большевиков, мол, руды нет, разработки бесперспективные. И выбивайся наверх! Понадобись нам — человек явится. Через твою жену. Примета — пуховые платки. Пароль прежний. Если же жену посадят за спекуляцию, то тебя все равно найдут. Ясно?

— Т-так... т-точно...

— Не распускай слюни, Станислав. Ты офицер! Мы еще встретимся. По Парижу погуляем. Где у тебя пироксилиновые шашки? А железо и олово достал?

Юркин торопливо отодвинул половицу в углу: там открылся узкий лаз.

— Все есть, Леонид Захарович.

Чтобы быстрее управиться, они решили вдвоем паковать мешок.

У хозяина вызрела коварная мысль: «Хлопнуть Ставского по голове, связать и передать в ОГПУ!» Он исподлобья оглянул прямую, жесткую фигуру гостя.

А тот был достаточно опытен: вынул наган.

— Иди!

Присвечивая фонариком, сперва спустился по лесенке Юркин.

Ставский намеревался выстрелить ему в затылок. Поднял руку, но в глубине мозга все еще теплилась надежда: вдруг обойдется! Агент ценен, и рука с наганом опустилась.

Подвал был просторным и высоким. В стене виднелось углубление. Оно заинтересовало Ставского.

— Там лаз под обрыв Саксагани, — пояснил Юркин.

Ставский выругался:

— Что же ты молчал, дурак! Он не завален?

— Осенью был исправен. — Юркин стал поспешно отбрасывать доски и мешки, прикрывавшие выход к речке. — Заделали, чтобы тепло не уходило... Вдруг из норы пар пойдет. Закуржавеет — люди заметят...

Леонид Захарович воспрянул духом. По-хозяйски сложил в мешок пироксилин и запалы, а также свернутое трубкой оцинкованное железо и кусок олова. Захватил с собою и толстую заостренную палку с железным наконечником.

Хозяин тем временем раскрыл вход в подкоп. Он и сам теперь понял значение запасного выхода: можно убежать!

И вновь гость указал наганом:

— Ступай первым!

Юркин на четвереньках пополз в нору. Ставский — за ним...

По первому гудку утром из хаты вышел Юркин. Пошатываясь, как пьяный, он обычным путем пошел на шахту.

Чуть позднее от соседей прибежала домой его жена. Вскоре она с полной корзиной в руке поплелась на барахолку, повесив на дверь большой замок.

Наш чекист, карауливший сообщников, доложил в горотдел ОГПУ об изменении обстановки.

— Усилить наблюдение! — распорядился Бижевич, уверенный, что Ставский предпримет какие-то новые шаги.

Юзеф Леопольдович был в приподнятом настроении: из Москвы дали распоряжение строго допросить начальника шахты! Если подозрения Бижевича подтвердятся, то санкцию на обыск и арест даст союзная прокуратура.

А я в тот час проверял на станции очередной состав с железной рудой. Было очень холодно, и мы с Васей Васильевым часто бегали в будку стрелочника греться. И замешкались с контролем. Дежурный на станции поторапливал нас.

— Закурим, нехай ему лихо! — Василий Михайлович привалился к стенке вагона и угостил меня «пушкой». Затянулся я и показалось, что стало вроде теплее.

Вдруг я увидел между составами человека в свитке, подпоясанный коричневым кушаком. За плечами мешок, в руках — палка с металлическим наконечником.

— Ставский! — шепнул я Васильеву.

А где же наши хлопцы? Кто «ведет» его? Чтобы не попасть Ставскому на глаза, я спрыгнул с платформы на противоположную сторону.

Состав был готов к отправлению. Крыло семафора поднято. Рывок — и поезд тронулся.

Ставский на ходу зацепился за борт платформы, подтянулся и перевалился на руду.

Из наших ребят никого! Что-то случилось! Ставский, наверное, ускользнул из-под наблюдения. Я принял решение:

— Вася, едем!

На ходу вспрыгнули на тормозную площадку.

Поезд набирал ход. Низкие тучи. Серенький промозглый день. Ветер насквозь пронизывал наши штатские одежды. Прижавшись спинами друг к другу, чтобы хоть немного согреться, мы следили за врагом, готовые в любое мгновение кинуться на платформу, где он ехал.

Ставский подпрыгивал на руде, опираясь на палку, которая все глубже уходила в толщу груза. Вдруг он быстро вынул палку,

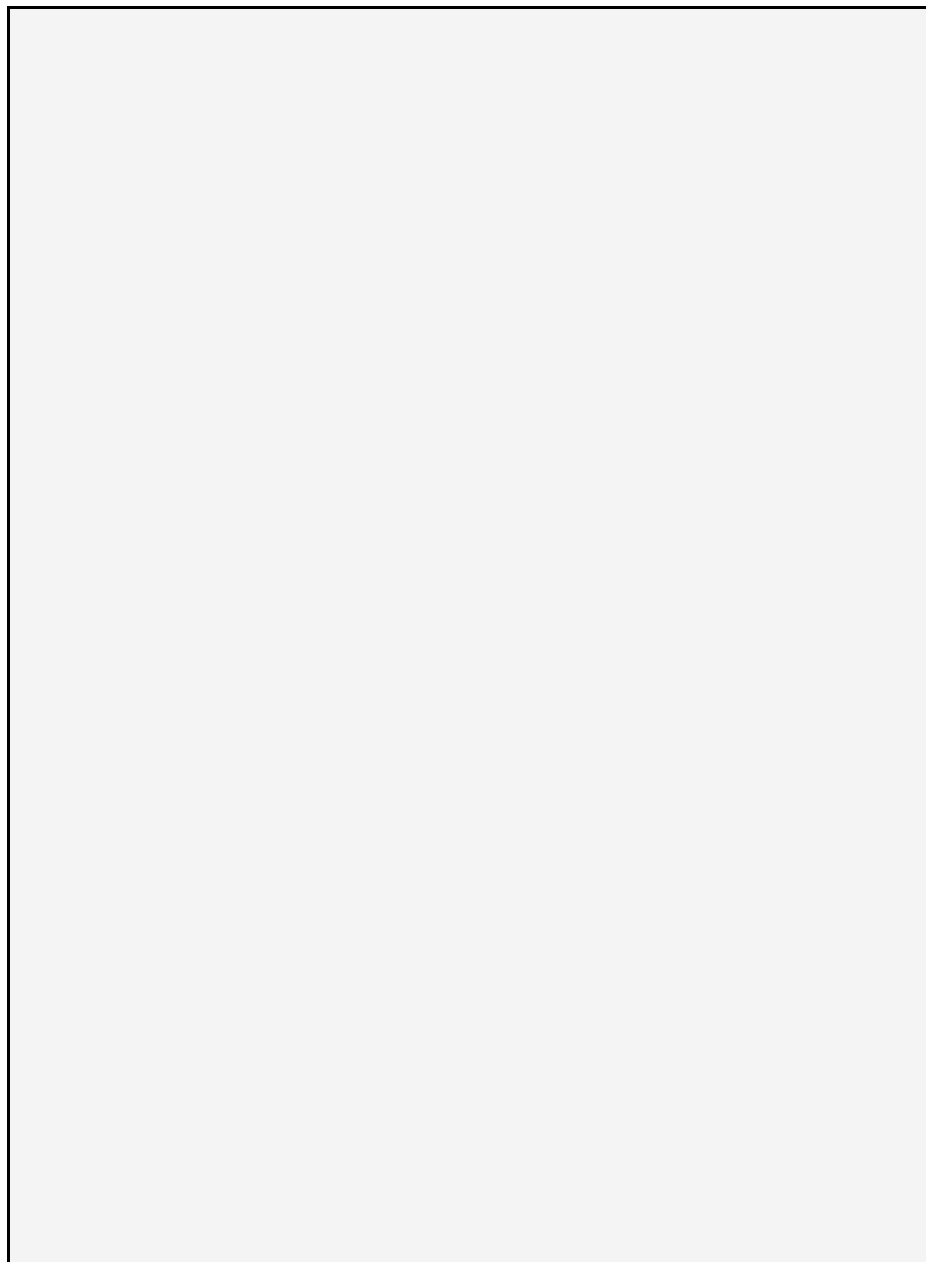
в отверстие вставил «колбаску» пироксилина.

— Ого! — Я толкнул Васильева.

Тот сжал мою руку:

— Берем!

Ставский все еще не подозревал, что обнаружен. Снова присел на груды камней, отложив палку. Из мешка вынул шашку. Мы перепрыгнули на ходу к нему. Васильев всем телом навалился на врага.

Ставский попытался дотянуться до палки и ее острием ткнуть в пироксилин. Мы взлетели бы на воздух.

Я закричал во все горло:

— Не шевелись, гад! Застрелю!

В считанные секунды мы скрутили ему руки и отобрали мешок. За поясом нашли наган. Костистое лицо Ставского побледнело. Он зло отплевывался и мерзко ругался.

Сняли с поезда арестованного в Верзовце. Из оперпункта ОГПУ я тотчас связался с дорожно-транспортным отделом.

Ответил Макар Алексеевич.

— Поздравляю, академик! Высылаю конвой.

На первом допросе Ставский вел себя вызывающе. Он не скрывал своего прошлого. Да, он дворянин из Невинномысского уезда. Да, служил царю и отечеству. Был у Деникина и Врангеля. Никакого Петерсона он не знает. Никакого Захарченко не видел. Юркин? Это кто такой?

Пришлось вызывать людей из Сухаревки.

— Зачем вам железо и олово? — спросил я.

Ставский наигранно расхохотался:

— Не узнать, гепеушник! Кастрюлю хотел сделать и голову твою сварить!

Я распорядился ввести Илью Захарченко и Настю.

Скуластое лицо врага стало белее мела.

Настя бросилась к нему:

— Леня! Голубок мой...

— Уберите бабу! — закричал он, пятась к стене.

Из Сечереченска прибыла команда, чтобы сопровождать диверсанта.

Я задал еще раз вопрос об олове и железе.

Как-то устало махнув рукой, Ставский сказал:

— Запишите. Хотел сделать мину и взорвать железнодорожный мост через Ингулец под Эрастовкой.

— Ставский, вы умный и опытный офицер белой армии. Почему скрывались под видом почтового работника? И в Пологах, и в Сухаревке...

— Дура! Я шел от обратного. Чекисты посчитают, что Ставский не пойдет на почту. А я — пошел! Соображать надо...

В Красном Логе жизнь шла своим чередом. Шахты выдавали на-гора все больше руды. Эшелоны уходили в Щекетовку.

Бижевич арестовал-таки начальника шахты. Тот наотрез отказался признать себя виновным и вообще разговаривать со следователем. В его защиту выступили старые коммунисты. Секретарь горкома КП(б)У, знавший начальника шахты с детства, вызвал к телефону Григория Ивановича Петровского и все ему рассказал.

В тот же день из центра ОГПУ звонок:

— Что у вас там, товарищ Бижевич? Разберитесь с начальником шахты. От Петровского запрашивали!

Бижевич догадался: в Центре недовольны, и он распорядился:
— Освободить!

Подписывая пропуск, он пообещал начальнику шахты:

— Еще встретимся!

— Возможно, — тихо откликнулся Павел Пантелеймонович.

Он не смог сдержать дрожь рук, и пропуск упал на пол. В свинцовой व्यюге он не боялся пуль. С открытой грудью шел на сабли врага. А теперь этот облысевший человек хотел согнуть его. И горько. И смешно. И трагично. Он мог убить, но не согнуть!

Боец войск ОГПУ, сопровождавший Павла Пантелеймоновича, наклонился за пропуском.

Бижевич крикнул:

— Не смей!

Начальник шахты с трудом подобрал бумажку и медленно вышел.

Я с нетерпением расхаживал по перрону вокзала. А поезд все не шел. Ехал Павел Ипатьевич Бочаров! Мы не виделись три года. Какой он из себя? Не переменился ли характер? И уже совсем мальчишечья мысль: не забыл ли клятву?

Я улыбнулся: один из главных руководителей транспортного управления ОГПУ еще помнит высокопарные слова юноши!.. Столько прожито, прочувствовано. Потери боевых товарищей, приобретение опыта, житейской мудрости, огромная государственная ответственность. Я несколько не удивился бы, если бы нашел разительные перемены в моем друге детства.

Из-за голых развесистых акаций вывернулся поезд, клубя дымом и гудками распугивая голубей с крыш.

Ожидание становится невыносимым, и я спешу туда, где предположительно замрет пятый, мягкий вагон.

Павел Ипатьевич сошел на перрон неторопливо. Серая мерлушковая шапка. Бекеша защитного цвета. Белые бурки с широкими отворотами. До матовой синевы выбритое лицо. Розовая метка на щеке. И глаза спокойные, изучающие. Лишь вздернутый нос да легкость в походке напомнили мне в первую минуту встречи моего прежнего друга.

Я вдруг почувствовал себя скованным, и даже удивительно было ощущать в себе неловкую сдержанность. Нерешительно протянул руку:

— Здравствуйте, товарищ Бочаров!

— Здорово, Володя! — Павел Ипатьевич размашисто обнял меня, и мы крепко расцеловались.

Начальник горотдела НКВД подал легковой автомобиль к самому подъезду.

— Далеко до гостиницы? — спросил Бочаров.

— Мы старались, чтоб ближе к шахте, — не понял его начальник отдела, явно побаиваясь представителя Центра.

— Квартала три отсюда, Павел Ипатьевич, — уточнил я.

Бочаров отпустил машину, отправив с ней своего помощника и начальника горотдела НКВД.

Не спеша мы шагаем по хрусткому, припорошенному черной копотью снежку. Павел Ипатьевич прищуренно окидывает меня изучающим глазом. В глазах озорной смешок кондукторского сына, того самого, рязанского, что из Платошкина двора!

— Знаешь, Володя, постарел ты, что ль?.. Никак не пойму!

А я все не мог найти подходящего тона разговора. Павел Ипатьевич казался простым и прежним, но он начальник, приехал по моему рапорту. Я вроде жалобщик. Удобно ли высказывать дружеские чувства?..

— И вы немного изменились.

Так и дошли до гостиницы. Номера наши оказались рядом. Его тринадцатый, а мой — двенадцатый.

— Как же это вы?.. Для начальства такое. — Павел Ипатьевич откровенно рассмеялся, указывая на роковой номер — чертова дюжина!

И у меня как-то сразу гора с плеч! Отвечаю в тон Павлу:

— Прикажете переменить?.. Не извольте-с беспокоиться. Мы мигом-с!

Оба смеемся свободно и откровенно.

Через несколько минут остались вдвоем в его номере. Еще раз оглядываю Бочарова. Добротная гимнастерка с двумя ромбами в петлицах. Два ордена Красного Знамени. Я удивляюсь: откуда и когда второй?

Павел Ипатьевич перехватил мой взгляд и понял невысказанный вопрос.

— Отметили мою встречу в Париже со старыми знакомыми по Крыму. Кстати, твой Ставский был записан в особую картотеку Кутепова. Туда вносились самые способные разведчики белых!

— Как парижане?

— Веселятся. Но — только парижане. А наши высочества — больше по кабакам. И власть делят. Дерутся за престол — и больно и смешно! Случайных, заблудившихся много в эмиграции — вернулись бы домой...

— Не стоит пускать. Своих мерзавцев дай бог вывести.

Павел Ипатьевич внимательно посмотрел на меня и с тревогой спросил:

— Чего ожесточился? Помнится, ты был застенчивым и хорошим голубятником... Насолил вам Юзеф Леопольдович? Мы

даже, откровенно говоря, малость растерялись. Твой рапорт. Письмо старых коммунистов. Звонок от Григория Ивановича Петровского.

— Нравы охраны графа Бенкендорфа вводить не позволим! И не считаться с партией — тоже! — резко сказал я, и сердце заныло тонко и остро. Я задохнулся. Точно такой же приступ был и тогда, когда мы до хрипоты схватились с Бижевичем.

Узнав об аресте начальника шахты, я высказал Юзефу Леопольдовичу все напрямик. Он обвинил меня в политической близорукости и пособничестве классовому врагу. И если бы не сжалось мое сердце до помутнения в очах, то я ударил бы Бижевича. Тогда же, под горячую руку, я настрочил рапорт и отослал в ОГПУ. Высказался начистоту!

— А где остановился Бижевич? Что-то не торопится повидать давнишнего товарища, — сказал Бочаров.

— Этажом выше, в люксе.

Я извинился за резкость и ушел к себе в номер, почувствовав новый приступ сердечной боли.

Назавтра Павел Ипатьевич поднял меня чуть свет.

— Как мотор?.. Может, тебе полежать?..

За ночь я пришел в норму, и уже через полчаса мы направились к шахте.

С первой минуты встречи с нами начальник шахты повел свободную беседу. Павел Ипатьевич сказал мне:

— Займитесь своим делом, товарищ Громов. И остальным товарищам передайте, чтобы не обращали на меня внимания. Заботы у вас много, а времени, как всегда, недостает...

С начальником шахты Бочаров спустился под землю. И весь день плутал по штрекам и забоям. А уже на другой день вместе с утренней сменой пришел в копровую и самостоятельно опустился в прохладную темь шахтного ствола. Ни о чем специально не расспрашивал, ни во что не вмешивался: слушал горняков, вникал в их нелегкие хлопоты. Побывал в горкоме КП(б)У и с партийным инструктором исходил весь город. Видели его разговаривающим с постовым милиционером и женщинами, ожидавшими хлеба у магазина.

Бижевичу все это очень не нравилось. Он приготовил папки с протоколами допросов, другие оперативно-чекистские материалы и попросил Бочарова посмотреть их.

— У меня нет основания не верить вам, товарищи, — ответил Павел Ипатьевич. — Чекисты вы опытные.

Вечером Павел Ипатьевич постучал ко мне.

— Как дела, вояка? — шутливо спросил он. Со свежего воздуха лицо Павла покраснело. Он зябко потирал руки.

— Люблю мороз. А у вас промозглая сырость...

Усевшись в мягкое кресло, с жаром заговорил:

— Строится Красный Лог. Это же просто удивление. Зашел в новые шахтерские домики — улыбаются люди. Здорово, когда смех в доме! А ударничество? На каждой шахте есть с десяток лучших запевал... Что ухмыляешься?.. Дескать, бодрячок нашелся! Лозунги выкидывает!.. Я, друг, вижу во всем этом здоровье народа. И, если хочешь, огромную крепость большевиков... Посмотри, как железнодорожники воюют с обезличкой паровозов! Ведь свое, рабочее хозяйство укрепляют. И еще заметь, Володя, детишки. У каждого дома. Да не по одному. И это — общественное здоровье! Загнивающему строю не до ребятишек... И новые посадки у домов. Человек долго собрался жить — иначе он не стал бы копать землю и сажать деревья. Спросишь: к чему речи? Отвечу словами Козьмы Пруtkова: «Смотри в корень!»

— Ты хочешь сказать: случай с начальником шахты — частность! Бижевич не типичен для нашей эпохи. И все это — заскоки отдельных людей... А я думаю по-другому. Бросишь камень в воду — кругом волны. Немного, но волнуется все озеро. Так и тут! И если не будет бижевичей, то люди свободнее вздохнут...

— А серый волк сожрет Красную Шапочку! — перебил меня Бочаров. — Вот ты печешься об авторитете партийных органов. Дескать, их обижают и обходят. Никаких указаний сверху нет, не было и быть не может! Это — местная самодеятельность. Твои страхи вызваны тем, что ты видишь одного Бижевича. Но ведь есть Морозов, Васильев, Леонов, Платонов — сотни чекистов. Они-то и составляют меч революции!.. А ты бросился в панику — избивают кадры!

— Не согласен! Бижевич — это зло. Он и в свое отделение подбирает людей по образу и подобию своему. И наберет таких...

— Напрасно занимаешься мрачными прогнозами, Володя! Пошли спать. Завтра попрошу лошадку да сбегаю в село. Понимаешь, интересно, как живут сегодня вчерашние махновцы и гайдамаки.

А еще через день Бочаров пригласил к себе Бижевича. Тот с каждым словом фыркал, как рассерженный индюк. С первой фразы стал нападать: подрываете, мол, авторитет сотрудников центрального аппарата! И необъективно разбираете жалобы. К тому же и с Грозовым — друзья!

— Руководство знает о нашей дружбе и все же сочло возможным поручить мне побывать в Красном Логe. Прямо скажу, крутовато берете, Юзеф Леопольдович! У вас мания какая-то:

хватать виновных и невиновных. Бредень — ведь он слепой. Люди отказываются отвечать вам.

— Ничего, признаются. Как услышат про яму, так штаны мокрые! И на столе готовое признание вины!

— Какую яму? — не понял Бочаров.

— В которую мертвых закапывают. Меня обвиняют в самовластии. А помните, Павел Ипатьевич, указание Владимира Ильича насчет правых и неправых? — Бижевич щелкнул замком кожаного портфеля из красной юфты. Достал газету, потертую на изгибах, и громко, отдельно прочитал:

— «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше — посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? — Первое лучше». Это — Ленин!..

Бочаров пристально разглядывал Юзефа Леопольдовича. Облысел Бижевич. Сквозь тонкую прозрачную кожу на лице просвечивали склеротические жилки. Пальцы катали шарики из бумаги. Он беспрерывно послонивал их.

Бочаров наконец промолвил:

— Владимир Ильич говорил все это, объясняя причины красного террора. Сегодня времена не те и люди не те! Кроме того, позволю себе напомнить письмо Ленина в ту же пору председателю Украинской ЧК, в котором Владимир Ильич предлагал постороже проверить состав чекистов, ибо на Украине чека принесли тьму зла, быв созданы слишком рано и впустив в себя массу примазавшихся...

— Это намек? — прервал его Бижевич.

— Зачем же так прямолинейно, Юзеф Леопольдович! Я хочу подчеркнуть, что ленинскими цитатами нужно пользоваться с умом. Было такое письмо, значит, давай чистить сегодняшние штаты, так по-вашему? Это же абсурд!.. Юзеф Леопольдович, каков ваш идеал в жизни? Чего вы лично добиваетесь?

— А вы? — Бижевич насторожился, щеки покраснелись.

— Хочу немногого. Чтобы люди чаще улыбались. А встретившись, говорили бы о счастье и удачах.

Бижевич слушал с явным удивлением. Он растянул тонкие губы в сочувственной улыбке.

— Мне показалось, Павел, что ты устал. Тебя тянет к покою. Прости мою фамильярность, мы ведь давно знаем друг друга. А покой нам только снится. Разве может быть чекист спокоен, если враги революции еще ходят по земле? Ты об этом думал, Павел?

— Я думаю прежде всего о том, чтобы человек шел по жизни с широко развернутыми плечами и светлыми очами. Стараюсь

обрабатывать рану без боли. Приходилось тебе видеть: чем мягче руки у врача, тем скорее выздоравливает больной. Я в лазарете убедился...

— Ты фантазер! Или просто смеешься надо мною. Конечно, мы высших школ не оканчивали. — Бижевич вдруг обиделся, побледнел и встал, одергивая гимнастерку. Значок «Почетный чекист» зацепился за клапан кармана, и Юзеф Леопольдович досадливо поправил его. — К каким же выводам вы пришли, товарищ проверяющий?

Бочаров тоже встал. И резковато ответил:

— Доложу руководству. На мой взгляд, объективно вы правы. Начальник шахты своей мягкотелостью нанес определенный ущерб производству. Но это вовсе не значит, что нужно было его хватать и везти в каталажку. Своим неуважением к партийным органам вы нанесли значительный ущерб престижу ОГПУ. Об этом также скажу руководству. Выводы остаются за начальством, это вы знаете не хуже, чем я.

Бижевич не ожидал такой откровенности и подобного заключения, растерянно хлопал глазами. Он готовился защищаться и нападать, а Бочаров просто констатировал факты.

Судьба благоволила к Бижевичу. Он не снял наблюдения за Юркиным. А тот по глупости сам ускорил развязку, стараясь замести следы преступления, как научил его Ставский. Ночью подкрался в дощатую будку, пытаясь все-таки взорвать шахтный ствол и убить сторожа. Тут его и схватили. Он отбивался отчаянно, но сторож и три чекиста связали его.

Юзеф Леопольдович вел следствие сам. Первым допросил сторожа. Он сразу сознался, что в ту ночь во сне ему чудилось, будто бы стрелял кто-то и боролся. Думал — померещилось. При свете, правда, обнаружил следы чужих сапог и дверь распахнутую. И еще на полу валялся крючок, выданный с мясом.

— Почему не сообщили администрации?

— Боялся. Все-таки спал...

— Где крючок?

— Мабуть, на полке. Туды швырнул...

Бижевич помчался в будку. На наше счастье, крючок валялся в пыли на полке. Юзеф Леопольдович пытался заглянуть в ствол шахты. Но испугался глубины и вернулся в горотдел ОГПУ. Приказал привести Юркина. Тот вошел в полупальто. Верхнего крючка на нем не было. Разорванная петля болталась.

Бижевич уверенно повел атаку:

— Когда оторвали крючок?

— Хиба я помню.

— Как он оказался в будке?

Не успел Юркин опомниться, как Бижевич пригвоздил его новым обличением:

— Куда девал Райса? Говори, гад!

Бижевич кинул крючок на стол и схватился за кольт. Глаза его стали пепельными.

— Упал, — обреченно пролепетал Юркин. — Упал в воду...

— Лошадь! Скорее! Лошадь! — заорал Бижевич.

На его крик сбежались чекисты горотдела.

— Скорее на шахту! Там — Гриша!

Юркина вывели, а мы — вихрем к шахтному стволу в будку. Каждый из нас надеялся: может быть, жив!

Запалили факелы. Вызвали пожарников.

Первым по веревке спустился Юзеф Леопольдович. Внизу была тьма и сырость. В факельном свете маслянисто поблескивала застоявшаяся вода.

— Спуститесь еще кто-нибудь! — послышался голос Бижевича.

Цепко перебираясь по веревке, я спустился вниз...

Хоронили Гришу-гирныка всем городом. Шахты провожали гудками своего сына на вечный покой.

За гробом шли и мы с Бочаровым. Будто бы живого видел я Гришу. Вот он залихватски гонит жеребца, хлещет кнутом оголтелых собак. Смеется заразительно: «Веселые люди долго живут. А мне треба коммунизм побачить! Чуешь?»

Поздно вечером Павел Ипатьевич зашел ко мне в номер. Он уезжал в Москву.

— Что же ты, Павел, доложишь начальству? — спросил я.

— Правду. Бижевич — не враг Советской власти. Он по своему предан делу партии. Метод следствия острый. Этого ты не можешь отрицать. Так было с провокатором. Здесь выявил Юркина. Характер у него неудобный.

— Выходит, Бижевич оклеветан? — вспыхнул я и напряг свою волю, чтобы не наговорить дерзостей.

— Ты прав в части его пренебрежения к горкому КП(б)У. Ты прав насчет начальника шахты. Бижевич тут перестарался. В большой толчее неизбежно заденешь кого-либо плечом.

— Павел Ипатьевич, вы изменились до неузнаваемости!

— А ты, Гром, все такой же горячий, как в молодости. Годы же должны приносить мудрость. Больше размышляй, друг дорогой! Мы идем к победе, и враги не простят нам этого. Усиление и обострение классовой борьбы — это официальная доктрина. Личное признание арестованного — главное доказательство вины. Для примера: ты меня назвал дураком. Так в суде и на следствии не ты должен доказывать, что я дурак, а я

должен убедить всех, что я не дурак! И это стало нормой. Как же я могу иначе думать и говорить? Могут быть на практике какие-то отклонения, частичные извращения. Но в главном-то эти установки правильные!..

— Изменился ты, Павел.

— А ты, Володя, не изменился. И это плохо.

Холодно простились мы в тот раз на перроне Красного Лога.

Бижевич уезжал в Москву в хорошем настроении. Мне казалось, что и смерть нашего Гриши Райса не омрачила его сердца. Диверсионно-террористическую организацию он-таки открыл: Ставский — Юркин — стрелочник из Баплея — Карпо Захарченко... Он имел полное право доложить руководству: «Со взрывами покончено! Шпионское гнездо разгромлено».

Я написал еще один рапорт на имя наркома внутренних дел СССР. Считая, что Бочаров был либеральным в оценке действий Бижевича, просил еще раз расследовать факты самоуправства, допущенные в Красном Логе. Я знал, что Бочарову принесу неприятности, но поступить по-другому не мог.

Вскоре до нас дошли вести: Бижевич носит на две «шпалы» меньше, чем до приезда в Красный Лог. Из центрального аппарата его перевели с понижением по должности в линейный отдел железной дороги в Средней Азии.

Это, наверное, было первое поражение Юзефа Леопольдовича за годы службы в органах госбезопасности.

И все-таки мне жаль было Бижевича. Он ведь был убежден, что все делает на пользу революции. Понял ли он, за что его наказали?..

НЕДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

В отдел ОГПУ пришел рукастый рыбак. Его принял Леонов. Раздался в плечах чекист. Вместо «разговоров» времен военного коммунизма на Семене Григорьевиче была защитная гимнастерка с «кубарями» старшего оперативного уполномоченного ОГПУ.

Рыбак мял в руках засаленный картуз с переломанным козырьком. Сапоги его с голенищами выше колен — в рыбьей чешуе. Продубленное морщинистое лицо строго. И сиплый голос, продутый лиманными сквозняками, суров.

— Ночью вышел к сетям. Бачу: фелюга под парусами. Зачем тут? Кто хозяин? Вопрос! Фелюга ушла к гирлу. На песке следы чобот на рубцовой подошве. Вопрос! Бачыв у румын такие...

— К пограничникам бы, чем в город шел.

На Леонова глядели ясные с прищуром глаза.

— Чека вернее!

— Чудак! Пограничники — те же чекисты.

— Ни. Чека проверена. Дуже нажимала Сима. Иди та иди...

— Кто же такая Сима?

— Та дочка, хибя ж не знаешь...

Как же мог знать Леонов дочку рыбака, если самого-то увидел первый раз! Чекист усмехнулся и пообещал разобраться.

Рыбак напялил картуз.

— Ну, бувай!

И затопал к выходу в сапожищах на высоких каблуках.

Сообщение рыбака совпадало с агентурными данными: в лимане Днепра гнездилась какая-то шайка. Наверное, контрабандисты. И Леонов выехал к пограничникам.

На заре сотрудники территориального отдела НКВД и пограничники оцепили косу, поросшую камышом. В отдалении на бугре темнел домик того самого рыбака. Там надрывно кукарекал молодой петушок.

В засаде рядом с Леоновым находился и рыбак. Он тревожился за дочку, которую оставил дома.

— Бедовая она у меня. На учительку собралась. Да боязно отпускать в город... Одна у меня. Жинку море взяло. А у вас большие детки?

Леонов вздохнул:

— Не довелось иметь...

— Молодой и здоровый — займете!..

Уже полнеба окрасилось кармином. И тогда в камышах зашуршала лодка. В небо впилась, как штык, мачта с опущенным парусом.

Тихо ткнулась фелюга в отмель, закачалась на своей же волне. На берег выпрыгнул человек в куцем пиджачке и в берете. Он оглянулся, прислушался, приседая.

Леонов медлил: пусть остальные покинут лодку!

— Давай! — махнул рукой человек в берете.

На отмель вытащили длинный ящик. Двое понесли его в траву подальше от берега.

— Руки в гору! — гаркнул Леонов, выскакивая и стреляя вверх.

— Не шевелись! — приказал с другой стороны командир пограничников.

Контрабандисты заметались. Но к лодке, шлепая по мелководью, бежали пограничники.

— Выходи на берег! Руки на затылок!

На отмель выбрались еще четверо из фелюги. В лимане татакала моторка — мчались на помощь речники.

И в это время предутреннюю тишину разорвал пронзительный крик:

— Та-а-ату-у!

На водной глади заплясало, дробясь и рассыпаясь:

— А-а-у-у-у...

Рыбак сорвался с места.

— Иду, Сима-а!

За ним — Леонов с маузером в руке. Черный чуб бился на ветру. Длинноногий, он из камышей выметнулся первым.

А от домика рыбака истошное:

— Та-а-ату-у-у!!!

Ударили выстрелы. В предрассветной сини вырос вдруг темный букет: грохнул взрыв гранаты, кинув в небо желтое пламя.

Леонов, хватая руками воздух, согнулся пополам и упал лицом к невидимому врагу.

Как потом выяснилось, ночью во двор рыбака прокрались два бандита, дожидавшиеся фелюги.

Под утро Сима вышла на крыльцо и заметила незнакомцев. Заподозрив неладное, она хотела убежать, но пришельцы схватили ее и, зажав рот, поволокли за хату. Сима изловчилась, впилась зубами в руку бандита и закричала, надеясь, что отец где-то рядом.

Увидев бегущих к хате мужчин, бандиты бросили девочку и начали стрелять из-за плетня. Один из них издали узнал Леонова и швырнул гранату со злобным криком:

— Получай, Цыган!

Пограничники задержали всю шайку. Девочка и рыбак остались невредимыми.

А вот Семен Григорьевич стоит перед нами у стола президиума и переминается с ноги на ногу.

О нем лестно говорят, отмечая заслуги перед Родиной. Ему вручают подарок и значок «Почетного чекиста». Он принимает его левой рукой. Правый, пустой рукав заправлен за широкий командирский ремень.

Выписавшись из лазарета, Леонов демобилизовался. Мы помогли ему устроиться заведующим хозяйством детского сада: тянуло чекиста к малышам! Свое гнездо он так и не свил. Сперва Семен Григорьевич считал, что любовь отвлечет его от дела революции, а скорее всего он просто не встретил женщину, которая увлекла бы его. В чекистских буднях он не заметил, как подобрались все сорок! Защите Отечества он отдал все...

И его в день рождения чествовали товарищи.

— ...Живите лучше меня... Умнее. — Леонов не договорил. Отвернулся. Закашлялся. Черные усы он снова отрастил. На висках пепелилась ранняя седина.

Ему бурно хлопали, а он, совершенно потерянный, не знал,

куда девать мокрые глаза...

С тяжелым сердцем вернулся я домой — выходят в тираж мои лучшие товарищи! Не по годам — по пережитому. Но мы свою жизнь и не мыслим другой. Люди, которые в своей жизни умели в грозу думать о себе, были для нас чужими.

Навстречу мне поднялась Анна Ивановна, бледная, худая, руки горячие и потные. В глубоких глазах радость:

— Письмо от Васи! Он в Харькове.

Служба развела нас: Васильев был назначен на Южную железную дорогу, а меня перевели в Южноморск, на железнодорожные и морские коммуникации. Не часто писали мы друг другу — все время в работе: с десяти утра до пяти дня, а потом после трех часов перерыва — опять, до самой поздней ночи. Это была норма чекистской службы. А если случится оперативное дело — неделями не снимаешь гимнастерку и сапоги!

«Дорогой Вова! Дружище мой боевой! — восторженно писал Василий Михайлович. — Меня бросили на новый фронт: с детишками возиться! С самым замечательным человеком встретился, с Антоном Семеновичем Макаренко. В трудовой колонии № 10. Тебе, мабуть, и не знать, що воно такэ, эта колония? Это такое, от чего сердце радуется за нашу родную Советскую власть! Собираем мы ребятишек одиноких, бродячих, одним словом, беспризорников. Да учим их, как людьми полезными стать. Хлопцы — оторви голова! А мы из таких куем советский рабочий класс. Вот как! Трудом да самостоятельностью... Башка этот самый Антон! Его шпыняют, а он свое дело делает исправно. Я помощником у него. Думаешь, кого тут встретил? Не догадаешься ни в жисть! Васю и Сашу. Помнишь, в двадцатые годы в «Асторию» прибегали, когда Черного Ворона ловили? Выросли мальцы, во главе отрядов стали. Мастера — будь здоров! Меня подучивают зубило держать...

Тут встретил как-то Тиму Морозова — студент! Инженером метит. Тимофей Иванович был на большой чекистской работе. Но его смущало образование — два класса! Все просился на учебу. «У тебя семья четыре человека!» — отговаривали его в отделе кадров. Сам понимаешь, кому охота отпускать толкового человека? И все же Тима в счет парттысячи попал в Харьковский автодорожный институт. А теперь он к тому же

председатель комиссии по чистке партии. В Краснозаводском районе трясет перерожденцев да разложившихся — аж пыль столбом! Чекист нашей закалки! А еще, Володя, слухай сюда. Клавдия Евстафиевна, может, помнишь, моя жинка, народила Васю. Понимаешь, хороший пацан — весь в меня!..»

Смешной, трогательный мой друг Вася! Весь ты тут, в этом восторженном письме. Ушли годы, но ты такой же юный сердцем! Жизни людской мало для того, чтобы оглянуть весь свет да переделать его на радость человеку. Но за жизнь одного человека можно сделать многое. В стране победно шагает социализм — в этом и есть твой труд. Вехами славного времени встали Магнитка и Комсомольск-на-Амуре, тракторные Сталинградский и Харьковский, Турксиб и МТС на селе... Америка, друг, и та вынуждена была признать новую Россию! Ты и твои сверстники тому «виной»!

Радоваться бы и нам в семье, ан нет. Отправил я жену в далекое Шафраново: там — кумыс, степной воздух Башкирии, сосновый аромат предгорий Урала. Вернулась Нюся — яблоко налитое. А через полгода — опять горячие глаза, пылающий румянец на скулах. И слабость. И кровь из горла. И смертельная скорбь во взгляде — плакать хочется! Так-то, мой задушевный, верный дружище...

Дела чекистские не отпускали нам часа свободного.

Июньским вечером меня вызвал начальник отдела ОПТУ.

— Вам известен Щусь?

Как же! И в Пологах, и в Сухаревке, и в Знаменских лесах — много раз схлестывались наши с ним дороги.

— Этот агент РОВСа недавно снова побывал на Украине. Заглянул в Пологи и в Знаменку. Ищет кадры, восстанавливает связи. Побывал он и в Запорожье. Вертелся что-то в среде ученых...

— И вновь ушел за кордон? — спросил я.

— К сожалению, вы угадали. Прошляпили, как самые отъявленные головотяпы! После его посещения в двух южных районах загорелись колхозные хлеба, взорван склад горючего и убиты три сельских активиста. Как видите, классовая борьба обостряется. Кулацкий элемент недобит. Есть, значит, почва для антисоветчиков и врагов народа. Семнадцатый съезд нашей партии подтвердил: вопрос «кто кого?» решен в пользу социализма. Однако это не значит, что врагов больше нет. Наоборот! Вот установили дипломатические отношения с Румынией и Чехословакией. А они через свою границу

пропускают агентов РОВСа...

Я хорошо изучил наклонности моего нового начальника — любит «подпускать» политику в самое пустяковое дело — и слушал терпеливо его лекцию, дожидаясь главного. Наконец он подошел к нему:

— Предполагается нелегальная ходка диверсанта. На ноги поставлены заставы пограничников. Ваша задача — перекрыть железные дороги на случай прорыва лазутчика.

— Придется людей просить.

Начальник не любил, когда о боевом задании знали многие, заранее считая такую операцию проваленной.

— Не дам ни человека!

— Я имею в виду железнодорожников. Актив наш, — уточнил я, внутренне усмехаясь.

Начальник потер подбородок, соображая: можно ли разрешить?

А я наседал:

— Перекрыть все участки, сами знаете, штатными сотрудниками невозможно.

— Черт-те что! Задыхаешься без работников. — Начальник отдела смотрел на меня сердито, будто бы я виноват был в том, что людей в органах НКВД недостаточно.

— Тираспольские товарищи считают, что переброска агента РОВСа будет в районе станции Рыдница, Юго-Западной железной дороги. Там Днестр имеет лазейки. Но это предположение! Отмахиваться от него мы, понятно, не можем! Свою же голову на плечах иметь не вредно! Продумайте план — вместе посмотрим... Насчет актива... Пожалуй, вы правы: придется поднять.

И вот в моем распоряжения автомобиль на рельсах — дрезина. Быстрый и удобный транспорт. Со мною в Рыдницу едут три человека.

На станции мы связались с парторгом, побывали в политотделе МТС. И в красном уголке станции собрали наших самых боевых помощников. Вкратце сообщили о предполагаемой заброске к нам вражеского лазутчика.

— Поможем, чего там, — решили коммунисты. Тут же уточнили, кто, где и когда будет нести охрану.

— Иду в засаду у переезда! — вызвался молодой дежурный по станции Тарас Семенчук.

Начитавшись книг о подвигах пограничников, он и в Рыдницу напросился, рассчитывая поймать шпиона. И вот он почти у цели. Волнуется, суматошно ходит среди сослуживцев.

Мне припомнился наш выезд из Рязани на банду Мамонтова. Так же возбужден был и я, так же хотелось отличиться. Когда это

было!..

Семенчук подошел ко мне.

— Товарища можно взять с собой?

— Кого? — спросил парторг, усатый хмурый украинец.

— Стрелочника Мыкиту. Из пограничников хлопец.

— Так вин беспартийный, — засомневался парторг, еще больше хмурясь.

— Можно, если проверен, — сказал я.

— Тут нема неверных! — обиделся Семенчук и покраснел до ушей.

Стояла тихая летняя ночь. Луна полным диском проглядывала из-за легких облаков. Дорога к переезду вилась по ржаному полю, оно уходило к самому Днестру. Оттуда, с запада, тянуло свежестью. Наши помощники тихо и настороженно уходили на свои посты.

Семенчук и его товарищ вооружились охотничьими двустволками, залегли обочь дороги.

Во ржи били перепела. Луна наконец высвободилась из облаков и засветила ясно и ровно.

— А если... — Семенчук робел и волновался: это ведь его первый выход навстречу настоящему врагу!

— Если наше счастье... Тут кричи: «Руки в гору!» А я с другого бока. Вин мае зброю — голову не высовывай!.. — картаво, тихо говорит бывший пограничник.

Осторожно приподнялись. Под легким ветром поспевающая рожь шевелилась словно живая, укрытая золотистыми полотнами. Полевая дорожка темнела, теряясь вдали. Метрах в пятидесяти позади чернела будка путевого сторожа. В светлое небо, как зенитки, уставились жерди шлагбаума.

Тишина владела округой. Перепела страстно призывали:

— Спать пора! Спать пора! Спать пора!

И нежный шепот налившейся ржи, едва слышный, убаюкивающий. Глаза слипались, голова клонилась к траве. Семенчук заклевал носом...

Бывший пограничник был привычен к ночным вылазкам. Когда в сон клонит, самое время для лазутчиков! Ему почудилось, что рожь зашелестела слышнее. Тронул Семенчука:

— Чуешь?

Прислушались. Привстали. Дорога по-прежнему была пустынной. Но рядом с нею рожь колебалась и шуршала. Ребята затаили дыхание.

Вот мелькнуло темное пятно. Шорох резче бьет в уши. Взволнованная струйка в желтом море все ближе, все отчетливее.

— Он, — прошептал Семенчук.

Отползли в кювет, взводя курки ружей.

Человек, пригнувшись к самой земле, с опаской вынырнул из ржи. Настороженно огляделся. За плечами у него горбился мешок.

Вот он в десяти шагах. Ясно видно землистое от лунного света лицо. Слышно тяжелое дыхание.

— Руки в гору! — приказал Семенчук и вскочил с ружьем.

Человек упал, и очередь из автоматического пистолета прострекотала в сонной тиши ржаного раздолья.

Не сговариваясь, хлопцы ударили залпом из ружей. Бывший пограничник успел подползти к врагу вплотную.

— Бросай оружие!

Заслышав перестрелку, я помчался на дрезине к переезду. По полю бежали пограничники с собаками.

Тарас Семенчук и его приятель скрутили нарушителя границы и привели к будке сторожа. Уложили на траву вниз лицом.

— Не шевелись! — покрикивал Семенчук.

На ходу соскакиваю с дрезины.

Семенчук ставит лазутчика на ноги. Брюки у него навывпуск, юнгштурмовка под ремнем. Кепка с «громоотводом». Ни дать, ни взять — активист районного масштаба!

В мешке из прорезиненной ткани оказалась мокрая одежда — переплывал Днестр. В карманах — советский паспорт, военный билет, справка с места жительства. Отобрали пистолет новейшей немецкой марки и финский нож в чехле.

— Я ранен! — простонал лазутчик, прихрамывая.

Семенчук влепил ему в зад заряд дроби!

Мы положили нарушителя на живот и так повезли в Одессу. Нашей дрезине повсюду давали «зеленую улицу».

При дневном свете я внимательно оглядел нарушителя границы. Вывернутые губы. Квадратный подбородок. Ноги — колесом. Да это же Щусь попался!

— Никакого Щуся... не знаю. — Пойманный враг стонал и охал.

И так на всех допросах. Тогда самолетом с Крайнего Севера был доставлен Леонид Ставский. Очная ставка началась драматически.

— Брось запираться, Наум! — миролюбиво сказал располневший и огрубевший Ставский.

Щусь покраснел и молча, оскалив лошадиные зубы, бросился на бывшего соратника. Лазутчику удалось дотянуться до горла Ставского, и мы едва отбили бывшего офицера.

— Продался, сволочь! — кричал Щусь, тяжело отдуваясь, и

все рвался к Ставскому.

Вызывали и других свидетелей, знавшихся с бывшим атаманом батьки Махно. Таких было много.

Как говорят в мире преступников, Щусь «раскололся» и выдал явки и пароли, указал связи, тянувшиеся вплоть до Москвы...

...Рассматривая мой рапорт с просьбой о поощрении Тараса Семенчука и его товарища, начальник возразил:

— Могли бы и сами чекисты его перехватить! А то выходит, что мы сами одного лазутчика не в состоянии поймать.

Однако ходатайство подписал, и смелые ребята были отмечены наградой.

В Южноморске наступила самая лучшая пора года. Зацвели белые акации. Солнце щедро светило и грело. С моря тянул терпкий ветерок. На улицах с самого раннего утра и до поздней ночилюдно.

Я не спеша шел на службу, радовался погоде. Хорошее настроение сопровождало меня еще из дому: Анна Ивановна впервые за последние месяцы прошла по комнате. Вместе с семьей пила утренний чай. И это вселяло надежду на выздоровление...

А началось с того, что соседка привела в наш дом молодого русского парня, отменно одетого, с бархатистым, усыпляющим голосом.

— Врач-гомеопат, — представила его мне соседка.

Для начала медик закатил лекцию о том, как развивалась гомеопатия, открытая немецким врачом Ганеманом в начале XIX века.

— Подобие лечить подобием — таков наш принцип. Сила действия лекарства увеличивается по мере уменьшения дозы. Хорошо растирать лекарство с молочным сахаром, — монотонно журчал бархатистый голос, располагая ко сну.

— За меня взялись бы? — робко спросила Анна Ивановна. Она сразу уверовала, что именно этот молодой человек, на которого, по словам соседки, молился весь Южноморск, станет ее спасителем-исцелителем.

Врач осмотрел ее, расспросил о самочувствии и заключил небрежно:

— Вероятно, удастся что-то сделать и помочь...

И стал навещать больную.

Лекарства в микроскопических дозах, долгие отвлекающие разговоры, а скорее всего самовнушение временно благотворно действовали на Анну Ивановну.

— Не нужно было никуда ездить — ни в Шафраново, ни на

Кавказ. И профессор — пустое дело! — оживленно говорила мне Нюся. Она чувствовала прилив сил, воспрянула духом. И во всем слушалась гомеопата.

...С такими радужными мыслями и вошел я в отдел НКВД.

— Вас вызывают в областное управление, — доложил дежурный по отделу.

«К чему бы ранний вызов?» — размышлял я, стараясь припомнить минувшие дни. Так и не догадавшись, переступил порог кабинета начальника управления НКВД.

Предисловий не последовало. Начальник положил передо мною пистолет, умещавшийся на ладони.

— Ваш?

Пистолет был весь никелирован, с позолотой. На золотой цепочке. Ценная игрушка и только. И я задал встречный вопрос:

— Откуда он у вас?

— Отвечайте, когда вас спрашивают! — повысил голос начальник управления. Бритая голова его покраснела, голос сорвался.

— Пистолетик я подарил своей жене. Она повесила его у изголовья как украшение...

— Бросьте сюсюкать! Пистолет-е-етик... Пистолетик, как вы изволили выразиться, бьет насмерть человека! Напишите объяснение и явитесь завтра на бюро обкома КП(б)У!

На следующий день мне вклеили выговор с занесением в учетную карточку за халатное хранение огнестрельного оружия.

Выяснилось, что в порыве благодарности Анна Ивановна однажды спросила гомеопата:

— Чем порадовать вас, дорогой доктор?

Молодой лекарь любовался позолоченным пистолетиком, что висел на ковре над кроватью больной.

Жена моя поняла врача и тотчас отдала игрушку. А мне об этом не сказала.

Спустя, быть может, месяц или больше, сотрудники милиции Южноморска установили, что молодой гомеопат никакого отношения к медицине не имеет — обыкновенный аферист и жулик! При аресте у него отобрали мой пистолет.

Этот нелепый случай сразил Анну Ивановну: обострился процесс, открылось горловое кровотечение. В забытии она твердила:

— Он новейшими средствами лечил... По самому хорошему методу... Научно... Как же так? Зря, наверное, на человека... Прости меня, глупую... Поедем отсюда! В Днепропетровск...

Теща тоже настаивала на возвращении в родные места. Климат сырой, ветры морские — все не для нашей Нюси.

Мы до этого надеялись получить помощь от знаменитостей — в Южноморске тогда работали лучшие в стране медики, занятые проблемой туберкулеза. Профессор предложил хирургическое вмешательство, но Анна Ивановна не решилась на операцию. И тут злосчастный гомеопат...

— Повезем Нюсю к родным берегам Днепра! — просила теща, но мне нужно было получить разрешение на переезд.

Как-то летним вечером в прихожей нерешительно звякнул звонок. Открываю дверь. На лестничной площадке стоит высокий мужчина в сером коверкотовом костюме и желтых «джимми» — полуботинках с усеченными носками. Велюровая шляпа в руке. В тусклом свете я сперва не признал гостя.

— Позвольте войти? — Голос удивительно знакомый. И нос вздернутый. И отметина на щеке.

— Павел! — вырвалось у меня. Я схватил его за руку.

— Не один я, Володя.

Из-за спины Бочарова выступила маленькая женщина в белом берете и строгом темном костюме. Я отстранился:

— Прошу в дом. Ну что же вы стоите?..

Павел Ипатьевич представил меня своей жене Марине.

Анна Ивановна не смогла сразу подняться и с болезненной улыбкой встретила гостей:

— Очень и очень рады... Столько не виделись... Павел, Павел... А я вот...

— Ничего, Нюся! Все образуется. — Павел Ипатьевич присел на краешек кровати, взял руки Анны Ивановны. — Мы с тобою еще попляшем. Помнишь, как на вашей свадьбе?.. Чуть не отбил я тебя у Володи. Ты, главное, крепись! Тебе плохо, а ты тверди — хорошо! Черт возьми, мне хорошо!

Анна Ивановна всхлипнула:

— Эх, Паша, золотая твоя душа... Сколько же в тебе доброты...

Марина понимающими глазами смотрела на мою жену и успокаивала ее, как умела.

— Ты, Аня, слушайся ее — врач! — сказал Павел Ипатьевич.

Возбужденная неожиданным приездом старинного друга, Анна Ивановна поднялась с кровати. Мы ее усадили за стол, обложили подушками. Румянец пылал на ее исхудалом лице. Большие глаза лихорадочно блестели.

В большом свете люстры я снова и снова любовался Бочаровым. Он был похож на дипломата в своей элегантной одежде. Говорил веско, подчеркивая слова редкими скупыми жестами. В уме яркой зарницей вспыхнуло видение: далекий

холодный Егорьевск. Мы с Пашкой организуем комсомол. И танцы, разрешенные нами скрепя сердце. И поход комсомольцев против галстуков, пудры, рукопожатий и духов...

Марина была очень подвижная, энергичная, смеялась заразительно. Ей было, наверное, не больше двадцати. И в сравнении с Павлом Ипатьевичем, мужественным, строгим, она выглядела девочкой-школьницей. Она наклонилась к Анне Ивановне:

— Извините, неловко, что я так громко смеюсь... Такая уж я!

— Ну, что вы! — Анна Ивановна на виду веселых здоровых гостей как-то приободрилась.

— Вот приехал к вам в санаторий. И Маринку с собою. Мы с ней две недели как вышли из загса.

Павел Ипатьевич привлек к себе жену. Она стеснительно зарделась.

Анна Ивановна тихонько посмеивалась и задумчиво смотрела на счастливых молодоженов.

Теща быстро собрала на стол. Молодых — на первый план!

— За жизнь, друзья! — Павел Ипатьевич поднял бокал с вином.

— Горько! — вдруг крикнула моя теща.

Павел Ипатьевич смутился. На щеке еще ярче зарозовела вмятина, полученная когда-то в Сибири. Он поцеловал Марину в губы.

— Будьте счастливы! — тихо сказала Анна Ивановна, пригубив рюмку с кагором.

От второй рюмки Павел Ипатьевич отказался:

— Почки!

Я пить тоже не мог: сердце шалило!

— Ну и мужчины пошли! — со смехом сказала Марина и лихо выпила вторую рюмку вина. — Пусть мне хуже будет!

Потом увела Анну Ивановну в спальню. А мы с другом уединились за шахматной доской в углу под фикусами.

— Научился?.. — спросил Павел Ипатьевич, расставляя фигуры на доске. — Не забыл, как Васильев искал шахов и матов?.. Где он теперь?

— Командует колонией детской под Харьковом. Рабочий класс воспитывает.

Гость со смешком спросил:

— Ну, кипяток, все бушуешь?.. Уже залысины и складки на лбу. Светлана, небось, невеста?..

— В пионерском лагере.

— Как работается?

Я рассказал ему про случай с гомеопатом. Бочаров,

посмеиваясь, поддел:

— Старого воробья, значит, провели!

— А в столице процесс за процессом. Вы там всех сделаете врагами народа. — Я заговорил о наболевшем. Люди удивлялись и ахали: столько вредителей и антисоветчиков открыто! Многие не верили сообщениям газет. Да я и сам узнавал об арестах людей, которых знал с детства как преданных борцов за народное дело.

— Может, их допрашивали с пристрастием, Павел? Они оговорили себя? Ну, не верится: такие люди, и на тебе — враги!

— Судебные процессы были открытыми. Иностранные корреспонденты, дипломатические представители — все налицо. Могли бы подсудимые во весь голос сказать: нас пытали! Мы наговорили на себя! Не верьте нашим показаниям! Но ведь во всеуслышанье при честном народе они подтвердили: мы враги Советской власти.

— Может, надеялись сохранить жизнь...

Павел Ипатьевич не согласился:

— Обвинительные заключения им были вручены заранее. Они люди грамотные и разбираются в статьях кодекса. А там что ни статья, то высшая мера! Так что терять им было нечего. Не отрицали вину, значит, правда. Тут не верить невозможно...

— А может, надеялись на мировое общественное мнение. Мол, рабочий класс других стран поднимет голос протеста.

Павел Ипатьевич досадливо поморщился:

— Давай, Володя, не будем ломать голову. Важно, чтобы мы с тобою следовали во всем за Лениным: и скромностью, и служением революции. Помнишь нашу клятву? — Мой друг застенчиво улыбнулся.

— Помню, Паша.

— А я недавно побывал в Рязани. Схоронил отца. На тормозной площадке схватила грудная жаба. Упал как подкошенный. Так и привезли в Рязань. Завернул на могилу Нифонтова. Берегут память: оградка покрашена, калина раскинулась у изголовья.

Мы надолго замолчали. Мысли о далекой юности охватили нас.

— Рассказали мне там любопытную историю, — промолвил Павел Ипатьевич, уронив короля в знак того, что сдается. — Знаешь ведь, как сейчас выискиваются враги? Так вот, приехали в районный центр областные руководители, за ночь созвали членов райкома партии. Утром открыли заседание. Начальник областного управления НКВД информирует:

— Ваш первый секретарь троцкист и участник подпольного

антисоветского центра! Снимать его нужно.

Первым на трибуну поднялся старый председатель колхоза и захохотал:

— Ванька троцкист! Брось чудить, товарищ!

И отказались голосовать за снятие.

Прибыл первый секретарь обкома партии. Снова собрали пленум. И опять история повторилась: сельские коммунисты не послушались приезжих. Они-то знали своего первого секретаря с пеленок!

А «дело» создано. Начальник областного управления НКВД приказывает районному энкеведисту: бери под стражу без всяких!

Явились на квартиру: не тут-то было! Секретарь уже снят с учета и с семьей выехал неизвестно куда! Вот тебе пассив и актив.

— Наслушаешься такого, Павел, и иной раз подумаешь: уйти из органов!

Бочаров резко встал и положил руку мне на плечо.

— Не смей и думать! Иначе — ты мне не друг!.. Ты уйдешь. Я — следом. За нами — третий... А кто останется?.. Бижевич останется!..

Мне не хотелось первому ворошить прошлое, но теперь я спросил:

— Кстати, где он?

— В Ростове-на-Дону. Снова пробивается «в верха». Он прямолинеен и не раздумывает при исполнении приказов. Такие личности нравятся некоторым руководителям. С горечью признаюсь тебе: не прав я был в Красном Логе. Сперва я обижался на тебя, Володя. Не скрываю. А теперь — дай руку, друг!.. Кто-то должен беречь безопасность государства. Так почему не мы с тобою? Опыт есть. Партийную закалку мы получили. Иногда бывает, как в кузнице: молот и наковальня! Кто-то должен быть буфером, чтобы не расплющить окончательно деталь, сдержать руку кузнеца.

— Могут расплющить.

— Ты шел в ЧК, заранее выговаривая себе жизнь?

— И гибелью своей утверждай революцию! — по-мальчишески воскликнул я. И застеснялся невольно выданных чувств.

Павел Ипатьевич накрыл своими ладонями мои. Так постояли мы с минуту.

— Чего вы забились в угол? — Это голос Марины.

— Договорились не дезертировать! — негромко сказал Павел Ипатьевич, выходя на свет.

— Как с Аней по-вашему? — спросил я Марину.

— Скрывать не стану: очень и очень серьезно. Перевезите ее

на родину. Перемена климата... Ну, вы не придавайте особого значения моим советам. Я ведь всего пять дней как стала врачом!

А наавтра Бочаровы перебрались в санаторий.

Я подал рапорт. В Киеве, куда к тому времени перевели столицу Украины, мое обращение нашло быстрый отклик.

— Вот и хорошо, Володя, уедем отсюда! — радовалась Анна Ивановна, узнав об удовлетворении моей просьбы. Она желала, чтобы мы скорее покинули Южноморск: приглашение обыкновенного шарлатана в дом ответственного работника НКВД не украшало мою личность! И жена хотела избавить меня от косых взглядов, колких насмешек — ведь она считала себя виновной во всем.

Зная уже о неминуемом, Анна Ивановна по-прежнему думала прежде всего обо мне, заботилась о моей судьбе. Такой была комсомолка двадцатых годов Аня Лебедева, верная жена и друг чекиста.

...Только переехали в Сечереченск, вызов от старшей сестры моей из Красноармейска:

— Папа плох!

Со старшим братом Николаем — в поезд! Отца застали в тяжелом состоянии. Но он держался твердо.

— Выпейте, сынки! Мне уже не подняться...

Слезы давили меня. Вспомнилось все лучшее, связанное с отцом, с нашей жизнью.

— Напрасно говоришь, отец...

Дрожащей рукой он сам налил стаканчики.

— Веселее, наследники!

А ночью не стало Василия Ивановича, нашего доброго отца и наставника.

В Сечереченске меня ожидало еще одно испытание.

— К нам на железную дорогу едет член Политбюро ВКП(б) Лазарь Моисеевич Каганович! Обеспечьте безопасность на железной дороге! Ясно? — Это почти дословный инструктаж в областном управлении НКВД.

Нарком путей сообщения СССР намеревался осмотреть железнодорожный узел. Собирался он побывать в Днепропетровском институте инженеров железнодорожного транспорта. Звоню туда:

— Мне директора.

— Чего тебе, Володя? — отвечает Никандр Фисюненко.

— Никандр Михайлович, знаешь о госте?

— Наслышан. Не волнуйся, Володя, встретим как положено.

Сам понимаю, что Кан, как звали мы его когда-то в ЧК, не

подведет. Объезжая участки по предполагаемому маршруту следования Кагановича, встречая хороших людей повсюду, думаю: неужели кто-то здесь покушается на его жизнь? Но убийство Сергея Мироновича Кирова, недавние процессы над террористами... И я со всей тщательностью исполняю намеченное в управлении НКВД и предписанное «сверху».

Вечером Анна Ивановна попросила:

— Побудь со мною, Володя. Поберег бы себя...

— Не могу, Нюся. Очень занят. — Я не имел права сказать жене, кого ожидаем в Сечереченске. И ушел в отдел НКВД.

Часов в одиннадцать — звонок. У тещи голос прерывается:

— Быстрее, Нюсе нехорошо...

Забежал к начальнику отдела испросить разрешения. Тот уронил недовольно:

— Ладно, уж идите... Помните: завтра с рассветом на месте!

Анна Ивановна лежала с закрытыми глазами — в лице ни кровинки! Мне показалось, что она отошла. Упал на колени перед кроватью:

— Нюся!

Жена открыла глаза, растянула с трудом в улыбке бескровные губы, искусанные в горячке:

— Володя, свари... каши. Помнишь, в первый день... поженились когда...

Спазмы давили меня. Теща навзрыд плакала. Суетился врач. Анна Ивановна глазами показала ему на двери:

— Оставьте нас.

Кашу она ела большими глотками. Из широко открытых глаз выкатывались крупные, как светлые бусинки, слезы. Отложив ложку, она взяла меня за руку. Сжала пальцы. Глаза испуганно глядели мне в душу.

— Не бросай... Светланку...

И умолкла. А глаза все слезились, просили помощи. Пальцы вздрагивали.

На столе надрывно трещал звонок телефона.

— Слушаю!

— Вы что, Громов, оглохли! — загремел в трубке голос начальника отдела НКВД. — Люди все оповещены?

Начальник знал все и без моего ответа. Знал он и о том, что в моем доме горе. И не спросил про жену. Он боялся. Боялся упустить хотя бы малейшую деталь церемонии встречи высокого гостя. Ведь по тогдашней теории на Кагановича из-за каждого угла были нацелены ружья. Не было дома, квартиры, где не предавались бы запретному: рассказывали антисоветские анекдоты, хранили незаконно оружие, читали тайком Есенина,

плели заговоры и сбивались в шпионско-диверсионные организации.

Подавленный несчастьем, я отвечал начальнику не попад.

— В шесть часов утра приходите в отдел! — приказал он.

— У меня жена...

— А у меня — теща! — грубо оборвал он мою попытку объясниться.

Телефон умолк, а я все с возрастающим возмущением прижимал трубку к уху.

— Нью-юся-а-а! — закричала теща.

Я бросился к кровати. Там все уже было кончено... Утром явился в отдел. Прошусь домой, чтобы отдать последний долг жене.

— Вы понимаете, что городите? — взорвался начальник, хватив кулаком по столу. — Ты не дорос до чекиста! Нарком едет! А он мне — жена!..

— Иду домой! Жена лежит в гробу!

С большой неприязнью отпустил меня начальник отдела и предупредил:

— Ответственность на тебе!

Это означало: нарушится хоть одна деталь плана встречи члена Политбюро — трибунала не миновать!

И вот я на кладбище. Свежая могила. Бугорок желтоватой земли. И все. Даже пирамидку не успели сладить. Цветы и венки...

Светлану увела бабушка. Я — один. Да пичуга на соседнем покосившемся кресте. Очищает перышки, вертя рыжечубой головкой.

В голове моей звон и тяжесть. И в сердце колючая боль. Отчего такая несправедливость на свете? По земле все еще ходят очень вредные люди — и ничего! Смерть их не берет. А вот моя Ньюся, моя добрая жена и товарищ, за всю жизнь не причинившая никому зла, ушла навсегда...

И черствость моего начальника — отчего? Черствость ли? Может быть, он понимает свой долг иначе, чем я? Но простая-то человечность должна быть! Ведь он имеет семью. Наверное, любит и жалеет. Почему же так глух к горю других?

Мысли перенесли меня в то далекое время, когда мы с Аней ждали первенца. Сколько волнений и новизны! И тогда я не смог встретить ее в больнице, не принес цветы в родильный дом — был на ликвидации бандитской шайки!

Она встретила меня без упрека, застенчиво ласкаясь ко мне, ворошила мои пропыленные волосы и неумело целовала мои обветренные губы. Предупреждающе шептала:

— Тихонько, Володя... Спит девочка... Без тебя не давала имя. Назовем Светой?.. Светло... Светило... Свет новой жизни...

... Из-за кустов к могиле прибрела согбенная старушка.

— Гепеушник! — и с ужасом на лице шархнулась с тропинки.

Только кусты шевелились, выдавая ее торопливые движения. Ей безразлично мое горе. Она увидела во мне только сотрудника карающего органа. Ее испугала моя форма, мои знаки различия. А ведь мне поручено беречь ее покой, обеспечить безопасность народа!

Удрученным ушел я с кладбища в городской парк. Забился в тихий угол и просидел там до утра...

Юзефа Леопольдовича прислали к нам из Ростова-на-Дону в качестве проверяющего: бакинцы пожаловались, что наша железная дорога остановила поток нефтегрузов!

Бижевич кричал без стеснения:

— Ты всегда, Громов, был добреньким к врагам, а на честных людей доносил. Помнишь, на Украине? Из-за твоей сознательности я наглотался песка в Средней Азии. Как видишь, не сдался... Что я должен буду писать в акте? Факты подтвердились!..

Меня недавно назначили начальником транспортного отдела НКВД на железной дороге, протянувшейся от Дербента до Ростова-на-Дону. А в те годы такой пост был чреват самыми трагическими неожиданностями.

— Тепловозы в ремонте сутками, железнодорожные узлы забиты составами, — наседал Бижевич. — Правы бакинцы: по вашей вине нефть оседает в Азербайджане!

— Осваиваем новую технику, товарищ Бижевич, — убеждаю я запальчивого ревизора. — Ливни в горах, и реки словно взбесились — пути размыло...

— Известная песня!.. Объективные причины ищешь. Твой начальник дороги, наверное, с врагами народа якшается. А ты ушами хлопаешь!

Отвечаю терпеливо:

— Начальник дороги — потомственный железнодорожник. Волжанин: в Батраках и Куйбышеве его прекрасно знают. Из машинистов вышел в хорошие начальники дороги...

— Хороший! Сам подумай: начальник огромного коллектива, как генерал все равно, а нарядился в трусики и гоняет мяч по стадиону! Халатность удивительная, безответственность поразительная, если не сказать хуже... Начальник НКВД смотрит на это сквозь пальцы! На нефти сидишь, Громов, а она — горячая.

Сгоришь! Страна через тебя связана с Закавказьем. Почему медлишь с выселением немцев? Под твоим носом целая деревня колонистов! В любой миг жди диверсии...

— Не поспеваем, Юзеф Леопольдович. Молотилка какая-то: приказы, шифровки, телеграммы... Закрутились!

— Почему не пользуешься упрощенным следствием? Возишься месяцами.

— Могут быть роковые ошибки.

— Потом разберемся! Сейчас важно ликвидировать пятую колонну. — Бижевич выпил большими глотками стакан воды. Кадык его ходил под кожей, как острый челнок. Передохнул и огорошил меня:

— Сдается мне, что ты сознательно волянишь. А?..

— Юзеф Леопольдович, это зря!

— Порожняк вы захватили? Я установил, что да! А эту «посуду» ждали в Баку. Цистерн нет — заводы остановились, потому что некуда сливать нефтепродукты! Кто привлечен к ответственности? Где материалы следствия?..

— С дорогой толком не успел познакомиться. Всего три месяца...

— Коммунист за все в ответе! Не прячься — у меня это исключено!..

И сочинил Бижевич длинный-предлинный акт. Мне пришлось потом потратить целый день, чтобы написать объяснение по каждому пункту его замечаний. Юзеф Леопольдович постарался так сформулировать документ, чтобы неотвратимо доказать: начальник отдела Громов халатно относится к выполнению указаний и приказов Центра! Еще в день приезда Бижевича я предположил, что такого акта не миновать. Характер проверяющего мне был известен!

Все это припоминал я, сидя у раскрытого окна в сером жилом доме на берегу Терека. В большой квартире на улице Огнева я жил один. Светлана с бабушкой оставались в Сечереченске.

Внизу под обрывом бурлила, позванивала горная река, воспетая Пушкиным и Лермонтовым, Толстым и Хетагуровым.

Напротив — мечеть и огромный парк с прудом. Говорят, что мечеть построил нефтяной король Апшерона миллионер Абрам Гукасов. Увидев здесь прекрасную осетинку, он задумал жениться на ней.

— Построй мечеть, и получишь мое сердце! — ответила гордая красавица.

Гукасов выписал лучших мастеров из Каира. И в небо взметнулась стройная башня минарета. А красавица утопилась в Тереке, не желая жить с нелюбимым.

Через мост шли одинокие припоздавшие пешеходы. Терек недовольно гроыхал в русле, перекатывая камни. На юго-западе небо еще не погасло, и горы рисовались на нем неровной щербатой гребенкой.

Нелегкие думы одолели меня. Беспокоился о Светлане: правильно ли воспитывает ее бабушка?.. Быт мой был неустроен, холостяцкое запустение в квартире. Но все это отступало перед заботами службы. После отъезда Бижевича я все время ждал неприятностей.

Мои размышления прервал телефонный звонок. Говорил дежурный по отделу НКВД.

— Вас приглашает товарищ из Центра!

Иду по тихому полусонному городу. Свежесть воздуха от близкого Казбека с вечными снегами бодрит. Чинары с грустью опустили ветки. Каштаны царственно держали свои округлые кроны.

Кто и зачем снова приехал? Что еще прикажут? Грозный акт Бижевича должен иметь последствия!..

А время было очень тревожное: в мире гремели большие пушки. Абиссинию терзали молодчики итальянского дуче Муссолини. Гитлеровцы захватили Рейнскую область и точили зубы на Австрию и Чехословакию.

Над Европой уже пронесся радиовихрь: «Над всей Испанией безоблачное небо!» То был сигнал фашистским мятежникам:

— Начинайте!

И в Испании запылала гражданская война — первые открытые бои с фашистами.

В таких условиях можно было ожидать самых невиданных событий. Много предположений пронеслось у меня в голове, пока я добрался до отдела НКВД.

В приемной меня встретил адъютант Берия. И сердце у меня оборвалось: прощай, воля!

Предложено выложить ключи от сейфов. Оружие — тоже. А через какой-то час меня втолкнули в вагон-тюрьму.

В Ростове-на-Дону я еще раз повидался с Бижевичем. Он презрительно осмотрел меня.

— Достукался, Громов!

Я не ожидал от него сочувствия, но, помня годы, проведенные вместе на Украине, светлые дни совместной работы в ВЧК, рискнул обратиться:

— Юзеф Леопольдович, вы меня знаете с первых дней моих в ЧК. Неужели и вы верите, что я враг?

— Гражданин Громов, знакомством со мною не прикрывайтесь!

— За меня мог бы поручиться Васильев. Помните его?..

Бижевич подался вперед так, что на лысине зашевелились шелковистые волосики, и с особенным удовольствием бросил мне в лицо:

— Сидит твой Васильев! И скоро не выйдет. Ворюгами окружил себя. И ты, Громов, найди в себе мужество отвечать за содеянные преступления!

Конвоир тронул меня прикладом:

— Вперед!

Бижевич ничего мне больше не пожелал...

Потянулись однообразные, тяжелые дни. Одинаковые недели и месяцы. Чтобы скоротать эти дни и ночи, я стал считать тараканов и угадывать: какой выползет — черный или рыжий?.. Ползали больше черные. Что-то постоянно капало с потолка одиночки: бетонные стены отдавали холодом и сыростью. Потом пошли фурункулы. Их я тоже считал — сто пятьдесят вышло! Я стал слепнуть...

Но и за решеткой выпадают удачи: у меня сменили следователя! Назначили паренька с рудников. Увидя меня первый раз, он отшатнулся. На его молодом лице — ни кровинки.

— Чего это вы так? — наивно спросил он.

Я едва мог ответить: всю неделю мне не давали спать. В тесной одиночке была зажжена электрическая лампочка величиной с добрый арбуз, через каждые полчаса надзиратель проверял: не уснул ли я.

У паренька было страдальческое лицо. Он лихорадочно курил. Потом неожиданно сказал:

— Ложитесь на диван! Я буду кричать и топтать ногами. А вы спите.

Он прошел к двери и запер ее.

То были удивительные дни и ночи. Меня приводили на допрос, я ложился на сухой теплый диван и точно проваливался в бездну. А мой молодой следователь орал во все горло:

— Ты у меня признаешься, гадина!

Грохал кулаком по столу, бил ногами табуретку. И снова кричал. А часа через два будил меня, плескал из графина воду на мою стриженую голову, ударом ноги распахивал двери:

— Уберите эту сволочь!

Паренек облегчил мне жизнь. Сон в его кабинете придавал мне силы, а сознание того, что нам на смену приходят такие вот пареньки, крепило мою волю. И я дотянул до приговора.

Вот и лагерь. Длинные бараки. Колочая проволока. Вышки с пулеметами. И работа на лесозаводе, в столярке. Делаем длинные

ящики. Догадываемся: для упаковки снарядов!

В бараке я подружился с бывшим чекистом, который до ареста работал в НКПС. Отводили душу в долгих, неторопливых беседах — нам спешить было некуда! Горевали, что так ослаблено руководство Красной Армии — мы глубоко были убеждены в неизбежности войны с фашистами...

Изболелось мое сердце за Светланку: как она станет жить? Ведь и за ней потянется нитка от отца, осужденного Особой военной коллегией...

И вдруг вызов в канцелярию. Без вещей. Бреду впереди сопровождающего. В кабинете начальника лагеря стянул картуз. И не верю своим глазам. Высокий военный с тремя ромбами в петлицах. Метка на щеке.

— Павел!

И тотчас спохватился:

— Гражданин начальник...

Бочаров прижал меня к своей груди.

— Здравствуй, Володя!

Сели рядом на деревянную скамейку. В глазах у меня слезы...

— Крепись, Володя... Светлана у меня в Москве. Они дружны с Маринкой. Так что порядок. Не беспокойся.

Я склонил голову, чтобы друг не увидел моих слез.

— Скажи ей, что папа любит ее, желает здоровья... Спасибо, Павел, спасибо.

— Володя, тебе предъявлены тяжелые обвинения.

Я кивнул головой: да!

Павел Ипатьевич сказал твердо:

— А я верю тебе! Надейся, Володя! О тебе не забыли.

Я не заметил, как пролетел целый час. Наконец Бочаров пожал мои огрубевшие на непривычной работе руки, еще раз прижал к груди и с суровой неприступностью открыл двери.

— Уведите заключенного в лагерь!

И снова тягучее однообразие. Но теперь у меня теплилась искорка надежды.

Однажды жизнь исправительно-трудовой колонии была потрясена до основания. К нам прибыл генерал-лейтенант!

Нас построили на плаце правильным четырехугольником. Охрана усиленная: чуть двинешься, рычат овчарки!

Генерал вышел на середину и поразительно долго молчал, оглядывая серые ряды, стриженные головы, собак на поводках... Потом басом, как из пустой бочки, обратился к нам:

— Хлопцы! Фашисты напали на Советский Союз. Враг топчет советскую землю!..

У меня сжалось сердце, перехватило дыхание.

— Кое-кому из вас мы разрешим выехать на фронт, — продолжал генерал. — Но моя речь пока не об этом. Главное сейчас в другом, хлопцы!

Меня покорила эта речь. Не «граждане» и не «товарищи» (запрещено!), а это нейтральное — «хлопцы». Понятно стало долгое молчание генерала: искал в уме необидную форму обращения к заключенным. Меня трясло от возбуждения: можно вырваться на фронт!

Генерал продолжал тоном приказа:

— Пока будет идти отбор на передовые позиции, я прошу всех увеличить выпуск снарядных ящиков. Продукции у нас много, а паковать не во что. Нажмите, ребята!

Выступил вперед мой новый лагерный товарищ, жилистый, с ввалившимися глазами.

— Начальник, наша смена сделает в два раза больше. Давай мешок махорки и двести паек хлеба лучшим.

Мне показалось чудовищным в такой момент торговаться, но потом образумился: ребята изнывали без курева. Лишний кусок хлеба — это надежда быть здоровым, и значит — фронт!

— Будет! — коротко согласился генерал.

В цехах деревокомбината настали дни азартного поединка: кто больше? Будто бы в сменах удвоилось число рук! Работали с ожесточением и злостью. Лагерное начальство похваливает нас. А заключенные, гордые сделанным, кричат:

— Для России стараемся!

— Давай больше материала!

И все ждем вызова на линейку с вещами: на фронт!

А снарядные ящики идут от нас потоком. Прежние, мирные нормы кажутся далекими. О наших делах стало известно в Москве. И вдруг узнаем: комбинату присуждена большая премия!

А куда же расходовать премию? Нам деньги выдавать не положено. Вещами премировать — нельзя! Путевки на курорт — абсурд.

И вот в кабинете директора большое совещание: старшины «контриков», мастера, командиры охраны, представители заказчика. Вопрос один: как распорядиться премией?

Как гром среди чистого неба слова нашего лагерного «кума» — уполномоченного НКВД, лейтенанта:

— Устроим пир для всех!

Начальник лагеря, болезненный худой капитан, просиял:

— И верно! Заслужили ребята... Но одно условие: старшины барачных, начальники смен дают мне слово, что ни один заключенный не убежит, что никаких ЧП не будет и выработка не снизится.

— И я согласен на такую пирушку! — сказал директор комбината.

Лейтенант сдержанно заметил:

— Я на фронт прошусь, не отпускают. А так скорее попаду!

— Ну, а мне — домашний арест. У меня язва желудка. — Начальник лагеря улыбался. Я впервые увидел, что у капитана приятное лицо и озорные глаза.

Директор комбината купил всем заключенным по новому костюму и закатил пир до утра. Утром угощалась ночная смена. И ни единого нарушения! И ни единого ящика в ущерб заданию!..

А еще через день, уходя утром в цех, мы увидели в воротах лагеря нашего «кума». Лейтенант с чемоданом садился в машину. Он угадал свою судьбу: пирушка стоила ему отправки на передовую! Десять суток не являлся и начальник лагеря — свою норму он тоже получил!

И я дождался своего часа: меня повели с вещами в канцелярию! Конвоир покинул комнату. Начальник лагеря размашисто подписывает документ.

— Громов, едете в Москву! Счастливо воевать, товарищ!

И уже нет охраны и вышек с пулеметами. Нет колючей проволоки. Улыбаются улицы. Каштаны цветут для меня. Чинары дают мне прохладную тень. Лишь люди хмурые, настороженные. Война!..

На Лубянке в бюро пропусков меня очень пристально разглядывали, но я настоял, чтобы позвонили Бочарову. С той же профессиональной настороженностью проводили с пропуском до самой двери кабинета.

— Со вторым рождением тебя, Володя! — Павел Ипатьевич обнял меня.

Сели в кресла друг против друга. У меня глаза — на мокром месте. Спазмы рвали горло. Я то и дело протирал очки. Бочаров успокаивал:

— Все позади, Володя... Возьми себя в руки... Вот тебе деньги. Переоденься и быстро на Новую площадь. С партийностью твоей решено: восстановлен!.. Потом — к Маринке... Я предупрежу ее, О службе — потом.

И вот притемненная Москва. Проекторы полосуют небо. В их голубоватых лучах иногда мигнет серебро сторожевых «колбас» зенитного заграждения. Окна домашнего кабинета Бочарова раскрыты. Мы не зажигаем свет.

Марина со слезами на глазах рассказала мне, что Светлана не послушала ее и уехала в Сечереченск:

— Вместе с бабушкой буду. Она старенькая — кто ей

поможет?..

Пришел Павел Ипатьевич и рассеял мою тревогу:

— Я просил своих товарищей эвакуировать твою тещу и Светлану в первую очередь. Обойдется!.. Я партизанами занимаюсь и подпольщиками. Планов до войны насочиняли много. А стремительные фашисты растоптали все наши наметки! Теперь почти все заново приходится создавать...

— А если мне... на Украину, Павел?.. Разведчиком был в ЧК, помнишь?

— Подумаем, Володя... А Бижевич рядовым бойцом ушел в ополчение.

— Что ты говоришь, Павел? Он же был начальником отдела. Два ромба. Чудеса!

... Вернувшись от меня из лагеря, Павел Ипатьевич побывал у заместителя наркома и выложил ему всю мою историю.

Поручили заняться Бижевичем особой инспекции.

— Пригласили дать показания и меня, — рассказывал Бочаров. — Припомнил я угольную волюнку и провокатора. Красный Лог не забыл. Раскрыл провокационное поведение Бижевича при проверке жалобы на тебя, Володя. Словом, раздел его. Ведь его учили, предупреждали. Наказывали за ошибки. Думали — поймет человек! А он калечил живых людей. «Я готов уехать на периферию, — заявил Бижевич при следствии в особой инспекции. — Я же не против Советской власти. Я кровь свою отдам за партию!»

«Отчислить из органов госбезопасности и направить Бижевича в распоряжение райвоенкомата» — так решили в особой инспекции.

— Больше я Бижевича не встречал, — закончил Бочаров.

Мы долго молчали. Потом Бочаров сказал:

— И твоим делом занялись, Володя. Правда всегда победит. Только верить нужно. Сильно верить.

— И иметь верного друга, — добавил я.

— Опять двадцать пять. Партию благодари, Володя!..

А по темному небу тревожно метались лучи прожекторов.

1962—1965 гг.

Куйбышев.

Примечания

Участники комитета незаможных селян, в России — комитета бедноты.